

$\int_{RF} d\mu \left(\text{символ} \right)$

В.А.Курзенов

ЗАПИСКИ

**Выборочные воспоминания
из моей жизни и не только**

**Санкт-Петербург
2013 г.**

Содержание

Мои родители и родословная.....	5.
Мое раннее детство.....	13
Отрочество и юность.....	15
Немного о моей родной деревне.....	36
О моих близких родственниках.....	71
Студенческие годы.....	81
«Оморячивание».....	119
Служба на ТОФе.....	125
Служба в НИИ.....	145
Работа по «гражданке» во ВВМУРЭ.....	169
Новое направление работ.....	178
О некоторых однокашниках.....	193
Заключительные замечания.....	203

Любой нормальный человек после определенного возраста начинает ощущать ограниченность времени, отпущенного природой для его жизни. После шестидесяти возникает желание оглянуться назад, восстановить в памяти важнейшие события и сделать анализ прожитого. Безусловно, многие события прошлого воспринимаются в этом возрасте совершенно иначе и оцениваются по-другому. Значительная часть событий вообще не сохраняется в памяти, поэтому любые воспоминания не могут дать полной картины пережитого человеком. И все же записки о прошлом могут представлять интерес не только для детей и внуков автора воспоминаний, но и для исследователей-историков, социологов, а также для читателей мемуарной литературы. Хотя, конечно, эти записки всегда субъективны и не могут претендовать на обобщения.

Сесть за такие записки меня заставило горячее желание сохранить для последующего поколения хоть какую-нибудь информацию о происходящих процессах в советском (российском) обществе. Без глубоких обобщений, все же можно заметить, что в период с сороковых годов до конца XX столетия динамика процессов в регионах мало отличалась от процессов в стране, различия состояли, скорее всего, только в частностях. По крайней мере, так представляется автору воспоминаний. Мне кажется, что для нашего поколения мой прожитый путь является достаточно типичным. Все невзгоды и трудности, выпавшие на долю страны, мы переживали как личные и по мере возможности старались внести свой вклад в их разрешение.

Мои родители и родословная

Мой отец, Курзенев Анатолий Григорьевич, родился 4 ноября 1913 года в семье довольно зажиточного крестьянина Григория Денисовича в деревне Алканка Кикнурской волости Яранского уезда Вятской губернии. Крестьяне этого уезда не были крепостными и не знали гнета помещиков. Вначале XIX века в эту деревню из поселения Курзенево, что находилось в нескольких верстах от крупного селения Челка под Кукаркой, переселился Курзенев Филипп, мой пра-пра-прадед. Его наследником стал сын Яким, сыновья которого Денис и Иван продолжили род Курзеновых. Дед моего отца, Денис Якимович, был предприимчивым человеком, и до построения Транссибирской магистрали ездил на лошадях на золотые прииски Алдана и Бодайбо к брату Ивану Якимовичу, горному инженеру, получившему образование в Германии «на казенный кошт» как имеющий «особые способности». Иван Якимович был, по-видимому, незаурядной личностью. У меня есть информация, что он очень много сделал для освоения богатств Сибири и Дальнего востока, и в его память один из железнодорожных разъездов носил его имя. По приезду из Сибири Денис Якимович значительно укрепил свое хозяйство и оставил своим сыновьям Степану и Григорию богатое имущество и постройки, включающие двухэтажный особняк. При разделе сыновьями имущества по жребию Григорию выпал деревянный верх особняка, который он перестроил в пятистенный дом, обшитый первоклассным тесом. Григорий был сельским умельцем, легко разбирался в новой технике и мог ремонтировать любой сельхозинвентарь (жатки, косилки, молотилки и др.). С началом войны в 1914 году он был мобилизован в действующую русскую армию, участвовал в наступлении на австрийском направлении, тяжело ранен и скончался в 1915 году от ран в Саратовском госпитале. На руках у неграмотной крестьянки Курзеновой Екатерины Владимировны (в девичестве Михалевой), моей бабушки, осталось четверо детей, из которых младшим был мой отец. Чтобы содержать семью ей приходилось неистово работать даже на зимних лесозаготовках наравне со здоровыми мужиками. Она была удивительно доверчива и непосредственна, открыта к людям, знала массу пословиц и поговорок, любила русские песни и в короткие минуты крестьянского отдыха всегда вела первую партию в хоре.

Детство и юность моего отца были такими же, как и у многих из его сверстников. Большинство из них не могло в тех условиях получить полноценного образования, их с детства занимала забота о

хлебе насущном. Все, что удалось получить моему отцу – так это неполное семилетнее образование. И это несмотря на то, что способности у него были приличные, а память отменная. С началом Великой Отечественной он ушел на фронт, был тяжело ранен, закончил войну в Прибалтике, демобилизовался в 1945 году. До 1955 года председательствовал, а затем занимал различные должности в госпредприятиях. С 1960-го года проживал в г. Казани, в 1989 году умер. При жизни его отличала неумная энергия, инициатива и находчивость, умение установить контакт с любым собеседником и чувство юмора. По характеру был вспыльчив, но быстро отходил. Его вспыльчивость и находчивость довольно неплохо характеризует один эпизод. Будучи председателем колхоза, где-то в 1946 году он приехал в столицу, чтобы получить в Министерстве сельского хозяйства разрешение на покупку колесного трактора для колхоза. Существующие тогда МТС (машинно-тракторные станции) не позволяли оперативно учитывать природные и погодные условия колхозов даже в масштабах района. И впоследствии система МТС была отменена как малоэффективная. Добившись приема в министерстве, отец оказался в кабинете зам. министра Васина. Последний устроил молодому председателю разнос, заявив довольно в грубой форме, что «нечего транжирить на поездки колхозные деньги, езжайте обратно, не мешайте нам работать». Прошедший всю войну отец воспринял это как личное оскорбление и выпалил:

- «Я думал, что всех врагов народа в 30-х годах расстреляли, а они вон где сидят».

Сообразив, что совершил смертельно опасную ошибку он бросился бежать из кабинета под крики Васина:

- «Назад! Задержать!».

Побежал он по лестнице не вниз, а вверх и юркнул в первый попавшийся на пути кабинет. Это оказался кабинет Маршала С.М. Буденного. Маршал принял незадачливого председателя, изложившего колхозные проблемы и попросившего у «народного Маршала» помощи. Буденный взял отца под опеку, обещал «похлопотать» и оформил пропуск на выход. Можно сказать, что счастливый случай спас отца. Еще один эпизод из его жизни, уже пенсионера, говорит о его находчивости. Навещая своих родственников в различных городах Союза, однажды он оказался в Москве проездом и, гуляя по столице в ожидании поезда, затруднился найти общественный туалет. Завернув во двор ближайшего дома, справил малую нужду и тут же был задержан блюстителем порядка. На вопрос:

- «Дед, ты что ...?».

Он ответил вопросом:

- «А что нельзя? А у нас в деревне везде можно». Милиционера это очень развеселило, и он оставил старика в покое.

В каком-то смысле отец был поэтом, много читал на память Есенина, Демьяна Бедного, знал множество песен и любил петь русские, вполне прилично играл на баяне, гитаре, балалайке и очень хорошо на гармошке. Музыкальной грамоте, разумеется, он нигде не обучался. Любил быть в компании. Перед рюмкой, другой,... обычно приговаривал:

- «Пахать - мал, боронить - велик, а вот водку пить – в самый раз».

Моя мать, Курзенева (Корякина) Наталья Павловна, родилась 22 августа 1914 года в большой крестьянской семье Корякина Павла Александровича, ровный и спокойный характер которого, любовь к детям сделали эту семью согласной и дружной. Место рождения моей матери - деревня Ваштранга, расположенная в 4-х километрах от Алканки, на берегу реки. В семье было восемь детей: три дочери и пять сынов. Мой дед Корякин П. А. был неплохим столяром, хорошим плотником, держал пасеку, любил охоту и рыбалку. Все это позволяло ему содержать вполне приличное крестьянское хозяйство. Как было принято в русских деревнях, все крестьянские дети приучались к труду с самого раннего детства. За этим строго следила многодетная мать - моя бабушка Корякина (в девичестве Воронцова) Татьяна Федоровна, женщина с твердым и независимым характером. В конце 20-х годов казалось, что ничего не угрожает этой дружной и трудолюбивой семье. Однако наступление на крестьян не обошло стороной и их. Сначала семью крестьянина-середняка Корякина П.А. объявили «твердозаданцами», что, конечно же, материально подорвало семью, да и морально тоже. Затем обрушились на них другие удары судьбы. В 1932 году внезапно умирает глава семьи, а через год умирает и его жена. Тому и другому не было и пятидесяти. Оставшиеся без родителей дети поддерживали друг друга как могли. Получить приличное по тем временам среднее образование смогли только двое. Но и это, надо признать, было большим достижением, поскольку тогда действовали ограничения на получение образования для детей «непролетарского происхождения». Например, учащуюся Корякину Наталью дважды исключали из Яранского педагогического техникума за происхождение.

Моя мать унаследовала от своего отца ровный характер, доброту и расположение к людям. Она была немногословна, рассудительна и обладала удивительным тактом и выдержкой. Ее аккуратность и трудолюбие отмечались всеми, кто знал ее. В

молодости она была необычайно красива, носила огромную русую косу. Казалось, что эта женщина сошла с картины художника. По видимому не зря окружающие называли ее «картинкой». Очень любила читать книги, с удовольствием слушала музыку и часто что-нибудь тихонечко напевала себе. Но голос у нее был негромкий. При воспитании своих детей она никогда не повышала голоса, но каждое ее слово производило сильное впечатление. Ее «а я бы так не сделала» всегда ставило на место не в меру расшалившихся детей. Где и кем только не приходилось работать моей матери, от учительницы младших классов до скотницы в колхозе. И везде эта маленькая хрупкая женщина оказывалась на высоте, пользовалась большим уважением во всех коллективах. В возрасте семидесяти шести с половиной лет, в первый день весны 1991 года она тихо умерла, пережив на полтора года своего спутника жизни, с которым они прожили 56 лет. Их могилы рядом на Дербышкинском кладбище г. Казани. Там же, где похоронен мой старший брат Олег, трагически погибший в 1967 году в возрасте 30 лет.

У моих родителей было пятеро детей. Два первых мальчика умерли в младенческом возрасте. Так что фактически в семье мы воспитывались втроем. Я был четвертым по счету ребенком в семье, а по жизни вторым. Младшей была сестра Лия. Разница в возрасте между мной, братом и сестрой была в два года. В период нашего детства, в сороковых послевоенных годах родители настолько были заняты работой, что мы их не видели неделями: когда просыпались, то они уже были в поле, на работе, а когда ложились спать, то они были еще на работе. С нами была бабушка Катя. Она присматривала за хозяйством, да и за нами, как могла. Для нас это была большая степень свободы. Но к сельхозработам нас привлекали с дошкольного возраста на своем приусадебном участке, который составлял целых 50 соток и фактически «кормил» семью. За изнурительную колхозную работу крестьянин не получал ничего. Все отдавалось государству. Более того, с самих крестьян еще взимался сельхозналог в виде сельхозпродуктов. Это масло, мясо, молоко, яйца, шерсть. Чтобы выжить в таких условиях, нужно было работать от зари до зари. И дети как могли, помогали взрослым. В то трудное время крестьянин был на уровне крепостного. Ему не разрешено было иметь паспорт, а потому он был привязан к своему месту, он никуда не мог поступить на работу. В деревне считалось за счастье устроиться в городе няней у родственников или прислугой у какого-нибудь важного чиновника по справке. А справку колхоз мог и не дать. Что почти всегда и происходило.

- Прадед –дедушка отца по материнской линии Владимир Сергеевич Михалев с сыновьями Василием и Иваном 1920 год.

Дедушка - Курзенов Григорий Денисович, мобилизованный в русскую армию в 1914 году вятский крестьянин, погибший от ран на русско-австрийском фронте в 1915 году

Бабушка – Курзенева Екатерина Владимировна в 1939 году

Корякин Павел Александрович, дедушка по матери, 1927 г.

Корякина (Воронцова) Татьяна Федоровна с младшим сыном Руфой,
бабушка по матери, 1927 г.

Молодожены Курзены Анатолий Григорьевич и Наталья Павловна –
мои будущие родители в 1934 году

Отец – Курзенов А.Г. в 1964 году

Мое раннее детство.

Согласно Свидетельству о рождении я родился 21 августа 1939 года в деревне Алканка Кикнурского района Кировской области.

Из раннего детства сохранились только отдельные отрывочные воспоминания. Например, когда отец уходил на войну летом 1942 года после короткой реабилитации в связи с тяжелой контузией. Будучи проездом через ближайшую от нашего района железнодорожную станцию Шахунья, он сумел получить разрешение навестить свою деревню Алканку на три дня. Помню, что его и Ложечникова Василия Семеновича, односельчанина, провожала вся деревня, и как плакали женщины. На руках у мамы была маленькая девочка, моя сестренка, которой не было и года. Мама была сурова, в глазах слезы, но она не плакала. Я уцепился за бабушку Катю, мне ее было очень жалко, она плакала навзрыд, голосила чисто по-бабьи, а я мало что понимал. Следующее воспоминание относится тоже к военному времени. Однажды ночью нас разбудили глухие бухающие удары, от которых, как мне казалось, дрожит земля. Мне объяснила мама, что это разрывы бомб, что немцы бомбят Горький. И, наконец, где-то в 1943 году, помню, я тяжело заболел, как тогда говорили, воспалением легких. Никакой медицинской помощи, разумеется, мне не оказывалось. Лечила бабушка народными средствами. После преодоления кризиса, когда

я метался и бредил и, казалось, ослабленный детский организм не выдержит, на удивление всем дело пошло на поправку, только после выздоровления в правом глазу стала расти какая-то «бьяка». Она очень мешала, кровоточила, если к ней нечаянно прикасался. Тогда бабушка Катя укутала меня в тулуп, посадила на санки и свезла в районный центр, в Кикнур, в больницу, где эту «бьяку» быстро удалили. Обрато бабушка довезла меня быстро. По дороге я крепко уснул и проснулся только дома, хотя со слов бабушки в дороге дважды и вываливался из санок. Помню, в то время к нам часто заходила сестра моего отца тетя Таисия. Она была моей крестной матерью. Я ее очень любил, звал «кока Ися» и часто напевал одно слово на неопределенный мотив, понятный только малышам: «Исся – Исся...». Обычно она брала меня и поднимала высоко на вытянутые руки со словами:

- «Самолет летит!» к моей неопиcуемой радости.

В 1944 году она умерла от брюшного тифа, оставив круглыми сиротами четверых детей. Похоронка на дядю Степана, ее мужа, пришла еще в 1941 году. Старшей из оставшихся круглых сирот Рае было 14 лет, Мише 13 лет, Валентину 8 лет, а Леве 3 года. Младших детей свезли в детский дом, а старшие некоторое время жили одни, а затем перебрались к нам, после того как их обворовала известная во всей округе профессиональная воровка Саня Рыжая. К счастью, украденный скарб был найден в ледяной горке у дома преступницы, где все похищенные вещи и были замурованы.

В эти военные годы даже мы, дети ощущали какую-то тревогу, чувствовали как тяжело взрослым мамам и тетям, как они работают день и ночь, как в деревню почти каждый день приходят страшные вести о гибели на войне наших деревенских мужиков и парней.

Самым ярким воспоминанием тех лет является день 9 мая 1945 года. Утром этого солнечного дня в деревню из Кикнура прибежала запыхавшаяся женщина по имени Августа с криком:

- «Война кончилась!!!».

Через некоторое время вся деревенская улица наполнилась людьми. Все высыпали на улицу. Люди плакали. Этот плач забыть невозможно.

Постепенно стали возвращаться уцелевшие фронтовики. Это было несколько инвалидов. Пришел и мой отец. Вскоре его избрали председателем колхоза в нашей деревне.

Следующие события в моей памяти сохранились уже с большей регулярностью и подробностью. Помню, как любили мы ходить в гости в Ваштрангу к дяде Ивану и дяде Сане Корякиным, маминым братьям, и к тете Вале, маминой сестре. Обычно это было в первое воскресенье после Петрова дня (12 июля). Нам было очень

интересно и легко в обществе семи двоюродных братьев и трех сестер примерно нашего же возраста. Это были Виталий, Коля, Слава, Юра и Леня Барановы (дети тети Вали), Лия, Юра и Валерик Корякины (дети дяди Ивана), Света и Аля Корякины (дети дяди Сани).

Однажды мы с бабушкой Катей шли в Ваштрангу и в деревне Соболево, через которую нужно было проходить, я заметил огромного бора, спрятавшегося от жаркого солнца в тени, под пристройкой к дому. Через год мы с бабушкой шли тем же маршрутом, было так же жарко, но того кабана почему-то уже не было. Этот вопрос я и задал бабушке. Долго не мог понять, почему она весело смеется. Тогда же я «отличился» еще раз. На подходе к Ваштранге стояла ветряная мельница, она работала и туда, как оказалось, пришли за помолом наши гостеприимные хозяева (тетя Клава – жена дяди Вани и тетя Лиза – свекровь тети Вали). Обе хозяйки стали настойчиво звать нас к себе, взяв мою бабушку за руки. Тогда мельник сказал:

- «Вы же разорвете тетку Катю».

Я поднял рев и стал звать бабушку идти домой.

Примерно в то же время, но уже зимой к нам в гости по случаю именин бабушки на Екатерининскую (7 декабря) приехали дальние родственники, но очень близкие к нам люди, Соломин Петр Степанович с женой Евгенией. Дядя Петя посадил меня на колени и стал читать сказку «Кот, петух и лиса». Когда он дошел до места, где кот не услышал криков петуха и не смог отнять его у лисы, я заплакал так, что меня еле успокоили.

Наконец, помню тяжелый и голодный 1946–й год. Тогда обязанностью всех нас, детей, было собирать кашки клевера, чтобы затем их высушить на противне, растереть, добавить горсть муки и делать из этой смеси лепешки. Собранное ведро этих клеверных кашек казалось очень тяжелым и приходилось на обратной дороге отдыхать несколько раз. Кружилась голова. В этот год меня не пустили в школу, поскольку я был физически слаб, хотя уже знал все буквы и умел читать.

Отрочество и юность

Наступивший 1947 год практически мало отличался от предыдущего для нас, крестьянских детей. В зимнее время мы любили кататься со снежных горок на санках и лыжах. Поскольку наша деревня была расположена на равнине, то горки были в виде больших сугробов, либо в виде искусственных снежных куч. Правда, в масленицу взрослые устраивали настоящую горку, сооруженную из хороших досок, посыпали их снегом и с вечера

обильно поливали водой. Наутро получалась замечательная ледяная горка, на которой катались не только дети, но и взрослые. Как-то не помню, чтобы простужалась малышня, хотя одежда была самая скромная, и часто из дырявых штанишек виднелись розоватые колени. Мне в тот год зимой бабушкин брат дядя Ваня дал на прокат лыжи. Надо сказать, лыжи обычно делали сами. Как правило, это были обыкновенные доски с загнутыми концами. Чем шире они были, тем меньше проваливались в снег. Это качество считалось очень важным. Лыжи, взятые у дяди Вани, были фабричные, но из разных пар. Я тогда счастливый шагал на них по дороге вдоль деревни и на вопрос прохожих:

- «Где взял такие лыжи?», - гордо отвечал:

- «Занял у дяди Вани».

Летом мы любили находиться около лошадей. Конный двор был недалеко от нашего дома. Особенно нравились нам «молодяжки», как обычно в деревне называли молодняк лошадей. Вместе со взрослыми лошадьми их водили на осмотр и прививки в ветлечебницу. Нас в этом случае сажали в запряженные подводы. В одну из таких поездок я получил хороший урок. Мне захотелось подогнать поближе к обозу резвившуюся молодую кобылку. Я соскочил с подводы и с прутом березы побежал за ней. Неожиданно она развернулась ко мне задом и лягнула меня. Удар пришелся мне в руку и был таким, что я упал и потерял сознание. Хорошо еще, что не оказалось перелома. С тех пор я знал, чего нужно опасаться при работе с лошадьми.

Первое сентября 1947 года я запомнил на всю жизнь. Еще бы! Можно идти в школу. Ночью просыпался несколько раз, чтобы не проспять. В шесть часов утра, как только родители ушли на работу, начал собираться в школу. Начало светать. Завтрак состоял из стакана молока и куска хлеба. Положил в холщевую сумку букварь, две тетрадки, пенал и направился в другой конец деревни (Новую Алканку), где располагалась 2-х классная начальная школа. Она размещалась в одной из половин пятистенного жилого дома. В другой половине жила семья Ульяновых (хозяйка - Надя с дочерьми Фаей и Люсей, старшая дочь Лидия в то время была замужем и жила в Кикнуре). Каково же было мое удивление, школа оказалась закрытой, и никого еще не было. Пришлось сесть на изгородь (больше садиться было не на что) и ждать. Когда взошло солнце, подошел еще один школьник. Им оказался мой двоюродный брат Юра Курзенев. Но он был уже второклассник. И только часа через полтора стали собираться остальные дети, а школу открыли. Никого из родителей не было в школе в этот день. Все взрослые были на работе: либо в поле, либо на скотном дворе. Нас, всех детей,

встретила невысокая скромно одетая женщина. Это была учительница Валентина Сергеевна. Прошло уже больше шестидесяти лет, а я как сейчас вижу ее. Сама доброта была в ее глазах, во всем облике. Она никогда не повышала голоса, говорила ровно и спокойно. Дети были очарованы ею. Как все, она жила более, чем скромно и еще, как мы узнали много позднее, помогала своей матери, чем могла. В то время ей было вероятно лет 25. Урок начался со знакомства. Мы с удивлением узнавали фамилии и полные имена своих сверстников, которых на улице звали, например, Юрка Оли Санихи, или Райка Пани Ванихи. После знакомства Валентина Сергеевна попросила всем попытаться в тетради написать карандашом свое полное имя, пока она будет заниматься со 2-м классом. Я очень старался. И был в полной уверенности, что с заданием справился блестяще. Однако, к моему великому огорчению, оказалось, что в собственном имени я сделал три ошибки. Я написал ВОЛОДИМЕР. Самым трудным предметом оказалось чистописание. Нужно было научиться не только правильно выдерживать наклоны, но и нажимы. Нужно было также научиться пользоваться перьевой ручкой и чернильницей. Как-то после выполнения домашнего задания на последней строчке я посадил кляксу. По совету бабушки Кати я аккуратно ее стер. А на следующий день получил за домашнее задание жирную единицу. Плакал безутешно.

Первое родительское собрание Валентина Сергеевна провела перед октябрьскими праздниками. На нем была моя бабушка Катя. С собрания она пришла очень довольная. Моим родителям она объявила, что Володю хвалили. Первый класс я закончил довольно успешно. Правда, по физкультуре у меня оказалась тройка. Физически я все еще был слабоват. По всем остальным предметам в таблице были пятерки. Летом на индивидуальных участках мы уже должны были помогать взрослым на сельхозработках, и как могли, старались. Основная работа для нас была прополка картофеля и овощей. Когда созревали лесные ягоды и появлялись грибы, вся малышня дружно валила в лес. Благо лес был рядом. Этот период для нашей деревни оказался знаменательным тем, что именно в 1948 году летом была развернута грандиозная по тем масштабам стройка межколхозной электростанции по инициативе председателя колхоза нашей деревни. Большущий котлован копали вручную колхозницы. Гать строили также колхозники, возчиками на подводах были подростки. Нам, ребятишкам было страшно интересно наблюдать за всем строительством. Когда запруда речки Пижаньи была установлена, образовалось большое водохранилище, которое стали называть Садовским прудом по названию деревни на левом, крутом

берегу речки. Вот было для нас раздолье купаться! Наконец электростанция была построена, сразу в трех деревнях, в нашей Алканке, Огорельшах и Садове, заработали электромолотилки, а ночное время эти деревни освещалось яркими электрическими фонарями на зависть всем соседним деревням и районному центру, где освещение оставалось «керосиновым».

Когда 1 сентября 1948 года мы пришли в школу, то с грустью отметили, что нас встретила уже другая учительница. Ее звали Тамара Михайловна. Она была высокой и худощавой и показалась нам довольно скучной. Скорее всего, работа учителем ей не доставляла удовлетворения. Дети это чувствовали. Второй класс как - то не оставил ярких впечатлений. Разве что запомнился один эпизод, относящийся к тому времени. Где-то в октябре, когда наша речка Алканка покрылась первым ледком, мы шли из школы и, как обычно, стали переходить на другой берег речки не по мосту, а по льду. Нас было трое: я, соседская девочка Валя Коновалова - первоклашка и Коля Ложечников, мой одноклассник. Я проходил первым, лед потрескивал. За мной проходила Валя. Ее лед еще выдержал. А вот Коля провалился. Хорошо, что глубины в речке по колено. В сердцах Коля пытался побить девочку, поскольку ему казалось, что в его беде она виновата. Я заступился за нее. Вечером к нам домой пришла тетя Анна, мать Коли, с жалобой на меня, что де не позволил свершить ее сыну правосудие. В это время у нас находился на проживании энергетик-инженер Кошкарев Николай Захарович. Это был умный и замечательный человек, обладающий большим чувством юмора. После ухода женщины он взял меня на руки, подбросил и сказал:

- «Эх, Володька, Володька! Жил бы ты по-тихохоньку, да по-легохоньку, никто бы на тебя и не жаловался».

С тех пор мне не раз приходилось слышать эти слова от родителей и бабушки. Второй класс я закончил тоже с хорошими и отличными отметками. Хорошо было по физкультуре и по письму.

На следующий учебный год я пошел учиться уже в Кряжевскую начальную школу. В деревне Кряжево, в четырех километрах от нашей деревни, находился сельский совет и там же, в двух больших каменных зданиях располагалась школа. Директором школы был Речков Василий Пантелеевич. Все четыре класса занимались отдельно. Классы были большие. В нашем третьем классе было свыше тридцати учащихся. Здесь были дети не только из Кряжева, но и из всех окрестных деревень: Чернушки, Садово, Огорельшей и нашей Алканки. У нас была совсем молодая учительница Ираида Петровна Подоплелова. Опыта работы с детьми у нее не было, и она с трудом справлялась с этой толпой ребятишек. До наступления

холодов мы ходили домой каждый день. В зимние месяцы (декабрь, январь, февраль) на неделе мы «фатеровали», т.е. жили на квартире у знакомых. Никто, конечно, с нами не занимался. Целая проблема, где учить уроки. Взрослым было не до нас. Я квартировал у Лежнина Аркадия Петровича. У них были две маленькие девочки, которые по ночам капризничали и не давали спать никому, поскольку все располагались в одной комнате. Я спал на полатах. Это время для страны было бурным. Небольшие колхозные хозяйства деревень объединяли в более крупные колхозы. Нашу деревню включили в один колхоз с Чернушкой, Огорелышами и деревней Садово. Председателем колхоза назначили Лежнина Ивана Семеновича из Чернушки, а моего отца назначили руководить другим укрупненным колхозом, в другом сельсовете. Поэтому учеба в Кряжеве у меня закончилась с окончанием третьего класса. В табеле за третий класс, как и за второй, у меня снова были четверки по физкультуре и письму. Помнится, что в тот год часто мимо нашего дома на подводе проезжал Иван Романович (фамилию запомнил) из Райтопа, располагавшегося в единственном доме в Козырево, не далеко от леса. Управление Райтопа было в Кикнуре. Обычно И.Р. был слегка «навеселе» и с ним всегда была его маленькая дочка Нина. Они заходили к нам утолить жажду квасом. Если дома оказывался отец, то по просьбе гостей играла гармошка, а И.Р. пускался в пляс и пел частушки:

«Ба-зар бол-шой,
Ку-у-пил гуся,
Всю дорогу целовал,
Думал, что Мару-уся!».

А девочка тонюсеньким голоском пела:

«Интитюриха корову продала,
На корову балалайку завела,
Балалаечка наигрывает,
Интитюриха наплясывает...».

Затем бабушка Катя спрашивала девочку, о чем говорят взрослые в их доме. И девочка своим высоким голосом громко-громко выводила:

- «Ох, кум, кум! Как жить-то станем? Ой - ей йо –ой!!!»

Да, жизнь для всех была трудной тогда. В этот трудный период, конечно же, находились люди, которые старались облегчить свое положение, хотя бы тем, чтобы уменьшить как-то накладываемые налоги. Чаще всего глава крестьянского хозяйства имитировал болезнь. Однако это не всегда помогало. Незадачливых «артистов» выводила «на чистую воду» медицина, после чего судом назначалось наказание. Чаще всего такие «артисты» изображали

умственно неполноценных, юродивых. Так огореловский Еприфанов Василий Алексеевич (по прозвищу «Студка») продолжал «работать под дурачка» даже на суде. И когда опрашивали в качестве свидетеля его жену, он заявил:

- «Не верьте старой залетке, она бабам абортует».

(Аборты тогда были уголовно наказуемы). Прокурор Автоманенков тут же спросил:

- «Кому?!».

- «Кому – кому, надо, дак и тебе сделает!»- ответил Студка под хохот зала.

В летнее время нас все чаще привлекали к сельхозработам на колхозных полях. За мальчишками на лето закреплялись рабочие лошади, и мы работали возчиками, вывозили навоз на поля, свозили сено в стога, снопы в скирды. Конечно, грузчиками выступали взрослые. Осенью 1950 года я пошел уже в четвертый класс Больше-Лыжнинской начальной школы. Школа находилась в марийской деревне Большая Лыжня. Это была центральная деревня в укрупненном колхозе, куда наша семья временно переехала в связи с назначением отца. В Алканке же был наш дом, где осталась с хозяйством бабушка Катя. Хлопот у отца стало еще больше, и он все время пропадал на работе. Хозяйство было большое и бедное. В этот колхоз входила Большая Лыжня и еще четыре деревни: Быковские, Михаленки, Начка и Сосновка. Деревни Быковские и Начка были русскими, а остальные три деревни марийскими. Однако это никак не сказывалось на отношениях людей, и все жили довольно дружно. Дети учились в одной школе. Преподавание велось на русском языке. Марийские деревни этого региона населены трудолюбивыми марийцами, говорящими на северо-западном диалекте, и их язык сильно отличается от марийского горного и лугового, который в то время был основным в Марийской АССР. Особенностью марийских деревень было то, что их жители очень любили яблоневые сады. Нашим учителем в четвертом классе был Вяткин Иван Александрович. Бывший фронтовик установил хороший контакт с учениками и пользовался у них глубоким уважением. Класс был сравнительно небольшой. Из марийских ребят в нем были Вася и Коля Денниковы из Сосновки, большелыжнинские Саня Печкураев, Тема Пибаев, Ваня Семенов, Коля Смирнов и Ваня Шамаев. Кроме них русские ребята: Вася и Миша Чесноковы, Сережа Черепанов и Люба Халтурина из Михаленок. Володя Смирнов, Коля Санников и Саня Суровешкин из Быковских, Вася Медведев из Начки. Лучшим учеником из них был Володя Смирнов. Мне сразу удалось вписаться в новый коллектив, и я чувствовал себя довольно уверенно. Тем более, что с переездом для мамы стало возможным заниматься

домашним хозяйством и она иногда выкраивала время немного заняться с нами. С нами – это со мной и моей младшей сестрой Лией, которая пошла во второй класс. Старший из нас, Олег учился уже в шестом классе в Кикнуре и иногда появлялся в наших апартаментах по воскресеньям. К этому времени относится мой первый интерес к гармошке. Старшему брату отец купил «хромку» и тот довольно быстро самоучкой «на слухок» подобрал музыку под местные частушки и к нескольким русским песням. Я страшно завидовал брату и упрямил его научить меня наигрывать какую-нибудь мелодию. Наибольшую трудность составляло владение правой клавиатурой. Там было много кнопок, и разобраться с ними казалось невыполнимым. Олег привязал пальцы моей правой руки к пальцам своей правой и стал наигрывать «сормача», или по-местному «деревенскую». Как я ни пытался что-то понять, или запомнить - у меня ничего не получалось. После я брался за гармонь и снова неудача. Все это раздражало окружающих. Но мое желание было таким сильным, что я стал заниматься тайком. Наконец стало получаться что-то похожее на «деревенскую».

В зимние каникулы я впервые увидел звуковое кино. Его привезли в деревню Кушнур, в четырех километрах от Большой Лыжни. Целая ватага детей отправилась вечером на это представление. Помещение было маленькое, поэтому попали не все. Мне как-то удалось прошмыгнуть, и я уселся на полу перед самым экраном. Показывали фильм «Алитет уходит в горы». Больше всего нас тогда удивил сам процесс изображения на экране, а не содержание картины, которую практически нам трудно было понять.

Учеба в четвертом классе давалась мне легко, по окончании учебного года четыре выпускных экзамена были сданы на «отлично» и мне вручили первому Свидетельство об окончании начальной школы.

Детские шалости не обходили нас стороной. Однажды со мной произошел случай, который только по счастливой случайности не завершился трагедией. Летом после окончания четвертого класса на спор с мальчишками я прыгнул с изгороди на спину быку, который спокойно щипал траву. Результат был весьма неожиданный для меня. Бык стал брыкаться, прыгать в разные стороны и, наконец, сбросил меня. Я упал на левую руку и выбил кисть. А бык, как только сбросил меня, успокоился и продолжал мирно щипать траву. За такие шалости одобрения от домашних не получают.

1951 год снова принес изменения в служебное положение моего отца. Осенью он был назначен председателем пришедшего в упадок укрупненного колхоза в Алканку. В короткий срок ему удалось поднять колхоз, организовать масштабное строительство молочной

фермы в центральной усадьбе, в Огорельшах, с максимально возможной для того времени механизацией (автопоилки, уборка навоза, первичная обработка молочной продукции).

Я подал документы в Кикнурскую среднюю школу. И, кажется, меня приняли. Но через неделю отчислили из пятого класса. Причина была в том, что классы в школе оказались переполненными. Мне было предложено обратиться в Турусиновскую семилетнюю школу, которая располагалась в деревне Турусиново, что в 9 километрах от нашей деревни Алканки, либо в Потняковскую семилетнюю школу, куда приписывались выпускники Больше-Лыжнинской начальной школы. Поскольку наша семья в начале сентября еще не переехала в Алканку, то я вынужден был пойти в Потняковскую школу. Примерно в середине сентября я уже ходил в Потняк не из Большой Лыжни, а из деревни Степинские, где я квартировал у наших дальних родственников Соломиных. Степинские находились в километре от Потняка и ходить в школу было нетрудно. В школе у нас были уже разные преподаватели. Классным руководителем была Нестерук Аза Александровна, высокая чернобровая женщина, лет 25-ти. Но хорошего контакта у нее с учениками не получилось. Примерно во второй половине сентября со мной произошел один инцидент, который во многом определил мое отношение к курению. В одну из перемен мы вместе с мальчишками завернули за угол школы, где мальчишки закурили. Я не брал в руки папиросу, мне это было неинтересно. И вдруг эту милую компанию «застукал» директор школы. Мальчишки бросились врассыпную. Я остался на месте, поскольку я не курил. Но директор решил иначе. Он взял меня за рукав и выставил перед классом, где он вел урок. Причем представил меня как «злостного курильщика». Целый день он показывал меня всей школе. Для меня это было потрясением. Первую четверть я закончил снова с хорошими и отличными отметками. И по окончании первой четверти я распрощался с Потняком.

После октябрьских праздников я направился в Турусиново. Накануне мама подыскала мне там квартиру. Это был обычный бревенчатый однокомнатный дом, в котором проживала семья Унжаковых. Хозяйка дома, тетя Наташа, одна «поднимала» троих. Старшая дочь Шура помогала матери и уже работала, средний Витя учился в седьмом классе, а младший Коля – в шестом. Так что я попал в хорошую дружную компанию. Приняли меня хорошо. Тетя Наташа готовила утром еду на целый день, для меня она отдельно варила суп или тушила картошку с кусочком мяса. Продукты я приносил из дому на неделю. Рацион был скромный. В холщевый

мешок складывался картофель, две луковицы, большой каравай ржаного хлеба и два-три кусочка мяса, если забивался поросенок или барашек. Мешок превращался в рюкзак. В зимнее время мы обычно не рисковали ходить с грузом по утрам, и поэтому уходили из дома вечером в воскресенье на всю неделю, до субботы. Днем в воскресенье дома мы должны были с братом напилить и наколоть дров на неделю. К вечеру были свободны и могли готовиться к школе. В Турусиновской школе я освоился довольно быстро, поскольку там встретил многих мальчишек и девчонок, с которыми учился в Кряжеве. Наш класс был 5 «а». В классе было человек 30. Классным руководителем была молодая, интересная особа Комарова Ираида Николаевна (за отчество не ручаюсь). Из учителей особенно запомнились математичка Неганова Апполинария Михайловна, преподаватель по русскому языку и литературе Савичева Екатерина Филипповна и строгая, но справедливая Осколкова Анна Георгиевна. С директором школы Жуковым Василием Васильевичем у меня связан один забавный эпизод. На одной из больших перемен после звонка мы с Колей Емельяновым по шалости, будучи дежурными, не пускали в класс учеников, держали ручку двери. Директор шел на урок и увидел скопление учеников. Дернул за ручку и вытащил нас обоих наружу. Наказание оказалось сравнительно мягким, мы простояли на ногах на его уроке в шестом классе. В марте светлое время суток заметно увеличивалось, и мы уже чаще стали ходить домой. Особенно удобно было ходить по «насту», напрямик по полям. Довольно быстро подошли экзамены. Первый экзамен был по математике «письменно». Я очень волновался и для успокоения через Колю Емельянова проверял себя. Володя Шабанов, один из лучших учеников класса сидел недалеко, у него был такой же вариант и он решал так же. Я успокоился, закончил задание раньше времени. Другие экзамены казались несложными, и я их преодолел без особого труда. А затем меня ждал приятный сюрприз. Вместе с табелем по окончанию пятого класса мне вручили похвальную грамоту. На этом закончилась эпопея учебы в пятых классах разных школ.

Летний период, как уже сложилось, был связан с колхозными работами. Иногда вечером, возвращаясь из Кикнура, к нам, в конец деревни, заворачивал на подводе возчик молока огореловский Михаил Алексеевич Епифанов (брат Васи – Студки) по прозвищу Миша Окунь. Забавный старикан. Про таких, как он говорят, что «работает» под простачка. Заезжал к нам специально, чтобы сплясать под гармошку «санчуринку» и спеть частушки. За это он получал «приз» в виде рюмки водки. Его любимые частушки были:

«Говорит старуха деду,

Я в Америку поеду.
 Что ты старая карга,
 Туда не ходят поезда».

(Иногда «карга» заменял на нецензурное...). Или:

«Дураком меня считают,
 Я не знаю почему.
 Мои глазки быстро бегают,
 Наверно потому».

Тем же летом я впервые увидел железную дорогу. Это было большим событием. Ближайшая железнодорожная станция Шахунья находится в 55 километрах на запад от нашего районного центра, Кикнура. Тракт «Кикнур — Шахунья» был грунтовым и напроць «раздолбан» тяжелыми грузовиками и тракторами. И вот однажды, мне удалось пристроиться на планируемую поездку в открытом кузове грузовой машины ГАЗ-51, которая перевозила зерно в Шахунью. Все путешествие заняло три дня. Машина, колеса которой были оборудованы цепями, то и дело застревала, ее толкали, вытаскивали из огромных выбоин и луж. Участки сухой дороги попадались редко. И все же расстояние до железнодорожной станции «черепашьм шагом» мы преодолели за полторы суток. Ночью не спали, а дремали прямо на мешках. Железная дорога и паровозы казались гигантскими, здания и близлежащие постройки огромными. Здесь же впервые «познакомился» с мороженым. Оно не произвело впечатления, поскольку это была обычная ледышка на палочке из подслащенного молока. Все-таки я съел одну полностью, а вторую наполовину. С тех пор любое мороженое мне напоминает шахунское, и я не испытываю к нему интереса даже в самую жаркую погоду.

В шестой класс я пошел уже в Кикнурскую школу на вполне законных основаниях. Дело в том, что к этому времени продолжались эксперименты в сельском хозяйстве, и проводилось новое укрупнение колхозов. Теперь уже почти полрайона объединили в одно хозяйство, которое стало практически неуправляемым. Председателем нового колхоза назначили бывшего председателя райисполкома Поликарпова Н.И.. Моего отца пригласили работать в структуру управления исполкома района — Райсельхозотдел. Семья переехала в Кикнур по адресу ул. Просвещения, 4. В деревне Алканка из нашей семьи снова осталась только бабушка Катя. В Кикнуре рядом с нашим трехквартирным домом в двухэтажном здании располагался Дом культуры. На втором этаже была прекрасная Районная библиотека. Лето 1952 года мы провели в деревне у бабушки, где нас привлекали к самым разным колхозным сельскохозяйственным работам. Бабушка

поднимала нас очень рано, в 6 часов. Вставать было тяжело, поскольку вечерами молодежь собиралась вместе в Новой деревне (Алканке) с гармошкой и допоздна гуляла, а мы, ребяташки, тоже приобщались к этим традициям. И все же поднимались и шли запрягать лошадей, чтобы отвезти на сенокос колхозников. Обратно возвращались вечером с песнями. Получалось очень здорово. Женский хор в несколько голосов обычно исполнял «Тонкую рябину». У меня и сейчас в памяти эта песня. Первую партию обычно вела Валентина Степановна, двоюродная сестра моего отца. У нее был сильный, чистый и высокий голос.

В сентябре 1952 года я оказался в 6 «г» классе Кикнурской средней школы. Всего было шесть шестых классов. Нашим классным руководителем была Решетникова Мария Терентьевна. Она вела историю, была очень внимательным и организованным педагогом, обладала ровным характером. Физику преподавал демобилизованный офицер Лихачев Юрий Владимирович. Математику вела Новокшнонова Антонина Ивановна (за отчество не ручаюсь). Русский язык и литературу вела Шарыгина Галина Сергеевна, ботанику Долгополов Григорий Георгиевич, а географию Петрова Нина Михайловна, немецкий язык Бородин Зоя Демидовна. Директором школы был Халтурин Петр Иосифович. Все учителя были большими профессионалами в своем деле. Прекрасно владела предметом Галина Сергеевна, Антонина Ивановна. Нина Михайловна Петрова, несмотря на внешнюю строгость, свою требовательность сочетала с добротой и отличным знанием географии. А огромный двухметровый Григорий Георгиевич был неповторим в своей любви к предмету, но ученики его слегка побаивались, особенно когда ему изменяла выдержка.

В новом коллективе меня приняли хорошо. В классе было около 30 учеников. Среди них была целая группа из детского дома. Почему-то это были только девочки. Фамилии детдомовских помню хорошо, а вот имена не очень: светловолосая, стройная и улыбчивая Васильева Света, невысокая, но крепкая Игнатьева Галя, изящная и всегда грустная, настороженная Ланская Галя и выразительная бурятка Мотрова Дина. Были в классе две девочки из Кокшаги, марийской деревни, Анисимова Зоя и Григорьева Вера, а также целая группа моревских девчат: Барданова Галя, Зотина Галя, Харымова Оля. Из остальных ребят класса выделялись Геня Серков, Витя Шерстков, Коля Ивашкин, Слава Кандаков, Лева Кожевников, Ваня Фокин. С Геней Серковым и Славой Кандаковым мы подружились. В целом учиться было интересно. Из событий того времени запомнилась смерть Сталина И.В.. Люди плакали, и не скрывали слез. По этому поводу в школе был траурный митинг.

Другие события казались незначительными. Весной сданы все экзамены и 6-й класс закончен снова с Похвальной грамотой. После окончания учебного года в школе была организована экскурсия в Киров и Уржум. Руководителем назначена Галина Сергеевна Шарыгина. В группу экскурсантов включили нас с Леной Мокеровым, моим троюродным братом, из 6 «а» класса. Для нас это было большим событием. В Уржум на родину С.М. Кирова из областного города мы добирались на теплоходе по реке Вятке. Все мальчишки нашей группы зачарованно смотрели на командный состав теплохода. Всем хотелось быть похожими на ладных, аккуратных, одетых в красивую форму речников. В Уржуме мы встречались с Елизаветой Мироновой, сестрой Кирова, с Александром Самарцевым, другом детства С.М.. Впечатлений было много. Мир для нас стал шире.

В сентябре 1953 года мы начали учебный год уже в 7 «г» классе. В основном ученики были те же. Девочек из детского дома почему-то уже не было. Зато появилось несколько новых учеников. Произошли изменения и в составе наших учителей. Вместо Галины Сергеевны Шарыгиной русский язык и литературу стала вести Лидия Владимировна Деминцева. Это была русская красавица, умная, воспитанная. Появились новые предметы, такие как биология, химия и Конституция СССР. Биологию вела Селезнева Ольга Матвеевна, химию Долгополов Григорий Георгиевич, а Конституцию нам преподавал неутомимый Шарыгин Виктор Алексеевич. В старших классах он вел историю, и у него возникла идея создать в Кикнуре краеведческий музей. Все ученики, в том числе и мы, принялись за дело. Собирали различные документы и экспонаты, записывали воспоминания известных в районе пожилых людей об истории нашего края. Мне было поручено собрать документы о выдающихся земляках Вятского края, в частности о В.М. Молотове (Скрябине). По оценке учителя доклад получился неплохой. В школе работали различные кружки. Кроме исторического кружка мне нравился математический. Там тоже было интересно. В ноябре 1953 года для нас произошло большое событие. Нас приняли в комсомол. В классе была организована комсомольская ячейка. Ее секретарем был избран Володя Шарыгин. В 7-м классе мы уже подумывали о том, как помочь родителям и стать полностью самостоятельными. Класс-то был выпускным. Дети в это время взрослели быстро. Подготовка к выпускным экзаменам начиналась сразу после зимних каникул. Выпускные экзамены начинались в конце мая. Для меня они закончились удачно, и я снова получил Похвальную грамоту. Это давало мне право поступать без экзаменов в любое среднее учебное заведение.

Настрой был - идти в речное училище, и обязательно на штурманский факультет. Мы втроем: я, Слава Кандаков и Коля Ложечников решили поступать в Горьковское речное училище и подали туда документы. А Леня Мокеров поехал в Казань. Прельщала нас не только красивая форма, но и романтика. Очень важным было и то, что курсанты училища были на полном государственном обеспечении. Пришел вызов, и мы поехали в Горький. Однако строгую медицинскую комиссию из всех нас прошел только Слава Кандаков. Он и поступил в училище. Коля Ложечников отправился домой, а я двинулся искать счастья в Ленинграде, где можно было остановиться у дяди Васи (бабушкиного брата). Ленинград меня потряс своей сказочной красотой, однако мне было не до культурной программы. В Питере было много средних учебных заведений, меня же интересовали только те, в которых имелось общежитие и выплачивалась достаточная для пропитания стипендия. Таким был только Индустриальный техникум. Да вот беда – специальности в нем мне казались совсем неромантичными. А тут еще меня стала «обрабатывать» проживающая тогда в Ленинграде двоюродная сестра Рая. По ее мнению лучше возвращаться домой и заканчивать десять классов, а затем поступать в институт. Так я и не решился поступать на учебу в техникум. По возвращению домой отец меня крепко отругал за безрезультатную поездку и за большие расходы.

Восьмых классов было уже четыре. Наш класс был 8 «в». Его основу составляли те же ученики, которые закончили 7 «г» класс. Но кроме них пришли выпускники семилетних школ из Беяева, Макарья, Потняка, Турусинова и Цекеева. С некоторыми из них я уже был знаком по учебе в предыдущие годы. Из Макарьевской школы это были Нина Безденежных и Толя Лежнин из деревни Чернушка, из Потняковской школы - Володя Смирнов из деревни Быковские, из Турусиновской школы – Лия Емельянова и Лида Козьминых. Новичками были Володя Красилов и Леня Новокшенов из Беяева, Вася Зайцев, Лида Головина и Аля Клюжева из Макарья, Галя Корякина из Крестов, Манефа Беякова из Цекеева. Из других классов нашей школы к нам перевели Тамару Малышеву, Зою Мореву и спортивного Колю Клявина. В нашем же классе оказались Боря Кряжев из Кряжева и Валера Коробов из нашей соседней деревни Соболево, а также Люба Бармина и Зоя Пакичева из Ваштранги, Рая Перминова из Пыжичат. Так что коллектив хотя и обновился, но все же костяк остался. После поступления Славы Кандакова в речное училище мы с Геней Серковым продолжали дружить. Пришедший в наш класс Боря Кряжев как-то быстро сблизился с нами. Мы с Борей оказались на одной парте. Наша

троица так и держалась вместе до окончания школы. Появились и новые учителя. Немецкий язык преподавал добрейший Иван Иванович Халтурин, а математику принял Дмитрий Арсеньевич Коршунов, гроза всех «зубрил», верхоглядов и всех, кому дисциплина давалась трудно. У него была своя методика преподавания. Новый материал он излагал не по учебнику, а по-своему. По геометрии, например, опрос проводил по измененному чертежу. В процессе ответа неожиданно в любом месте мог задать вопрос:

- «Почему?»

Если отвечающий замешкался, то «Дима» сразу же поднимал для ответа другого ученика. Если и тот не отвечал сразу, то поднимал следующего. И так до тех пор, пока кто-то из учеников не давал правильного ответа. Тогда он говорил последнему:

- «Садис пят»,- остальным:

- «Садитес» (У него все окончания были твердыми). И так продолжалось до завершения доказательства. Класс в течение всего урока был в напряжении. Сам Дмитрий Арсеньевич очень переживал, что не успевал реализовать запланированное на урок, выдержка ему изменяла, и он не мог скрыть своего раздражения, бросал свои карманные часы на стол. Ученики его боялись, но после того, как побывали с ним на уборке колхозной картошки, узнали его с другой стороны, как очень деликатного и доброжелательного человека, то отношение к нему изменилось. Для нас было большой новостью, когда мы узнали, что Дмитрий Арсеньевич воевал, раненым оказался в плену, прошел через концлагеря и сохранил в себе душевные силы, необходимые для учителя. Его метода преподавания приносила свои плоды. Подавляющее большинство его учеников математику знало неплохо. Будучи ассистентом, на экзаменах в других классах, он задавал очень простые, но глубокие вопросы, типа «как измерить точку?» или что-то в этом роде. Это было необычно, и даже хорошо успевающие ученики часто «плавали». Мне нравились эти неожиданные вопросы. Скоро у нас в классе сформировалась группа, которая научилась быстро ориентироваться и отвечать на вопросы неординарного педагога. В эту группу входили Боря Кряжев, Геня Серков, Толя Лежнин, Володя Смирнов, Валера Коробов и автор этих строк.

Литературу и русский язык вела опытная Шарыгина Мария Семеновна. Она стремилась к тому, чтобы ученики не ограничивались хрестоматией и учебниками, а приобщились к литературным журналам и к работам литературных критиков, начиная от Белинского и Писарева. Запомнился забавный случай, когда она задала вопрос классу:

- «Кто читал рассказ Горького «Старуха Изергиль»?».

Коля Клявин ее переспросил:

- «Старуха из чего?».

Реакция класса была соответствующая.

Химию нам стала преподавать Васенева Анфиса Павловна. Это была необыкновенная женщина. Спокойная, ровная, тактичная, доброжелательная, знающая свое дело. Не зря ее несколько раз выбирали депутатом Верховного Совета СССР.

Проблем с учебой в восьмом классе у меня практически не было. Только по русскому языку пятерки чередовались с четверками.

В этот период времени мои родители снова были вынуждены переменить место работы и сдать квартиру в Кикнуре. Мы уже все втроем зимой квартировали у двоюродного брата моего отца, Пономарева Николая Павловича. Его жена, Прасковья Федоровна, или проще, тетя Паня была внимательной и заботливой для всех нас троих. Она готовила для нас, убирала комнаты. Правда, отдельной комнаты у нас не было, и мы жили одной семьей с хозяевами, как это было принято в сельской местности. Хорошо, что было место за столом для подготовки уроков. У дяди Коли была дочка Вера, года на два моложе моей сестры Лии. Девочка была очень живая и энергичная. Тетя Паня ее держала в строгости. Впоследствии Вера выросла в замечательную красавицу и переняла у родителей их лучшие черты.

Восьмой класс был закончен. Из-за четверок по русскому языку мне похвальная грамота не полагалась. Как мне помнится, я не очень переживал и решил уделять этому предмету впредь побольше внимания.

Лето 1955 года прошло снова за колхозными работами в родной деревне. И, как обычно, мы не упускали ни одного случая принять участие в гулянках молодежи, устраиваемых по традиции в каждой деревне в «свой» день. Гулянья устаивались вечерами, и мы отправлялись туда на велосипедах, которые в то время были в моде. Кроме нас, подрастающей молодежи, в колхозных работах, требующих определенной квалификации, особенно плотницких навыков, участвовали пожилые мужики-«старики». Колхоз был большой, и для работ в Алканке привлекались три работоспособных старика из ближайшей деревни Соболево. Это были еще довольно крепкие мужики. Приходили они всегда вместе. Из них самым крупным и энергичным был Коробов Иван Вахромеевич. Очень колоритная фигура. За ним обычно шагал Барданов Николай Павлович, рассудительный и наблюдательный человек. Замыкал шествие наиспокойнейший, невозмутимый и могучий Барданов Алексей Евграфович. Почему-то у Ивана Вахромеевича всегда

возникали жаркие дискуссии с новоалканким Григорием Якимовичем Михалевым. Григорий Якимович, по прозвищу «Калым», всегда вступал в разговор и пытался навязать свою точку зрения по любому вопросу. У него был физический недостаток – хромота. По-видимому, в детстве он повредил тазобедренную кость. Его споры с Иваном Вахромеевичем доводили последнего до иступления. Огромный Иван вскакивал и кричал маленькому щуплому оппоненту:

- «Я тебя, лешака косоногого зашибу!».

На что Григорий Якимович спокойно, ударяя себя в дыплячью грудь, говорил:

- «Потр-р-робуй, токо тронь....»

После этого наступала пауза и недолгое перемирие.

Девятый «В» принес снова некоторые изменения. Черчение у нас стал вести Малышев Игорь Васильевич. Мне нравились четкие и строгие линии на чертежах. Как-то за чертеж в аксонометрии Игорь Васильевич меня похвалил, сказав:

- «Быть вам инженером».

Тогда я, возможно, впервые задумался, не попытаться ли после окончания школы поступить в технический вуз.

В девятом классе мы уже проводили вечера самодеятельности. В школе открылся собственный клуб. Участвовали мы и в районных смотрах. Атмосфера в нашем 9 «в» классе установилась очень хорошая и оставалась таковой до окончания школы. Комсоргом была избрана Галя Зыкова, замечательная девушка, удивительной скромности и высокой внутренней культуры. К этому же времени относится повышенный интерес к литературной критике. Книги читать я любил и раньше практически без разбора. Но теперь подбор литературы стал более целенаправленным. Мы уже стали задумываться о дальнейшей судьбе и постепенно готовить себя к окончанию школы. В школе были организованы различные кружки по освоению техники. Большой интерес вызвал у ребят автомобильный кружок. Его вел главный механик МТС Туранов Виктор Иванович. Кружок по линии ДОСААФ вел энтузиаст военного дела наш преподаватель Лихачев Юрий Владимирович. Под его руководством практически из металлолома была собрана «пролуторка» ГАЗ-ММ, на которой многим из нас удалось проехать несколько метров по сухой дороге.

Мой старший брат Олег после окончания десятого класса поступил в техническое училище № 2 г. Ново-Вятска и мы вдвоем с сестрой квартировали в зимнее время уже у переехавших из Ваштраги в Кикнур наших родственников Барановых. К тому времени Александр Афанасьевич, муж нашей тети Вали, был избран

председателем колхоза с правлением в Кикнуре. У Барановых в это время учились в школе сыновья, наши двоюродные братья: Слава в десятом классе, Юра в девятом «б» классе и Леня в седьмом классе. Такая компания была еще дополнена десятиклассником из деревни Ваштрангский Завод Толей Глушковым. Так что мы оказались в большом и дружном коллективе. Для подготовки уроков все же каждому из нас места за большим столом после обеда хватало. Готовила на всю ораву тетя Валя. Ей помогала бабушка Лиза, мама дяди Сани. Вся молодая мужская компания, как и везде, спала на полатах на одной большой постели. Что такое сменное белье мы не знали.

Даже в девятом классе ученики все еще оставались детьми и позволяли себе некоторые шалости. Как-то раз перед уроком химии дежурный по классу принес препараты, среди которых был натрий под жидкостью. Кусочек этого активного металла выловил круглолицый и крупногабаритный Валера Коробов и отпустил в чернильницу «непроливайку» на преподавательском столе. Пошла реакция, раздалось шипение, а затем оно стихло. Валера с удивлением заглянул в чернильницу. В это момент раздался «хлопок», эффект был неожиданным - широкое лицо новоявленного химика густо окатилось фиолетовыми чернилами. И в это время в класс вошел преподаватель... Сцену можно не описывать... Немая сцена. Пауза, затем взрыв хохота...

По окончанию девятого класса мне снова полагалась похвальная грамота, но ее вручение было отложено до следующего года по причине отсутствия фирменных бланков. К тому времени уже полагались грамоты без портрета Сталина.

Летние каникулы 1956 года начались с интересной экскурсии в Ленинград. Поездку организовала школа, руководителем назначен Шарыгин Виктор Алексеевич. Из нашего класса в поездке был еще Геня Серков. Из 9 «б» класса Юра Малышев, а из 8 «а» Юра Краев, школьный поэт. Были в нашей группе и девчата. Из 9 «а» класса Лия Шарыгина, из 9 «б» класса Лида Лежнина, а так же несколько девчат из восьмых классов. Ленинград на всех произвел сильное впечатление. Мы побывали в большинстве музеев, посетили Эрмитаж и Петропавловскую крепость, Военно-Морской и Военно-Артиллерийский музеи, музеи Суворова, Кирова, Казанский собор, посетили Петродворец, ЦПКО и другие достопримечательности. На обратном пути в Москве посетили ВДНХ. Впечатлений за поездку было много. Остальная часть каникул прошла как-то быстро. В обычном ритме занятий на колхозных полях и вечерних посиделках, гуляниях в престольные праздники.

Десятый класс мы встретили заметно изменившимися и повзрослевшими. Впервые появилось ощущение какой-то ответственности, старше нас в школе учащихся уже не было. И внешне все изменилось за лето. Снова появились новые предметы, новые учителя. В связи с отъездом Коршунова Д.А. на другое место жительства математику у нас стала преподавать Минеева Клавдия Федоровна. Это был преподаватель совершенно другого плана, нежели Дмитрий Арсеньевич. Но надо сказать, что ее стиль преподавания был тоже замечательный. Строгость и логичность во всем, аккуратность в формулировках и в высказываниях, требовательность, справедливость и доброжелательность были основными принципами в ее работе. Она стала у нас классным руководителем. Мне очень нравились ее уроки. По физике тоже был новый преподаватель. Это молодая выпускница Кировского пединститута Шустина Нина Николаевна. Астрономию вел Минеев Виктор Васильевич. Его уроки были тоже интересными. Сам по себе это был очень достойный человек. Ему удавалось сочетать требовательность с чувством юмора и сарказма. Он умел скрывать раздражение, с ним было всегда легко и спокойно.

Этот период учебы запомнился тем, что нас привлекли к областной олимпиаде по математике. Мне достался приз – готовальня за какое-то призовое место, но я не помню за какое. Точно знаю, что не за первое, потому что из девяти задач я решил семь или с восемь. Для девятой задачи не хватило времени. Мы стали готовиться к поступлению в институты. Большинство из нас обзавелись различными сборниками задач из вступительных экзаменов и приступили к их разбору. В то время конкурсы были огромные буквально во все институты. И уж конечно в самые престижные по тому времени, технические. Популярным был сборник задач Антонова. Сборник задач Моденова был «по зубам» не каждому. Для аттестата зрелости, пожалуй, большее значение имело сочинение. Поэтому за нас Мария Семеновна Шарыгина взялась всерьез. Она требовала, чтобы мы как можно больше читали классику и современность, внимательно изучали критику Белинского и Писарева, критику литературоведов в литературных журналах. Благо, что в районной библиотеке недостатка в рекомендуемой литературе не было. Сочинения писали на самые разные темы. Требования по грамотности русского языка тоже были высокие. Как впоследствии показали выпускные экзамены, эта практика педагога принесла свои плоды. Трудолюбие было вознаграждено. Класс успешно справился с необычными темами.

Во втором полугодии Клавдию Федоровну Минееву назначили завучем школы, а классным руководителем нашего 10 «В» класса

стал добрейший Халтурин Иван Иванович. Он был высоко порядочный человек, скромный, трудолюбивый и отзывчивый. Его доброта была такова, что она не позволяла ему проявить жесткую требовательность. Поэтому все ученики его очень любили, но его предмет – немецкий язык знали неважно. Нас тогда такое назначение не расстроило, хотя для меня было огорчительно, что Клавдия Федоровна ушла от руководства классом. Я ее боготворил.

К тому времени практически все десятиклассники уже ощущали, что скоро закончатся школьные годы, и, возможно, многие из них больше никогда не встретятся друг с другом. Обменивались фотографиями с трогательными надписями, фотографировались группами, парами. И все три десятых класса стали как-то ближе друг к другу. Из 10 «а» особенно запомнились Лида Афолина, Галя Лежнина, Коля Ложечников, Валя Марцынкян, Леня Мокеров, Ира Недопекина, Володя Соломин, Люба Терехова, Валя Филонов, Валя Христолюбов, Володя Шабанов, Лия Шарыгина. Из 10 «б» Юра Баранов, Паша Бородин, Володя Вшивцев, Саня Еналов, Саша Кальсина, Валера Кочешков, Лида Лежнина, Юра Малышев, Аля Овчинникова, Вера Ошуева, Юра Поликарпов, Нина Черепанова.

Мы ощущали себя в некотором смысле причастными к истории школы как выпускники юбилейного, двадцатого выпуска школы. Первый выпуск школы состоялся в 1937 году. И некоторые из первых выпускников были нашими учителями. Это Халтурин Иван Иванович, Шарыгина Татьяна Александровна и Шарыгин Виктор Алексеевич, хотя он после окончания 9-го класса в 1936 году поступил в учительский институт в Кирове. Мы знали также, что среди первых выпускников школы были Свечников Геннадий Александрович, впоследствии доктор философских наук, член-корреспондент Академии наук СССР; Кряжев Василий Ильич, впоследствии Герой Советского Союза; Зенцов Виктор Петрович и Корякин Николай Павлович, впоследствии инженеры; Князев Николай Андреевич, впоследствии юрист и учитель, а также другие. В числе выпускников были и невернувшиеся с полей сражений Великой Отечественной войны. Для нас все они были безусловно примером и дополнительным стимулом для достижения каждым поставленных целей.

Большинство из моих одноклассников впоследствии нашли свое место в жизни. Благодаря своему трудолюбию, нравственному здоровью и крестьянским корням почти все из них стали уважаемыми людьми. Насколько мне известно, Валя Христолюбов стал кандидатом наук, Боря Кряжев окончил Ивановский энергетический институт, Коля Ложечников Ижевский политехнический институт, Валя Филонов Ленинградский институт

точной механики и оптики, Леня Мокеров Троицкое летное училище. Да и многие другие стали мастерами своего дела.

Последние две четверти полны раздумий. Куда же поступать? Обязательно в Ленинград. Но в какой институт? Изучаю справочник «Вузы Ленинграда». Выбрал три наиболее интересных. Надо готовиться. Сначала следует окончить школу и как можно лучше.

И вот волнующий момент, последний звонок. Впереди выпускные экзамены. Первый экзамен – сочинение. Времени на все дано шесть часов. Выбираю тему «Лютиков и Олег Кошевой». Пишу сразу на чистовик. Время практически использовано полностью. Проверяю на предмет наличия грамматических ошибок. Не нахожу. Сдаю работу. Несколько томительных дней ожидания, и вот, наконец, объявляют результаты. У меня самая высокая оценка! Вот когда я впервые почувствовал себя претендентом на медаль. Но обольщаться было рано. Впереди не только еще много экзаменов, но и в случае их успешной сдачи еще обязательное рассмотрение всех письменных работ в областном городе Кирове и их утверждение. Все остальные экзамены мне как-то не запомнились. Их сдача прошла без сбоев. И вот выпускной вечер. Всем вручают аттестаты зрелости, а мне похвальную грамоту за 9-й класс. Правда, на этом вечере было объявлено решение Кировского ОблОНО об утверждении моих оценок и присуждении мне золотой медали, однако соответствующего бланка аттестата в школе не было и вручение откладывалось. После недельного ожидания я решил взять справку из школы, с большим трудом получил паспорт и отправился в Ленинград. Аттестат мне выслал в Ленинград по авиапочте мой товарищ Борис Кряжев, и я получил аттестат только 12 июля.

Итак, прощай школа, прощайте друзья. Впереди новая, пока неизвестная жизнь.

1946 год, деревня Алканка

3-й класс Кряжевской начальной школы, весна 1950 года

Перешли в 10-й класс с двоюродным братом Юрой Барановым

9-й «В» класс после экзаменов, 1956 год, Кикнур

Окончен 9-й класс. Два дружных класса, «Б» и «В», июнь 1956 год, Кикнур

Школьные друзья, после окончания школы на память. В центре Геня Серков, справа Боря Кряжев

Немного о моей родной деревне

Только в памяти и осталась наша деревня. Ее история типичная для сел и деревень нечерноземной полосы России. Возникла она в самом начале XIX века и называлась Кладбищенские, поскольку основные переселенцы были из одноименного поселения Яранского уезда. Переселенцы из нечерноземной полосы России выбрали удобное место на берегу речки. Рядом был лес, земля плодородная. К концу XIX века деревня процветала. Здесь не было помещичьих земель и крепостничества. Крестьяне были государственными.

Поскольку земля хорошо «родила», в лесу много дичи, а реки полны рыбой, то жить крестьянам было можно безбедно, если трудиться. К началу столыпинских реформ деревня приняла название Алканка по названию речки и насчитывала свыше семидесяти дворов. Реформы привели к тому, что вокруг крупных деревень стали возникать «выселки». Это небольшие деревни дворов по десять, ближе к земельным наделам. Из Алканки выделилось Козырево и частично Заапшалка. Но впоследствии практически все выехавшие на «выселки» вернулись в родные «пенаты». Но это уже в советское время.

В период «раскулачивания» под «каток» попали самые трудолюбивые, а стало быть, зажиточные крестьяне. В Алканке это оказались два брата Михалевых: Кузьма Егорович и Филипп Егорович. У Кузьмы Егоровича в Старой Алканке конфисковали большой красного кирпича дом и добротный огромный скотный двор с кирпичными простенками. В колхозе эти постройки использовались как конный двор. У Филиппа Егоровича в Новой Алканке был конфискован двухэтажный пятистенный дом с кирпичным первым этажом и большой двор. В большей половине этого дома впоследствии располагалась школа, а в другой половине проживала семья первого председателя колхоза Ульянова Александра. Были еще два претендента на «раскулачивание». Один из них оказался служащим в районной администрации, а с другим произошла небольшая «осечка». Этим другим был неистовый труженик Азарий Гаврилович Михалев, по прозвищу «Мать – кок». Детей у него было, по-моему, пятеро. С шести утра он уже на работе. Для него рабочий день заканчивался в десять - одиннадцать вечера. И так каждый день. Он обрабатывал не только свою землю, но и брал в аренду землю у нерадивых крестьян «бобылей». Платил за аренду частью урожая. Когда наступила пора «раскулачивания», в комитетах верховодили «бобыли». Комитет тогда возглавлял питерский ссыльный некий Сергей Николаевич, который и принимал окончательное решение. На заседании комитета «бобыль» Вася-шут (такое он носил прозвище) заявил:

- «Зарьку надо раскулачить, он у меня землю эксплуатировал».

На что Сергей Николаевич резонно заметил:

- «Это ты его эксплуатировал, ты эксплуататор, вот тебя и надо раскулачивать».

Так и оставили в покое Азария Гавриловича.

Мне трудно подробно описывать историю деревни. Я не занимался специальными историческими исследованиями и здесь привожу лишь некоторые фрагменты, известные мне из рассказов моего отца. Мне проще представить нашу деревню на период с 1945

по 1957 год, т.е. на то время, когда я осознавал себя жителем этой деревни.

Сначала о географических особенностях и месторасположении деревни. Речка Алканка протекает с запада на восток и впадает в более крупную реку под названием Пижанья. Река Пижанья впадает в еще более крупную реку, Большую Кокшагу, которая является левым притоком Волги. Деревня располагалась на берегах речки, сначала на левом берегу по течению (Старая Алканка), затем на правом (Новая Алканка). Такое расположение крестьянских дворов было удобным. Как правило, крестьянский двор содержал жилой дом, в котором обязательно была русская печь, подтопок с плитой, полати, кухня и одна – две жилые комнаты, разделяемые между собой легкой дощатой переборкой. Далее располагались не отапливаемые сени и клеть, после которых шел скотный двор. Все постройки старались подвести под одну крышу. Крыша под скотным двором обычно была изолированной. Отдельной постройкой была банька на самом берегу речки. Она располагалась метрах в пятидесяти от основных построек и топилась «по-черному». Общее расположение деревни казалось очень удобным. С запада и севера был лес на расстоянии примерно по километру от деревни с обеих сторон. С западной стороны от деревни до леса были прекрасные пойменные луга, которые пересекались параллельно опушке леса тремя полосами зарослей ивы и ольхи (елшины). Эти равнинные луга называли «Шохрами». В советское время это было основное место для сенокоса и сенозаготовок. Западный лесной массив с южной стороны упирался в дорогу «Кикнур – Шахунья». Лес, конечно же, был богатый. В основном это вековые хвойные деревья из елей, сосен и пихты. Участки леса от тракта – большака на север условно разделялись на Моревскую рощу, Ваштрангские прорубы, Мардежевскую рощу и плавно переходили один в другой. В Моревской роще преобладала сосна, а в других участках ель. Границей Мардежевской рощи была узкая проселочная дорога, которую называли Барановской. Эта дорога шла строго на запад и упиралась в поле, на котором в столыпинские времена был выселок Бараново. Чуть севернее Барановской дороги, метрах в тридцати на запад под небольшим углом к северу шла большая просека и дорога, которая упиралась в шахунский тракт в районе деревни Ушаково и Кирпичного завода. Справа от дороги была огромная поляна, заросшая молодым осинником, богатая необычайно большими колониями грибов-красноголовиков. Далее снова шел хвойный лес, который переходил в другой лесной массив таким образом, что опушка леса образовывала прямой угол. Это место так и называли «Угол». Далее лес шел строго на восток. Участки этого лесного

массива тоже имели свои названия: «Фартал», Алканская роща и Чернушенская роща. Алканскую и Чернушенскую рощи, например, разделяла «Микешина дорога». Лес был хорош. Деревья как на подбор. Стройные, сильные. Лес давал стройматериалы и дрова. В нем было вдоволь различных грибов и ягод. В трудные голодные годы это было большим подспорьем для всех, лес выручал.

В пространстве, ограниченном с запада и севера лесом, а с юга речкой, метрах в пятистах от северной границы леса оставались еще постройки выселка Козырево и небольшой низинный участок, заросший леском и называемый «болотом» (западная половина Алканским, восточная - Огореловским). Южнее речки Алканка были алканские поля до Ермольской рощи. В ясные дни с высоты птичьего полета, например с большого дерева, открывалась удивительная перспектива. На северо-западе просматривались хвойные леса, а на юге, востоке и юго-востоке островки леса перемежались с полями и деревнями. Причем каждая деревня имела свои очертания, которые им придавали соответствующим образом расположенные лиственные деревья из берез, лип, рябин, черемух, яблонь. На юго-востоке в районе деревни Уланово на возвышенности хорошо просматривалась огромная вышка для наблюдения за акваторией на случай возникновения пожаров.

Климат в этих местах континентальный, солнечных дней много. Равнинная местность с наличием достаточного количества влаги, довольно плодородная почва позволяли крестьянам вполне прилично вести хозяйство.

Фасад деревни был строго на юг. Поэтому в полдень солнце прямо светило в передние окна и в каждой крестьянской избе в этом случае было как-то особенно приветливо. Если двигаться с запада на восток, то первый дом был Михаила Федоровича Чернова, которого звали «Мишуха». В молодости он носил прозвище «старшина». Михаил Федорович был довольно спокойный человек, уравновешенный и самостоятельный. Он принимал участие еще в первой мировой войне, был ранен и в Отечественной войне уже не участвовал. Я не помню, чтобы кто-то о нем отозвался отрицательно. Хозяйку звали Дуня Мишиха. За ее необычный тягучий голос за глаза называли «Вяньгушей». Старший сын Иннокентий или просто Кенька был впоследствии механизатором и уехал с семьей на целину. Его жену звали Люба Кениха. Привез ее Иннокентий откуда – то из города. Уезжали они с двумя дочками. Средний сын этой семьи, Борис, или Борька Мишин, был года на три старше моего брата Олега, и они были в дружеских отношениях. Борис очень прилично играл на балалайке. После армии он поступил на работу в районную милицию и обосновался в Кикнуре. Младшей

в семье «Мишухи» была Зоя, года на четыре моложе Бориса. Ее почему-то в деревне звали Зойка Дуни Мишихи. В середине 50-х она сформировалась в светловолосую красавицу и была выдана замуж в деревню Мишаны. Но брак оказался, кажется, несчастливым.

В следующем доме жила семья Анны Гурьяновны Черновой. У нее были две дочери и сын. Старшую дочь звали Лидия (Лидка), среднюю Надежда (Надька), а сына Леонид (прозвище- Ленька Гурьян). Анна Гурьяновна работала конюхом в колхозе. Это была жуткая нищета. Они зимой иногда даже спали в русской печке. Лидка была тихой и работающей, а Надька шумной, энергичной, ловкой. Любая работа у нее получалась и спорилась. Ленька ходил зимой в холщевых драных штанах со сверкающими коленками, но никогда не болел, был крепышом. В школу он пошел вместе с моим братом и в первый же день вогнал в краску молодую учительницу. Детям было сказано, что если возникнет какой-либо вопрос, то нужно поднять руку. Все ясно. В середине урока Ленька поднимает руку и спрашивает:

- «Сусанна Георгиевна, можно выйти?».

Учительница спрашивает:

- «Зачем?». Ну, он ей и ответил так, как говорят в деревне, когда нужно в туалет по большой нужде... В начале 50-х годов они продали дом и приобрели скромный домик в деревне Кряжево. А Ленька вырос в крупного красивого парня.

После овражка стоял большой дом Князевой Валентины Степановны. Тетя Валя была двоюродной сестрой моего отца. Она часто заходила к нам и любила заниматься с моей младшей сестрой Лией. У тети Вали старшую дочь звали Ирой. Она была года с тридцатого. И в конце сороковых была завидной невестой. Замуж она вышла по любви за Бориса Чернова (Борьку Сани Рыжой). Сына тети Вали звали Леонид (Ленька Валентинин). Он был с 33-го года, но дружил с моим братом. Когда подрос, любил подраться на гуляньях. Впоследствии, после армии, он женился и вместе с семьей и тетей Валею уехал из деревни, обосновался в г. Березники.

В одной из половин этого дома до 1948 года проживала семья кузнеца Ивана Яковлевича. Это была эвакуированная семья из какого-то города. Жену кузнеца звали Тася, а старшую из девочек Таня. Их «выговор» сильно отличался от деревенского. Запомнилось ругательство Ивана Яковлевича:

- «Ёж – палзёшь, ни праедешь, ни прайдёшь».

После их отъезда в этой половине поселился тоже кузнец, выходец из Польши малоразговорчивый и невозмутимый Кец Трофим Степанович (Стефанович). Его жена Катя Тимина была полной

противоположностью мужа, эмоциональная, говорливая, но «себе на уме». Можно сказать, что даже лукавая. Трофим Степанович был незаурядным мастером и тружеником. Колхоз и жители деревни его очень ценили. Обычно на вопрос:

- «Как жизнь, Трофим Степанович?»

Он размеренно и тихо всегда отвечал одним и тем же:

- «Да так-то, ничего...».

В следующем доме жила старушка Екатерина Егорьевна Кузьминых с дочерью Анной (Нюрой) и зятем Алексеем Васениным из Копылят. Ее старший сын Иван жил своей семьей в нашей деревне, а младший Алексей со своей семьей в Кикнуре.

Далее располагался наш дом. Его купил отец еще до войны у Курзенева Ивана (Якуни-Вани), который был просто нашим однофамильцем. В нашей семье было шесть человек. Бабушка Катя, которую в деревне звал Катей Володиной; отец Анатолий Григорьевич, которого пожилые люди звали Тошкой Курзеныным; мама Наталья Павловна (Наташа Тошиха) и мы, дети: Олег, 1937 года рождения; Володя, 1939 года рождения и Лия, 1942 года рождения. О своих родителях и бабушке я уже упоминал. Кое-что о брате и сестре. Старший брат Олег унаследовал от отца многое. И прежде всего, музыкальные способности. Я помню, как еще во время войны он тянулся к баяну, который стоял на столике в переднем углу. Однажды даже уронил его и заплакал от испуга. Жгучий интерес проявлял и к патефону. В детстве был активным ребенком. Рассказывают, что его детские характеристики внешнего вида людей были очень точны. Например, одну из знакомых нашей семье женщину с характерной формой носа называл «тетка Настя, у которой нос ножиком». Был добрым мальчиком и приглашал в гости всех, заявляя:

- «У нас все есть!».

На вопрос:

- «А что все?»,- отвечал:

- «У нас квас есть!». (Действительно, квас у бабушки Кати был фирменный, я такого больше нигде не пил). Олег очень рано научился самоучкой играть на гармошке. Трудно даже сказать на чьей. Поскольку у нас тогда гармошки не было. Возможно, в деревне у кого-то и сохранилась с довоенных времен. Вскоре отец сделал заказ гармонному мастеру, и у нас появилась лучшая в округе гармонь. Вмиг Олег стал популярным не только в нашей деревне, но и во всей округе. Он стал первым парнем, несмотря на очень юный возраст. Гулянки и вечеринки, свадьбы никак не обходились без молодого гармониста. Когда он подрос, то оформился в довольно симпатичного парня среднего роста с правильными чертами лица.

Да и характер его оказался совсем неплохой. Его любили и уважали практически все, с кем он общался. А круг знакомых у него был большой. После окончания семи классов он самостоятельно пытался поступить в музыкальное училище в Кирове. Прошел профотбор, но ноты ему были не известны. Его приняли, но на первое время без стипендии. Это было невозможно. Пришлось отказаться. Время было тяжелое. После окончания средней школы он окончил ТУ № 2 в Ново-Вятске, работал механиком на Лальском лесокомбинате, служил в армии. Неизменный участник всяческих смотров художественной самодеятельности. После завершения службы работал механиком на Казанском оптико-механическом заводе до трагической кончины в 1967 году. Сестра Лия окончила Ветлужский лесотехнический техникум. После окончания работала в Казани сначала на предприятиях лесопромышленности, а затем директором выставочного Салона художников. В браке с Андреевым Василием Тимофеевичем воспитали и дали высшее образование дочери Элине и сыну Дмитрию.

Шестым домом был дом Михалевых. До 48-го года в нем проживали Валя Федиха с матерью (бабушкой Катей), сестрой Августой и ее дочкой Галей Отрадных. Валентина воспитывала двух сыновей Анатолия (Тольку) и Юрия (Юрку). Первый из них был одногодком моего брата Олега, а второй моим одногодком. Толька был особенно озорным мальчишкой. Валентина во время войны была председателем колхоза. Родом она была из деревни Кокушены, что в километрах двух от нашей деревни вниз по реке Пижанье. Ее муж Федор погиб вскоре после мобилизации в первый же год войны и она, как и большинство деревенских женщин, оказалась вдовой. В 1946-м году в Кикнур была прикомандирована и располагалась на его окраине военизированная авторота, на базе армейских автомашин «студобеккеров», водителями и механиками которых были военнослужащие сокращаемой до штата мирного времени армии. Среди шоферов этой автороты был красивый рядовой Володя Бычковский из Западной Белоруссии, которому и приглянулась молодая и энергичная вдова. После его демобилизации в 1948 году он увез новую семью на свою родину, в Молодеченскую область. С Юрой мы дружили и некоторое время переписывались. В разрушенной Белоруссии первое время им пришлось несладко. После их отъезда дом перешел в собственность Алексея Семеновича Михалева (Алешки Дунина). Его жена Люба была из деревни Щеглы. Вместе с ними была и ее мать Марина, впоследствии потерявшая зрение. Новые хозяева были молодыми, и у них семья регулярно увеличивалась. Девочек и мальчиков в общей сложности у них оказалось пять или шесть. Я помню Толю, Зину, Женю, Юру, а

младших уже и не знаю. Алексей Семенович работал трактористом в колхозе. Это был обыкновенный инфантильный мужик, пытавшийся ловчить, но не обладающий какими-то особыми способностями и достоинствами. Моей бабушке Кате он почему-то казался несимпатичным, и она его называла «брыляком». А вот Люба была энергичной, напористой, на грани с криминалом.

Напротив пространства между шестым и седьмым домом располагался «проулок» - дорога к деревне Соболево. После мостика через речку слева от дороги была колхозная кузница, а справа наша банька, которая топилась «по - чёрному».

Седьмым домом деревни был домик Татьяны Ванихи Михалевой, матери погибшего Федора. Домик отступал от общей линии деревни метров на 15 – 20. Татьяна была спокойная, ровная женщина. У нее был еще один сын Николай (Колька Татьянин) и дочь Павлина. Но они куда-то уехали из деревни сразу же после войны. Татьяна долгое время жила в своем домишке одна, а затем вроде бы переехала к своей сестре в деревню Путиново, рядом с Кикнуром.

Следующий дом был большим и принадлежал сразу двум семьям, которых называли «медвежатами» по прозвищу деда Гаврилы. Гаврила когда-то получил это прозвище за то, что однажды вечером «накушавшись самогоночки» прилег в кустиках отдохнуть, а когда рядом проходили женщины, стал издавать звуки, похожие на медвежий рев, чем до смерти их напугал. Медведи в то время в лесу водились, и огромного волосатого Гаврилу приняли за медведя, стали звать на помощь. Дом «медведей» состоял из двух половин. Одна половина была полностью кирпичная (белого цвета), а другая с красным кирпичным низом и деревянным верхом (от пола до потолка). Скотные дворы были отдельные. Полностью кирпичная половина принадлежала нашим близким родственникам Михалевым. Степан Азарьевич Михалев был женат на сестре моего отца тете Таисие. О том, что у них было четверо детей: Раиса, Михаил, Валентин и Лев и о том, что дети остались круглыми сиротами во время войны, я уже упоминал. Старшую, Раю в 1948 году вызвал в Ленинград дядя Вася, брат бабушки Кати. В Ленинграде Рая закончила ФЗО при мясокомбинате, работала, училась в вечерней школе, а в 1957 году за ней приехал и увез в Новосибирск Михалев Леня (Ленька Ленин), ее ровесник, выходец из нашей деревни, к тому времени окончивший ФЗО в Нижнем Тагиле и отслуживший в армии. Михаил долгое время жил в нашей семье, после армии обзавелся семьей, работал шофером в Кикнурской МТС и, где то в году шестидесятом со всей семьей перебрался в Новосибирск, поближе к сестре. Средний, Валентин,

после окончания 6-го класса был направлен из детского дома в ремесленное училище при заводе им. Ленина в Ленинграде. После «ремеслухи» Валентин работал, окончил среднюю вечернюю школу, отслужил на флоте, окончил ВТУЗ, долгое время работал на инженерных должностях все на том же заводе, пока его не перевели в 70-х годах в аппарат Министерства тяжелого и энергетического машиностроения СССР в Москву, где он получил квартиру и куда переехал с семьей. Младший, Лев, после детского дома окончил среднее строительное училище, отслужил в армии, работал на стройке в Новосибирске, затем на монтаже линий «Волгоэлектросетьстрой» в районе Новокуйбышевска. В этом городе он проживает с семьей, будучи на пенсии.

В другой половине дома проживала семья Семена Азарьевича. На Семена и его старшего сына Анатолия Дуня Сениха получила «похоронки». Семен оставил большую семью. Это дети: Валентина (Валекресна), Алексей (Алешка Дунин), Антонина (Тонька), Павел (Пашка Дунин), Софья (Сонька Дунина) и Игорь. Дуня была энергичной женщиной и в своей жизни не брезговала некоторыми приемами, вызывающими осуждение со стороны добропорядочных людей. Ее набожность не соответствовала поступкам. Бабушка Катя называла ее «монашкой», а за сутулую фигуру «горбушей». Ее дети многое унаследовали от матери.

Девятым был дом раскулаченного Кузьмы Егоровича. Это был дом из красного кирпича с огромным скотным двором с частично кирпичными стенами. Чуть поодаль располагался крытый ток и несколько амбаров. Эти дом и двор были приспособлены под конный двор. На ток, или как его называли «ладонь», свозили скирды и производили обмолот. На юг от дома в ряд располагались склады – амбары, от которых через речку можно было выйти как раз к «кузне». Все амбары дверьми были ориентированы на восток. Напротив них, метрах в тридцати, располагалась колхозная пасека.

Следующий дом принадлежал Семену Михалеву по прозвищу «Калабашка». Семен был старым холостяком и «бобылем». Дом его был просторный, но не было ни скотного двора, ни сеней. Семен в конце 40-х куда-то исчез, и в его доме молодежь в Рождество устраивала вечеринки – «игрища».

Рядом с домом Сеньки – «Калабашки» стоял дом Анны Петихи. Ее фамилия тоже вроде бы была Михалева. Это тоже был скромный дом, без скотного двора. Анна была скромной тихой и работающей женщиной. Ее старший сын Павел (Пашка Анны Петихи) чем-то был похож на мать и довольно рано уехал из деревни на какие-то работы. Младший сын Сергей (Сережка Анны Петихи) был живым и энергичным подростком. Семья Анны была одной из беднейших в

деревне. И это в тот период, когда голодало практически все население, ведь на трудодни ничего не давали, а колхозный хлеб полностью отгружали государству. Сережка впоследствии пропал. Поговаривали, что с ним расправилась Саня Рыжая за то, что он как свидетель показал на нее по краже имущества у сирот Михалевых.

Двенадцатым был дом Пелагеи (Палаши). Он стоял на самом низком месте, у овражка. Палаша была одинокой старушкой. Вскоре в этом доме поселилась Настя Махова - конюх с дочкой Верой и сыном Колей. Настя была неграмотной, работающей, немногословной и имела ровный характер.

Следующий дом принадлежал Александре Михайловне Черновой (Сане Рыжей). У Сани Рыжей было пятеро детей: старший, нелюбимый сын Виктор (Витька Санин), средний, любимый сын Борис (Борька Санин – «рыжий комель»), дочь Фаина (Фаинка), нелюбимая дочь Рая (Райка Сани Рыжей) и любимая дочь Анна (Нюрка Сани Рыжей). Фигура Сани Рыжей была очень заметной. Она была профессиональной воровкой. Прошла воровскую школу в Горьком (Нижем Новгороде). У нее была чисто воровская походка, вкрадчивый негромкий голос, колоссальная выдержка, дьявольски хитрый ум, звериная жестокость. В девичестве она зарубила своего младшего брата Егора, заманив его в лес. Младший брат, как ей казалось, был обузой. Никакие тюремные стены не могли ее удержать. Ей удавалось освободиться от подавляющего большинства улик, уничтожать документы и уходить от наказания. В деревне она попала только на двух кражах, на краже колхозных продуктов и на краже имущества у сирот Михалевых. Чаще всего она «промышляла» в ближайших городах. Периодически исчезала из деревни на пару недель и внезапно появлялась. За кражу в колхозе она была осуждена сравнительно на короткий срок. После отбытия наказания она все-таки отомстила моему отцу как председателю колхоза. Ею была отравлена удобрением наша замечательная коровушка Жданка, в то время наша кормилица.

Четырнадцатый дом деревни был дом Анны Поликарповны Князевой (Анны Сенихи). Анна Сениха воспитывала трех дочерей. Старшую звали Павлиной (Павлинкой), среднюю Тамарой (Тамаркой), а младшую Галиной (Галькой). Все они были рослыми девицами. Самой интересной из них была Павлинка. Анна Сениха была удивительной женщиной. Она обладала большим чувством юмора, любила любую шутку, была в масленицу неизменным «нарядчиком», т.е. рядилась скоморохом, непременно мужчиной. Ее трудно было вывести из себя. Она все сводила к шутке. Например, холостяцкий налог, который приходилось ей платить за старшую и

среднюю дочь, она называла «блядским» налогом. Меня, мальчонку, постоянно приглашала на блины, как теща:

- «Зять, иди блины есть».

Хотя жили они очень скромно и блинов у нее, конечно же, не было. Она видела, что мне это не нравится, и постоянно «подначивала» меня. Ее младшая дочь Галька была на год старше меня, была дылдой, да к тому же еще и сильно заикалась. В школе ее не вызывали к доске, а опрашивали только письменно. Анна Сениха была трудолюбивой, добросовестной женщиной. Ее все любили за высокие человеческие качества, за мужество, с которым она встречала все удары судьбы.

Следующий дом принадлежал Анне Сашиной. Это в то время была самая бедная семья в деревне. У них даже не было полатей и матрацев. Все спали на полу, на охапке соломы. Василий Семенович Ложечников (по прозвищу «Чьяк»), глава семейства, в конце войны завел другую семью и скрывался от алиментов. А неграмотная Анна осталась без всякой поддержки с пятерыми детьми. Старшую дочь звали Анфисой (Фиской). Далее за ней шел сын Николай (Колька), затем дочери Валентина (Валька), Зинаида (Зинка), Зоя (Зойка) и Александра (Шурка). Это была невероятная нищета. Домишко был с дырявой крышей, развалюха, да и только. Анна работала конюхом. Мой отец организовал поиск злостного неплательщика алиментов. И, в конце концов, через несколько лет его нашли в Ижевске. К этому времени самые тяжелые времена уже прошли. Какое-то время они получали алименты. Наконец Василий Семенович покаялся и пригласил в Ижевск сначала одну дочь, Зинку, а она затем постепенно вывезла из деревни всех, кроме старшей сестры Фиски, даже мать, и с помощью отца определила каждого на работу.

Шестнадцатый дом был Ольги Дмитриевны Курзеновой (Оли Санихи). Александр Григорьевич Курзенов, глава семьи, был старшим братом моего отца. Он был мобилизован на фронт с началом войны. Через некоторое время после ранения за критические высказывания его заподозрили в самостреле и репрессировали. Богатырским здоровьем он не отличался и скончался на лесозаготовках; похоронен в Сухобезводном Горьковской области приблизительно в 1949 году. Об этом стало известно только в 90-х годах, когда пришел ответ вместе со свидетельством о полной реабилитации по запросу старшей дочери Людмилы. Эта семья была нам близкой. Бабушка Катя долго оплакивала пропажу сына. Так она и не узнала, где и как закончил свой жизненный путь ее первенец. О том, что с дядей Сашей не все в порядке, моему отцу конфиденциально удалось узнать в 1945 году. В семье тети Оли была большая нужда. Еще бы! Ведь на руках у

практически неграмотной женщины осталось четверо ртов. Никаких пособий им не полагалось, поскольку «похоронки» на дядю Сашу не было. Старшая дочь Людмила (Люська) была с 1929 года рождения дальше шла Раиса (Райка Олина) с 1933 года, затем Юрий (Юрка Олин) с 1938 года и, наконец, Александра (Шурка Олина) с 1940 года. Некоторое время Люська подрабатывала почтальоном, а остальные работали в колхозе. Все девчонки смогли получить лишь начальное образование, т.е. окончить четыре класса. Один Юрка окончил 7 классов. Где-то в начале пятидесятых Люська уехала к родственникам матери в г. Прокопьевск. Лет через пять она вызвала тетю Олю, Шурку. А затем после армии туда отправился и Юрка. Райка окончила курсы ветеринаров, затем работала в Кикнурской ветлечебнице, вышла замуж за Сергея Афанасьевича Михалева, «одарила» его двумя сыновьями. В начале шестидесятых все они дружной семьей переехали на жительство в Киргизию. А Юрка после армии обзавелся семьей и трагически погиб в автокатастрофе в 1968 году, оставив сиротами двух девочек. Шурка вышла замуж за Николая Шевкуна и переехала с мужем в Сумскую область. Там же дожила свой век и тетя Оля, оставшись в неведении о судьбе своего мужа. Вспоминается один эпизод из невероятно тяжелого 1946 года, когда тетя Оля поделилась со своими напарницами, что из лебеды она приготовила лепешки, которые «робенки хорошо поели». Об этом услышал находящийся рядом и известный на всю деревню, как считалось с отклонениями в психике, дед Федор Федорович Ложечников и немедленно отреагировал:

- «Хорошо, дак ешь. Ешь!».

Следующий дом принадлежал родному брату моей бабушки Михалеву Даниилу Владимировичу, или просто дяде Данилу. Он был из рода «моненков». Так называли всех выходцев из семьи Владимира Сергеевича Михалева по прозвищу «моня». Дядя Данил был очень интересный человек. По возрасту самый старший среди своих братьев и сестер. Когда-то служил на кораблях русского флота. Как я его помню, он был слегка глуховат, носил аккуратную бородку и по внешности очень напоминал академика И.П. Павлова. Отличался исключительной выдержкой, хотя по характеру был вспыльчив. Вел весьма умеренный образ жизни. Никто и никогда не видел его пьяным, хотя он и не был трезвенником. Был большим тружеником и хорошим семьянином. В разговорах с собеседниками часто повторял:

- «Слышь, панимаешь..».

На праздничных застольях обычно затягивал любимую песню «Ой да ты, калинушка». Следил за колхозной пасекой и единственный из деревни имел свою. После выкачивания меда

всегда угощал ребятшек «медовщиной», сладкой водичкой. Дети его почему-то побаивались, хотя он никогда никого не журил. На участке у него рядом с пасекой росли огромные кусты ирги, которую называли «черными ягодами». Свое хозяйство дядя Данил содержал всегда в полном порядке. Женат он был на своей сверстнице из деревни Кокушены Анне. Ее звали в деревне Данилихой. Это была невысокая шустрая и шумная женщина. У них было пятеро детей. Старший Николай погиб во время войны. Следующей была дочь Вера, возраста немного моложе моего отца. Она была выдана замуж за ветеринара из деревни Ветлугаево Мокерова Александра Петровича, который трагически погиб в 1952 году. У тети Веры на руках остались четверо. Старший, Леня был моим ровесником и учился в параллельном классе в Кикнуре. Младшей девочке, Люсе к тому времени исполнился один месяц. Это событие потрясло дядю Данила и он скончался от сердечного приступа. По возрасту за Верой шел Иван. Он воевал, был ранен, но остался жив. После демобилизации долгое время работал на почте в Кикнуре. Затем в середине пятидесятых он с женой Марией и дочкой Гелей завербовался и уехал на целинные земли. Следующий сын дяди Данила Василий. Он также воевал и закончил войну в Германии. Сразу же после возвращения обосновался в г. Йошкар-Ола. Василий отличался редким радушием, любил шутку и довольно часто мог неожиданно громко рассмеяться, по-видимому, вспомнив какой – либо смешной эпизод. Младшим сыном у дяди Данила был Александр (Санко Данилов). Это был крупный, добродушный детина, 1930-го года рождения. Ему удалось закончить начальную школу и училище механизации в г. Яранске. Работал в колхозе сначала молотобойцем в кузнице у Трофима Степановича, а затем механизатором и принял эстафету хозяина после кончины дяди Данила. Как и все в семье был трудолюбив, честен и порядочен. В жены себе взял Клавдию Козыреву (Гланьку) из своей деревни. Она очень дополняла мужа. Примерно одного возраста (на год, полтора постарше мужа), энергичная, общительная Клавдия успевала выполнять не только бригадирские функции, но и хозяйские по дому. Вместе они воспитали сына Николая и дочь Галину, тоже уважаемых тружеников села. Александр и Клавдия «до последнего» оставались верны своему дому и деревне. В восьмидесятых годах их переселили в центральную усадьбу уже нового колхоза, в Ваштрангу. Они оказались последними «могиканами» из Алканки. Из Ваштранги им приходилось приезжать работать на алканские поля как на более плодородные. Насколько этот процесс отрыва от привычных родных мест оказался для Александра и его семьи болезненным говорит то, что в последствии, будучи тяжело

больным, Александр ушел навестить родные места и умер в алканском лесу. Логика укрупнения деревень была понятна только небольшому кругу людей, принимающих решение. Мнение сельчан никого из «верхов» не интересовало.

Восемнадцатый дом принадлежал Александре Михалевой (не помню ее отчество). В деревне ее звали Александрой Афонихой. Это была спокойная женщина. Никто и никогда с ней не мог поссориться. Она умела уладить любой конфликт. В семье были два сына и дочь. Старший сын Сергей (Сережка) захватил конец войны и отслужил в армии около восьми лет. После демобилизации работал в какой-то организации в Кикнуре, женился на Райке Олиной, с которой прожил в мире и согласии до своей кончины. По характеру был похож на мать. Следующим за Сергеем шел Петр (Петька). Петька был небольшого роста, известный на всю округу организатор и активный участник междеревенских потасовок на вечеринках и гуляньях. Был ловким, проворным, внешне всегда выглядел спокойным и уравновешенным. Женился для деревенского парня поздно на ветфельдшере («врач – скотине» по марийской терминологии), приехавшей в Кряжево по распределению. Младшая дочь Александры Валентина (Валька) страдала эпилепсией и, естественно, замуж так и не вышла. Хорошо пела и плясала. Умерла в возрасте где-то 20-25 лет.

В девятнадцатом доме жила семья Павловых. Ее так называли, потому что в ней дед Павел Семенович Ложечников был главным хозяином и основным представителем рода «савичат». Он был одного возраста с моим дедом Григорием. Обладал богатырским здоровьем и невероятным трудолюбием. Говорят, что еще до первой мировой, когда он был молодым мужчиной, а его звали Пашкой Сениным, он был неизменным участником кулачных боев в деревне, и с ним могла справиться только группа бойцов. Овдовел он довольно рано и жил вместе с младшим сыном Александром. Оказался однолюбом, до конца был верен своей Анисье. На вечеринках, праздниках и любых застольях плясал и пел с присвистыванием одну и ту же частушку:

- «Конфетка моя, соколадная, Аниска моя, ненаглядная (или «аккуратная»)...

Причем он сильно шепелявил. По характеру был тверд, даже упрям. На замечания коллег по плотницкой артели реагировал резко, типа:

- «Со ты, Патруль, меня усис, я в Иркутске вокзалы строил!...» (Патруль – это прозвище Ивана Васильевича Кузьминых, сына Кати Егорьевны). Пережил своих сынов Ивана и Александра, внука Анатолия и умер в возрасте около ста лет у дочери Анфисы в г.

Вахтан Горьковской области. И это несмотря на то, что он до конца своих дней работал, часто употреблял низкосортные алкогольные напитки, а иногда и просто спиртосодержащие жидкости типа денатурат и спироль:

- «Спасибо Ивану Владимировису, наусил спироль пить. И десево и сердито, выпил – и два дня пьяный...».

В описываемый мною период Павел Семенович проживал с семьей младшего сына Александра Павловича, которого моя бабушка Катя звала просто Санко Павлов. Александр Павлович был ровесник моего дяди Александра Григорьевича. Они дружили и росли вместе. Но Павлыч был хитроватым и шустрым. Он как-то умудрился во время войны прокантоваться в тыловых частях, а затем и вовсе комиссоваться. В колхозе никогда не работал, в основном бригадирствовал в МТС. Его жена Анна была старшей сестрой погибшего на войне нашего соседа Михалева Федора. Это была женщина крупного телосложения, степенная и уверенная в себе, с характером, но страдающая сердечной недостаточностью. Она занималась главным образом семьей. Почему-то ее звали Анной Павловой. Старший сын Анатолий (Толя Аннин, по прозвищу «Толя-бадя») ничем особенным не выделялся. Его женили на девушке из Изварки Клавдии. Дед Павел с отцом построили для них небольшой дом рядом со своим. В молодой семье появился сначала Валерик, а затем Вася. У Анатолия здоровье было неважное, и он умер от сердечного приступа раньше отца и деда Павла. За Анатолием шли Нина, Валентина, Николай и Леонид. В деревне их всех звали «Павловы». Нина закончила Яранское медицинское училище после семилетки и работала в Кикнурской районной больнице. Она была статной, круглолицей и чернобровой красавицей с крупными карими глазами. Достаточно быстро ее «заарканил» кикнурский Володя Бушмакин и увез в свой родной Ижевск. Впоследствии все Павловы перебрались туда. Валя была возраста моего брата Олега. От матери она унаследовала красоту и обаяние, была скромной и предупредительной. Умерла в расцвете сил от сердечного приступа. Коля (Колька Павлов по прозвищу «баклан») был моим одногодком. Учились мы вместе первые два года, затем в разных классах в Кикнуре. Он единственный из семьи Александра Павловича окончил среднюю школу, а затем в Ижевске технический ВУЗ. Я с ним поддерживал связь до его кончины в 2000 году. Младший, Леня имел физический недостаток, у него был горб. Леня окончил семь классов, работал фотографом в Кикнуре, а затем переехал в Ижевск.

Двадцать первый дом деревни был кирпичным и выглядел богато. В нем проживала Евдокия Зотеевна Курзенева. Ее муж

Степан Денисович Курзенов был старшим братом моего деда Григория. Степан Денисович был из той категории людей, которые давали окружающим меткие прозвища. Не только в деревне Алканка, но и в соседних деревнях прозвищами жителей «награждал» именно он. Не щадил даже своих детей и внуков. Однако, как рассказывают, однажды «отлились волку овечьи слезки». Степан Денисович не прочь был приложиться к рюмке. В один прекрасный день, будучи в волости он «откушал сверх меры». К вечеру, по дороге домой его разморило, и он прилег отдохнуть на опушке Ермольской рощи, мимо которой проходила дорога на Алканку. В деревне эту рощу называли Черемисским лесом. От нее до деревни было меньше километра. Спящего насмешника обнаружили алканские мужики и, расстегнув у него брюки, между ягодиц пустили несколько капель скипидара. Результат этого действия не заставил себя ждать. Сначала Степан Денисович беспокойно стал ворочаться, затем, сбросив штаны, стал елозить мягким местом по траве, после чего бросился наутек к деревне и скрылся в кустах напротив своего дома. Умер он в 1945 году.

«Зотеевна», как звали тетю Дуню, жила сначала с младшей дочерью Клавдией и внуком Мишкой, а затем после их отъезда на Камчатку одна. Старшая из детей была Валентина (в замужестве Князева, проживала с семьей в третьем доме нашей деревни), затем шли Николай, Надежда (в замужестве Клюжева, проживала в деревне Десятины), Анатолий, Анна (в замужестве Глушкова, проживала в деревне Начка) и Клавдия. Оба сына были возраста моего отца и из деревни выехали еще до войны. К описываемому периоду Николай жил в Казани, а Анатолий на Камчатке.

Двадцать второй дом был большим бревенчатым, в отличие от других домов с четырьмя окнами на улицу, как дом Семена Федоровича (Сеньки Калабашки). Хозяйкой этого дома была Михалева Акси́нья, похоронившая мужа Андрея еще до войны. Все ее звали тетка Акси́нья. Это была труженица, заботливая мать, воспитавшая в тяжелейших условиях четверых парней. Старший Виталий был года с двадцать седьмого. После армии он работал шофером в Кикнуре. Василий был вторым сыном у тетки Акси́ньи. Он был года с тридцатого и возможно в наибольшей степени унаследовал от родителей крестьянское трудолюбие и настойчивость, радушие и расположенность к людям. Стремление к совершенствованию и тяга к знаниям позволило ему вырасти от помощника тракториста с четырехклассным образованием до высококлассного механизатора и до руководителя района. Его авторитет был очень высок и в области. Третьим сыном был Николай (Коля Акси́ньин). Довольно рано Коля уехал из деревни в

Шахунью, где окончил железнодорожное училище, работал на железной дороге и обосновался в г. Кстове Нижегородской области. Младшего из этой семьи звали Михаилом (Мишей Аксиньиным). Он был с тридцать шестого года и дружил с моим братом Олегом. Миша любил мастерить всякие тележки, самокаты. Около него всегда собиралась ребятня. Учились они с моим братом в одном классе. Среди своих сверстников он однажды отличился тем, что получил двойку по русскому языку на уроке химии. А дело было так. Учитель химии Долгополов Григорий Георгиевич вызвал Мишу отвечать домашнее задание на тему «Алюминий». Миша бойко начал отвечать, но чисто по-деревенски этот элемент стал называть «алюменей». Долгополов спокойно, с расстановкой поправил его:

- «А-лю-ми –ний!».

Миша так же спокойно поправился:

- «Алюминий»,

и тут же продолжил свой ответ:

- «Алюменей встречается....».

Долгополов слегка возбудился и громко повторил:

- «А-лю-ми-ний !!!».

Миша снова поправился и тут же продолжил рассказ про «алюменей». Реакция учителя не заставила себя ждать. Взбешенный Долгополов побагровел и, еле сдерживая себя, произнес:

- «Садись, Алюменей, - два !».

После окончания семилетки Миша работал в колхозе до призыва на военную службу. Служил он в Выборге, а после службы уехал в Красноярск и работал водителем в таксомоторном парке.

Следующий, двадцать третий дом принадлежал семье Черновых. Глава семьи Василий Захарович погиб на войне. Говорят, что с ним наподобие шукшинского героя «чудика» случались различные комические истории. Что стоит, например, такая из них.. После венчания его с невестой Лидией первым подошел с поздравлениями пожилого возраста крестный отец, который произнес:

- «Дорогой крестник, с законным браком».

Василий растерялся, не знал, как ответить, возникла напряженная пауза, а затем по подсказке одного озорного парня брякнул:

- «И Вас так же!».

В семье Василия Захаровича было пятеро детей. Самая старшая, кажется Нина, еще до войны уехала в Карелию, а ее сын Николай – Колян-бум-бу во время войны жил у своих тетей и дядей в нашей деревне. Второй дочерью «Захарыча» была Люба (Любка Василя Захарыча). Люба была высокой, статной чернобровой красавицей. Трудолюбивой, скромной. Но в личной жизни невезучей. Тогда в деревне были свои представления о нравственности. И, конечно же,

в отношениях между юношами и девушками. Половые отношения до вступления в брак резко осуждались. Считалось страшным позором для девушки, если она теряла девственность до вступления в брак, а тем более становилась матерью-одиночкой. Люба не выдержала и уступила настойчивым ухаживаниям своего ровесника из Новой Алканки Кольки Дарьина. Она родила мальчика Толю, отец которого не захотел взять на себя каких-либо обязательств, а Люба так и осталась незамужней. Став матерью, она вся ушла в работу, а когда Толя подрос, решила на рождение второго ребенка. Им оказался мальчик, которого она назвала Леной. Третьим в семье Черновых был Иван (Ванька Василя Захарыча). Ваня был скромным работающим парнем. После возвращения с военной службы он женился на Фаинке Сани Рыжей, работал механизатором, а после ликвидации Алканки переехал в деревню Путиново (рядом с Кикнуром). Четвертой в этой большой семье была Алевтина (Алька Василя Захарыча). Скромная, светловолосая, круглолицая девушка приятной наружности. Младшим в семье был Николай (Коля - Марлина). В году сорок седьмом вместе с племянником Колян-бумбу он уехал в Карелию к сестре и там обосновался.

Двадцать четвертым был дом Павла Козырева. Павел Васильевич Козырев был почтенного возраста мужчина, года этак с 1890-го. Носил окладистую бороду и стригся «под горшок». Говорил много и быстро, слегка картавил. Очень любил прихвастнуть про свои «достижения», а скорее похвастаться. Считал себя мастером на все руки, за все брался, но получалось «как всегда», неважно. Но эти слабости люди ему прощали, потому что он намеренно никому плохого не делал, грубо ругаться и сквернословить не умел, подлостей не делал. Самое страшное ругательство у него было «esia лять», что и стало его прозвищем. Его жена, тетка Наталья была полной противоположностью. Спокойная, уравновешенная, молчаливая, хорошая хозяйка и заботливая мать. Старший сын Роман со своей семьей жил в деревне Кисели, которая располагалась в нескольких километрах от Яранска. Дочь Елизавета была старой девой и жила с родителями до их смерти, а затем в семье младшей сестры Клавдии (Гланьки), в замужестве Михалевой. Младший сын Иван (Ваня Козырев) многое унаследовал от своей матери. Пожалуй, он больше всего подтверждал русскую пословицу: «Какая мать – такие дети». Работал механизатором, после армии женился, рано похоронил жену, во втором браке прожил в Кикнуре до самой смерти.

Мимо двадцать пятого дома, перпендикулярно улице, проходила дорога из Кикнура и далее на север, в Огорельши. Дорога из Алканки в Кикнур шла строго на юг, через мост, а затем, оставляя

слева Ермольскую рощу (Черемисский лес) выходила на шоссе «Кикнур – Шахунья». Сразу после моста через речку справа стояла сушилка, а с левой стороны дороги колхозные склады. Напротив складов, участок речки имел углубление, где любили бултыхаться дети.

В двадцать пятом доме жила семья Кузьминых Ивана Васильевича. Иван Васильевич был лет на десять старше моего отца. Был с хитрецей, большой балагур и шутник. От него всегда можно было ожидать подвоха и «подначки». Прозвищем «Патруль» «наградил» его, конечно же, Степан Денисович за особый интерес ко всему и непререкаемый комментарий увиденного. А моя бабушка Катя почему-то называла Ивана Васильевича «Цыганишкой». В деревне говорили, что во время войны он был в тыловых частях, поэтому и уцелел. До первого укрупнения колхозов Иван Васильевич был бригадиром. Под стать хозяину дома и была хозяйка Наталья (Наташа Ваниха). С зычным голосом, активная, напористая, неизменно одерживающая верх во всех бабьих перепалках. Старшая дочь этой пары Таисия (Тайка) была выдана замуж в соседнюю деревню Огорельши за Щекотова. Следующим в семье был Валентин (Валентинко Наташин). Сразу после войны он попал под первый набор в ФЗО и уехал учиться и работать в Первоуральск. Затем шел Анатолий (Толька Наташин), примерно с 35-го года рождения. Это был вылитый отец. Такой же балагур и просмешник. Как говорят: «Хлебом не корми, дай над кем-нибудь подшутить». После армии он женился на Шурке Надежды Максимихи и молодая семья выехала из деревни. Третьим сыном в семье был Арефий (Арик), примерно ровесник моего брата Олега. Этот взял все от мамы. Держался он обычно особняком от других мальчишек, близких друзей у него не было. Когда он подрос, то на гулянках никому не давал спуска. После армии женился на Соньке Дуни Сенихи и обосновался в Арзамасе. Младшей в семье была Агриппина (Грапка), с 42-го года рождения, мамина копия.

По другую сторону переулка стоял двадцать шестой домик-сарай. В нем располагался противопожарный инвентарь. Дом называли «пожарной». Летом обычно в нем сидел дежурный. Это был дед Иван (Панин отец). Так звали в деревне отца Прасковьи Ивановны Черновой из Новой Алканки. Рядом с пожарной находился пустырь, на котором молодежь установила качели и перекладину.

В двадцать седьмом доме жила древняя старушка Михалева Матрена. Ее муж Александр Федорович, как рассказывал нам отец, был сильной личностью. Умер он еще до войны. Старшая дочь Мария приняла в «приемки» Ивана Даниловича после его

демобилизации, первое время после войны работала учительницей начальной школы. В 1948-м году молодая семья с дочкой Анжелиной переселились в Белоруссию, но долго там не задержались и вернулись в родные места. Младшего сына Александра Федоровича Алексея я помню. Это был красавец чисто русского типа. Светловолосый, статный, голубоглазый, степенный парень. В 1948 году он проходил военную службу в Средней Азии и, к сожалению, погиб во время спасательных операций в Ашхабаде, где в то время произошло разрушительное землетрясение.

Двадцать восьмой дом принадлежал Михалевым. У них было прозвище «котятта». Такое прозвище они получили от Степана Денисовича еще в двадцатых годах за любовь старшего Михалева напугать женщин внезапным кошачьим мяуканьем. В конце сороковых годов старшей в семье была бабушка Кондратьевна. При ней жили две самостоятельные семьи. Это Елена Константиновна (Лена) с сыном Леонидом (Ленькой Лениным) и Алексей Николаевич с женой Лидой. Муж Елены Василий погиб на войне, а Алексей Николаевич был инвалидом. Леонид после окончания начальной школы был мобилизован учиться в ФЗО в г. Нижний Тагил. После службы в армии он работал в Новосибирске. В 1957 году Леонид увез в Новосибирск из Ленинграда свою первую и единственную любовь - Раису, мою двоюродную сестру. Вместе они воспитали двух замечательных сынов, Вячеслава и Олега.

В следующем, двадцать девятом доме жил Михалев Иван Владимирович (дядя Ваня). Это был младший брат моей бабушки. Она даже была его крестной матерью. В свое время в его воспитании принял участие бездетный брат Владимира Сергеевича Петр. Поэтому старые люди иногда называли Ивана Владимировича Иван Петин. Дядя Ваня был человеком широкой души и весьма своеобразным. Веселого нрава, всегда готовый прийти на помощь. Очень расположенный к любому собеседнику, способный быстро установить контакт, он легко сходилась с людьми. Но была у дяди Вани серьезная слабость. Он был равнодушен к спиртному. Случались запои, тогда он становился агрессивным, особенно когда домашние прятали от него припасенные алкогольные напитки. Помню, как в послевоенное время в такие критические дни вечерами его жена Наталья Семеновна (тетка Наталья) с младшей дочкой Ниной приходили к нам ночевать. Через какое-то время раздавался стук в окно. На стук обычно откликалась бабушка Катя. Она уже знала, кому принадлежит стук. На вопрос с улицы:

- «Кресна, Наталья у вас?»

бабушка начинала отчитывать дядю Ваню по всем правилам деревенского этикета. В ответ доносилась всегда одна и та же фраза:

- «Кресна, не нарушай семейную жизнь».

Получив заверение, что своих женщин обижать он больше не будет, бабушка успокаивалась, и ночные гости через всю деревню отправлялись домой.

После начала войны дядя Ваня ушел воевать добровольцем. По возрасту он уже не подлежал мобилизации. На фронте воевал на передовой, был серьезно ранен. Награжден орденом Отечественной войны и несколькими медалями. По инвалидности его демобилизовали до окончания войны. В колхозе он работал счетоводом. Хозяйка дома тетка Наталья родом была из деревни Чернушка. Спокойная, немногословная, доброжелательная и замечательная мастерица на все руки. Например, во всей округе не было более искусной портнихи. Она умудрялась из любой ткани сделать «конфетку». Верхнюю выходную одежду для всех шила она. Заказов было, хоть отбавляй. Как и моя бабушка владела секретом приготовления изумительного кваса. И он у нее не переводился. Всякий прохожий мог утолить жажду. Дядя Ваня с теткой Натальей воспитали пятерых детей. Старший сын Сергей и третий сын Вячеслав (Венька) воевали и погибли во время войны. В доме, на стенке, висели ордена погибших сынов. Второй сын Василий окончил военное училище еще до войны, воевал и закончил войну в звании капитана. После демобилизации работал в аппарате Правительства и трагически погиб во время одной из командировок. Дочь Людмила сразу после войны поступила в МВТУ им. Баумана, окончила его, вышла замуж за однокурсника Льва Любимова, который довольно быстро стал кандидатом наук, доцентом. Они обосновались с семьей в Москве. Самая младшая дочь Нина была инвалидом (еще в детстве ей ампутировали ногу). После окончания школы она переняла профессию матери и стала портнихой в швейной мастерской в Кикнуре..

В тридцатом доме проживала суровая пожилая женщина Надежда Черных (отчество не помню) с двумя дочерьми. Старшую дочь звали Ольгой (Олькой Надеждиной), а младшую Евдокией (Дуськой Надеждиной). Старшая была похожа на мать. Тоже строгая и не улыбочивая. А младшая была светленькой, миловидной и веселой. Около нее всегда крутились ребята. В начале пятидесятых они переехали в Киров, а в их доме поселился Михалев Михаил Алексеевич (Мишка Тубат) со своей женой Ольгой (Олей Мишихой) и дочкой Нинкой.

В следующем доме жила еще одна семья Черных. Старшей была могучая старуха Анисья (Онисья). Ее старший сын погиб на войне, а оставшийся единственный сын Василий Осипович (Васька Онисьин) был года с 25-го. Его жена Лиза «одарила» мужа целым набором

дочерей и сынов. Старшей была Валентина (Валька), затем Павел (Пашута), после Сергей (Сережка), за ним Николай (Колька), а более младших я уже и не помню. Василий был угрюмым и злым человеком, всегда чем-то озабоченным, редко кто видел его улыбающимся, шуток он не понимал. Лиза наоборот отличалась мягкостью характера и расположенностью к людям.

И, наконец, в последнем, тридцать втором, доме по левому берегу речки Алканки проживала семья Чернова Андриана Федоровича, младшего брата Мишухи. Андриан был женат на дочери Азария Гавриловича Августе (Гуте). Андриан воевал, но после тяжелого ранения был комиссован и прожил недолго. Старшая из детей была Евстолия, затем шел Леонид (Ленька), за ним Александра (Шурка), за ней Азарий (Зарька) и замыкала пятерку Софья (Сонька). Вначале пятидесятых, уже после смерти Андриана, молодые члены семьи постепенно выезжали из деревни, и в основном большинство из них оказалось в Йошкар-Оле. А во второй половине пятидесятых в этом доме поселилась семья огореловского Журавлева Володи, который женился на Фиске Анны Сашиной.

Далее деревня под названием Новая Алканка продолжалась на правом, более высоком берегу речки. Эта часть деревни была более сухой, и на дороге практически всегда сохранялся травяной покров. Поэтому традиционные летние гулянья молодежи проводились именно в этой части деревни.

Первый дом на этой стороне принадлежал Чернову Игнатию Дмитриевичу (Игоне). Дом был двухэтажный. Первый этаж был краснокирпичным, а второй деревянным. Игнатий Дмитриевич был весьма почтенного возраста и в войне участия не принимал. На войну был мобилизован его сын Николай, который не вернулся с войны. Сам Игнатий был трудолюбивым, отзывчивым и честнейшим человеком. Ему поручались любые работы, он никогда не отказывался, несмотря на возраст. Самое страшное ругательство у него было:

- «Лешак, тя расшиби!!!».

Это стало его прозвищем, поскольку никто так не ругался. Жена его была скромной, незаметной женщиной. С ними проживала дочь Анна (Нюрка Игнатьева) с сыном Мишкой. Она была замужем за пижаньинским Филимоновым, но почему-то жила у родителей.

Следующий дом был добротным, белокирпичным, но одноэтажным. Он принадлежал младшему брату Игнатия Дмитриевича Ивану. Сам Иван Дмитриевич (Иван Митрич) Чернов погиб на войне. Оставшаяся семья бедствовала как большинство семей. Хозяйка дома Прасковья Ивановна (Паня Ваниха) поднимала четверых. Старший Александр (Шурка Панин) после начальной

школы был отправлен в Шахунское железнодорожное училище. Парень оказался способным и, насколько мне известно, нашел свое место в жизни. Следующей шла мамина дочка Тамара (Тамарка Пани Ванихи), затем Раиса (Райка Пани Ванихи). Рая училась со мной. Она была очень похожа на своего симпатичного старшего брата и училась довольно легко. Младший Алексей (Олешка Панин) перенял внешние черты от матери, а характер от отца. Спокойный и уравновешенный в жизни, но азартный и буйный в кулачных боях

Между вторым и третьим домом был проулок, по которому через мостик проходила дорога в Старую Алканку. Третьим домом был дом Михалевой Дуни Романихи. Саму Дуню я помню очень смутно, а вот ее детей значительно лучше. Чего стоит ее дочь Вера (Верка Дуни Романихи). Вера старше меня этак лет на 10 или 12. Сразу в послевоенное время в исключительно трудное время они вместе с Евстолией и Верой Михалевой (Веркой Гришиной) организовали театральную-художественную самодеятельность в деревне. Сын Дуни Романихи Леонид (Ленька Дуни Романихи) был примерно моего возраста. Из деревни они выехали в конце сороковых.

Второй дом от проулка принадлежал Федору Семеновичу Михалеву. Федор Семенович был одного возраста с моим отцом. Это был красивый, статный мужчина, рассудительный и немногословный. Говорил отдельно, неторопливо, выговаривая каждое слово. Я никогда не слышал от него матерного слова. На войне он потерял ногу и вернулся инвалидом. Несмотря на физические ограничения, был хорошим охотником, любил рыбалку, плотничал. Фактически один собрал для тогдашнего колхоза колесный трактор типа ХТЗ и вместе со своим старшим братом Алексеем работал на нем. Позднее один построил на освободившемся месте довольно просторный дом для возросшей семьи. Жена Анфиса Игнатьевна была под стать мужу. Ко времени моего отъезда из деревни в этой семье было семеро детей. Все дети унаследовали от родителей лучшие черты: физическое совершенство и красоту, ум и трудолюбие. Все учились легко. Первым двоим по возрасту особенно хорошо давались точные дисциплины. Старший сын Юрий (Юрка Анфисын) 1937 года рождения, окончил Кировский авиационный техникум, служил в армии, а после демобилизации некоторое время жил с родителями. Затем обзавелся семьей и обосновался в Кирове. Дочь Алевтина (Алька Федора Семеныча) 1939 года рождения, очень красивая, умная, с самостоятельным твердым характером, окончила пединститут в Кирове, работала учителем физики и завучем в средней школе г. Сосновка Кировской области. Сын Владимир (Вовка Анфисын) 1942 года рождения, учился в Ветлужском лесотехникуме и где-то

еще, затем работал главным редактором газеты «Сельские огни» в Кикнуре. Далее шли Анатолий (Толька), Александр (Сашка), Людмила (Люська) и Наталья (Натка), о которых я мало что знаю.

Непостоянным членом этой семьи была сестра Фёдора Семёновича Антонина (Нинка Юлечкина), энергичная, общительная особа с достаточным чувством юмора. На одну ногу у неё была хромота, но это не мешало ей работать в полную силу на колхозных работах.

Пятый дом принадлежал Бырдиковой. Не помню ее имени (кажется Валентина). Был у нее сын Леонид (Ленька Бырдиков). Из деревни они выехали сразу после войны, году в 46-м или 47-м. Помню, что эта еще молодая женщина была чем-то обижена на колхозное руководство и, в частности, на моего отца.

В шестом доме жили Князевы. Хозяин Александр Андреевич погиб на войне. Его жена Лидия (Лида Ионина) воспитывала троих. Самый старший Валентин (Валентинко Иона) примерно с 29-го года рождения был женат на Вале-кресне. Работал шофером. Это был спокойный и незлобивый мужик. Дочь Зоя (Зойка Лиды Иониной) была с 35-го года. Красивая и общительная. Дочь Лия, 39 года рождения, училась в одном классе со мной до 3-го класса. Была вечно простуженная, с красным носом и насморком, как и ее мать Лида.

В следующем, седьмом доме в описываемое время жила мать Александра Андреевича Князева, которую звали в деревне почему-то Любой Ионихой, хотя она на самом деле была всего лишь женой Андрея Ионовича Князева, который умер, кажется еще до войны. Бабушка Люба была скромной изящной старушкой с чертами городской интеллигентности. Ее старшие сыновья Александр и Владимир погибли на войне, а младший Николай, окончивший среднюю школу в Кикнуре где-то в 1937 –м году, учительствовал, затем сразу после войны учился на юридическом факультете ЛГУ, его окончил, какое-то время работал по специальности, но затем снова вернулся на педагогическую работу в школе, с которой и ушел на пенсию. В последнее время проживал в г. Йошкар-Ола, написал несколько статей - воспоминаний о нашей Алканке в газету «Сельские огни». Однако его воспоминания не являются точными. По-видимому, это связано с тем, что в деревне он не проживал с сороковых годов. Многие считают, что по его доносу в конце тридцатых был репрессирован старый кристально честный большевик директор средней школы в Кикнуре Черепанов Ян Петрович, директорское место которого тут же занял Николай. В доме бабушки Любы стоял старинный музыкальный инструмент – физгармония. Мы, дети, иногда заходили в этот дом поглазеть на необычную диковину. Две внучки Любы Ионихи (дочери

Владимира) Князевы Тамара, 1936-го года рождения, и Нина, 1939-го года рождения, жили в Кикнуре и часто навещали свою бабушку. Это были красивые статные девушки крепкого телосложения. Тамара окончила школу в 1954-м году, а Нина в 1956-м.

Восьмой дом принадлежал Михалеву Григорию Якимовичу. Дом располагался необычно. Если все дома деревни «смотрели» главными окнами на юг, то этот дом располагался основным фасадом на запад, а вход был с улицы. Другой особенностью дома было его продолжение от входа вдоль улицы, а в целом он представлялся в виде «тяги – толкая». В одной части дома проживала семья самого Григория Якимовича, а в другой семья его погибшего на войне сына Павла. Семья Григория Якимовича состояла из четырех человек. О самом Григории Якимовиче ранее уже упоминалось. Можно еще добавить, что прозвище «Калым» он носил не зря. Скупердяистый и прижимистый, склонный к сутяжничеству он не вызывал у односельчан симпатии, хотя был трезвенником, трудолюбивым и довольно мастеровым работником. Полной противоположностью ему была его жена Марья (Гришиха). Тихая, скромная, добрейшей души человек. В деревне не было человека, кто бы когда-нибудь слышал от нее резкое слово. Она была настолько расположена к людям, что всякого, кто заходил к ним в дом, непременно чем-нибудь да угощала. А готовить она умела мастерски. Унаследовали лучшие качества матери дочь Вера (Верка Гришина) и сын Леонид (Ленька Гришин). Вера была года с 30-го, а Леня года с 32-го. Характер и темперамент Веры были при ней. Активная, она неистощима была на выдумки, была инициатором самодеятельности в деревне. Замуж ее выдали за Филимонова в деревню Пижанью. Леня обладал ровным доброжелательным характером, был уважаем всеми, умер в возрасте 19 лет из-за физической перегрузки. Во второй половине дома жила Анастасия (Настя Палиха) с сыном Вячеславом (Славкой). Эта женщина овдовела в расцвете сил, совсем молодой. Она была достаточно привлекательной, энергичной, но так и осталась одна. Ее сын Славка 42 года рождения был крепким мальчишкой. Белокурый и симпатичный, спокойный и уважительный к старшим, он весьма прилично учился в школе.

В следующем, девятом доме проживал Михалев Василий Алексеевич (Васька Тубат). Василий был младшим из семейства Тубатов, воевал, был ранен и после демобилизации долгое время жил холостяком. Затем «вошел в приемки» к вдове, Насте Афонихе. От их брака в 50-х годах родилась дочь.

Напротив, через дорогу, стоял домишко Мишки Тубата. Мишка впоследствии переехал в Старую Алканку, купив надежды дом.

Прозвище «Тубат» когда-то получил их отец, у которого с дикцией было не все в порядке. Поэтому простонародное «тут баско», т.е. «тут красиво», у него получалось «тутбатко».

Одиннадцатый дом принадлежал Черновой Елизавете (Лизе Петихе). Дочь Лизы Петихи Шура была замужем за Лежниным Иваном, вернувшимся после войны инвалидом. Они с семьей жили в Кикнуре в райфовском двухэтажном доме. Шура как раз работала в Райфо. Ее трое детей часто летом жили в Алканке у бабушки Лизы. Старшая Галя, 1940 года рождения, затем Женя, 1942 года рождения и Слава, приблизительно 1947 года рождения. Они заметно выделялись на фоне деревенских ребяташек ухоженностью и одеждой, пошитой из добротного материала по городской моде. Старшей внучкой у Лизы Петихи была Нина, 1936 года рождения, отец которой Сергей Чернов погиб на войне, а мать умерла при родах. Так что ее воспитывала бабушка и тетя Шура. Нина была невысокого роста, изящная, очень красивая, аккуратная, остроумная и с большим чувством юмора. Заводилой во всех играх, конечно же, была она, первая любовь моего старшего брата Олега. Симпатии у них были взаимные. Тетя Лиза тоже отличалась замечательным характером. Доброжелательная, непосредственная, умеющая хорошо работать и способная всегда поддержать компанию. Я не знаю, умела ли она ссориться с кем-либо.

В двенадцатом доме жили Ложечниковы. Иван Максимович погиб на войне. Его жена Оля Ваниха, родом из Мишанов, уравновешенная и спокойная женщина воспитывала дочь Раю, 1939 года рождения и сына Володю, 1942 года рождения. Это были физически крепкие ребята. Рая училась со мной в одном классе в Алканке, в Кряжеве и в Турусинове. Вместе с ними жила их родственница Клавдия, которая работала конюхом в алканском колхозе. Ее все так и называли: Клавдя – конюх.

Тринадцатый дом принадлежал Ложкиным. На Аркадия Ложкина жена, Оля Аркашиха получила похоронку. Воспитывала троих. Старший Алексей (Лелька), 1937 года рождения, средняя Рая (Райка), 1939 года рождения и младшая Нина (Нинка), 1942 года рождения. Все ребята были как и мать: трудолюбивые, скромные, выдержанные. Когда Алексей подрос, он уехал осваивать целину и вывез всех своих на новое место жительства.

В четырнадцатом доме жила Дарья Мишиха. Это была в то время уже пожилая, но еще достаточно крепкая женщина. Она была выше среднего роста, сутуловатая, но со спортивной фигурой и, по-видимому, физически сильная. Ее сын Николай (Колька Дарьин), года с 28-го был рослым, сильным и красивым парнем. Я уже упоминал об их романе с Любой Черновой, от которого родился

мальчик Толя, а Николай от них отказался. Судьба не простила ему этого. Он по какому-то пустяку был осужден, после возвращения из мест заключения так и остался один, и его личная жизнь не сложилась.

Следующий дом принадлежал Надежде Максимихе Ложечниковой. Ее две дочери отличались от других деревенских красавиц большим интересом к молодым людям. Они сформировались очень рано. Были большими плясуньями, знали много лирических частушек, на всех вечеринках обычно открывали девичий перепляс. У них всегда было много поклонников. И не раз из-за них возникали единоборства между парнями. Младшая Александра (Шурка Надежды Максимихи) примерно с 1935 года рождения вышла замуж за Анатолия Кузьминых. В начале пятидесятых этот дом был продан и свезен на другое место. А на этом месте Федор Семенович Михалев построил просторный пятистенный дом, куда и переехал со своей большой семьей.

В шестнадцатом двухэтажном доме проживала семья Ульяновых. Когда-то этот дом построил Филипп Егорович, зажиточный крестьянин. Первый этаж был кирпичный, а второй деревянный. После раскулачивания в одной половине располагалась начальная школа, а в другой поселился с семьей председатель колхоза Ульянов Александр (отчества не знаю) с семьей. Семья состояла из пяти человек. Сам Ульянов погиб на войне, куда был мобилизован одним из первых. Хозяйкой семьи была Надежда (Надя Ульянова) родом из деревни Начка. Это была строгая, с твердым характером, уверенная в себе женщина. Тонкие черты лица, изящная фигура сочетались с необычайной независимостью и прямоотой в ее суждениях и поступках. Старшая дочь Лидия (Лидка Ульянова) примерно тридцатого года рождения была копией своей матери. Замуж она вышла за Петра Лежнина из деревни Садово, родила мальчика, однако брак оказался не удачным, и они с Петром развелись. Лидия с мальчиком уехала из деревни в город, там вышла замуж. Вторая дочь Ульяновых Фаина (Файка) была года с 35-го. По-видимому, Фая унаследовала черты отца. С крупными чертами лица она была веселого нрава, общительной, добродушной. Младшая Людмила (Люська Ульянова) была с 39 –го года. Внешне она была очень красивой и напоминала свою маму, но была мягче и свободнее. Мы учились с ней в одном классе в Алканке, Кряжеве и Турусинове.

Семнадцатый дом принадлежал Клавдии Сергунихе. С ней вместе жила Мария (Маня Коновалова) с дочкой Валей. Валя была с 41-го года рождения, кучерявая очаровательная девочка. К окончанию школы она превратилась в замечательную красавицу.

Как Мария, так и ее дочка были малоразговорчивы, но были с характером.

Следующий дом Ложечникова Поликарпа Федоровича смотрелся как-то по-особенному. Он был обшит тесом, а перед домом располагался аккуратный цветник. Детей у Поликарпа не было, и они жили вдвоем с женой Евдокией (Дуней Полихой). Сам Поликарп был небольшого роста, очень живой и подвижный. Неистощимый на всякие шалости и шутки, особенно в отношениях с женщинами – вдовами. Это было почти нормой в его поведении. Так, однажды на сенокосе тоже не малая шутница Анна Сениха после укладки стога сена спустилась сверху, находясь в положении лицом к стогу, и внезапно получила сильный толчок в мягкое место, от которого свалилась в кучу сена. С криком:

- «Поликарп, охальник, перестань!»,
она обернулась и увидела перед собой ...барана. Стадо овец было рядом.

Дуня Полиха была полной противоположностью Поликарпу. Она была молчаливой, скромной, стеснительной. Но в крестьянской работе на полях ей равных не было. За ударный труд в колхозе чаще всего премировали именно ее.

В девятнадцатом доме жил к тому времени один старший брат Поликарпа Федор Федорович Ложечников. Его старший сын Максим погиб на войне, дочь Клавдия жила своей семьей отдельно, а младший сын Сергей жил в Шахунье и работал на железной дороге. Федор Федорович был глубоко верующий человек, носил большую окладистую бороду, практически не стриг волосы. Говорили, что в 14 году он был мобилизован на фронт, но вскоре его вернули обратно в деревню как человека с психическими расстройствами. На военной службе он отказывался выполнять команду «налево», заявляя, что «Ложечников – праведник и налево не пойдет». В деревне он жил отшельником, так и остался одиночкой, во время электрификации в деревне не разрешил подключать свой дом к электросети. А на предложение подписаться на Государственный заем заявил председателю сельсовета Лежнину Аркадию Петровичу:

- «А я у тебя не занимал. Твой отец Петро хороший был мужик, работающий. А ты, пьяница, оборванец. Уходи вон!». Мы, мальчишки звали его монахом и слегка побаивались.

Следующий двадцатый дом был старенький и в конце сороковых годов был продан на стройматериалы, а может быть и на дрова. В нем жила бабуся (не помню ее имени) Черепанова с сыном Николаем (Колькой). Он был веселым, остроумным парнем. Например, районный потребительский союз (Потребсоюз) он

называл «потрепанный союз». Были у него и другие «перлы». После продажи дома они выехали из деревни.

В двадцать первом доме жила Анастасия (Настя Афониха). В то время молодая, красивая и сильная вдова. Работящая, ловкая, мастерица на все руки. У ней были проблемы с произношением буквы «р» и она умудрялась в разговорах и даже в острых спорах не использовать слова с этой буквой. Всегда находила нужные синонимы. Году в пятидесятом к ней «вошел в приемки» Василий Алексеевич Михалев (Васька Тубат), вернувшийся с войны, у них родилась дочь Нина. Получилась хорошая семья. В деревне по привычке Анастасию довольно долго называли Настей Афонихой.

Двадцать второй дом принадлежал Алексею Семеновичу Михалеву (Алешке Юлечкину). Алексей Семенович был старшим братом Федора Семеновича. С войны он вернулся целым, хотя и нельзя сказать невредимым. Первое время ранения давали о себе знать. Алексей был молчаливым, даже казался мрачноватым, резким и категоричным в своих суждениях. Характер у него был жесткий и решительный. Говорил он резко и отрывисто. При всем этом после рюмки, другой он как-то становился мягче, мог «выдать» какую-либо остроумную шутку. В колхозе работал на колесном тракторе, был хорошим охотником и любил рыбалку. Жена Татьяна была общительной работящей женщиной. В семье было четверо детей. Старшая, Тамара (Тамарка Алексея Семеныча) примерно 1936 года рождения, средняя Капиталина (Капка), 1939 года, затем Антонина (Нинка), 1943 года и младший Николай (Колька Татьянин) примерно 1950 года рождения. Старшие дочери Алексея Семеновича Тамара и Капа были очень отчаянные. Казалось удивительным, как при таком строгом и твердом отце дочери оказались такими шумными и агрессивными.

В двадцать третьем доме хозяйкой считалась Михалева Екатерина (отчество не помню), которую все звали Катя Колиха. Это была невысокого роста, довольно сухонькая пожилая женщина. Муж ее Николай тоже погиб на фронте. Старшая дочь Валентина (Валька Николаева) была года с 28–го. Она так и не вышла замуж, хотя была достаточно привлекательной, крепкой и работящей. Какое-то время она работала бригадиром в колхозе. За Валентиной шел Александр (Санко Маленький). Он был небольшого роста, но очень подвижный и любил поговорить, похвастаться. Впрочем, был незлобив. Младшая дочь Кати Колихи Фаина (Файка) была года с 39–го. Светлая, с голубыми глазами и полными губами, довольно уравновешенная, безотказная в работе.

Двадцать четвертый дом, а правильнее домишко был напротив дома Кати Колихи. В нем жила одинокая миниатюрная женщина

Екатерина по прозвищу Катя Маленькая. Ей больше нравилось, когда вместо прозвища говорили о ней как о Кате Андриюшихе.

Двадцать пятый дом стоял в одну линию со всеми домами, рядом с двадцать третьим, был последним в деревне и принадлежал Михалевым. Этим домом и заканчивалась деревня. Хозяин дома, Василий Семенович (Васька Юлечкин) был старше братьев Алексея и Федора. Он погиб на войне. Про него говорили, что это был самый непосредственный и веселый из братьев. До войны он работал трактористом. Часто среди бела дня неожиданно глушил трактор, делал перерыв в работе и шел домой. На вопрос:

- «Куда?».

Отвечал:

- «Пойду домой, по Гланьке соскучился».

«Гланька» –это его жена Клавдия. Когда его провожали на фронт, говорил сельчанам:

- «Нечего реветь. Пойдем, Гитлера убьем, немцу набьем морду».

Хозяйка Клавдия (Главдя Васиха) была дочерью Федора Федоровича Ложечникова. Это была скромная, работающая, сердечная женщина. В семье было четверо детей. Старшая Александра (Шурка), примерно с 30-го года рождения. Затем шел Геннадий (Генка Главди Васихи), года на два моложе своей сестры. Невысокого роста, озорной и веселый, очень похожий на своего двоюродного деда Поликарпа Федоровича внешне и по характеру. На вечеринках молодежи всегда выходил на перепляс, ногами выписывал немислимые кренделя. Как говорили «любит подурачиться». За Геннадием шла Алевтина (Алька Главдина). Она была моложе брата года на четыре (примерно с 1936 года рождения). Красивая, живая и привлекательная девушка «в девках не засиделась». Вышла замуж за Павла Амосова из деревни Котелена. Последним в этой команде был Алексей (Алешка Главдин). Он был года с 41-го. Шумный, непосредственный, добрый, слегка не уравновешенный, так и не осиливший даже начальную школу. В послевоенное время семья жила в крайней нужде, как и большинство семей, оставшихся без кормильцев. Заниматься воспитанием детей было некому. Колхозная работа требовала полной мобилизации и отдачи сил всех членов семьи.

Дальше шло алканское поле до реки Пижаньи, а в речку Алканку с северной, огореловской стороны впадала речушка Апшалка примерно в метрах трехстах от последнего дома нашей деревни. Южнее, километра через полтора Ермольская роща заканчивалась и на восток шла уже деревня Мишаны, а далее, на левом берегу реки Пижаньи были уже деревня Кокушены. И вот удивительно, связей

жителей Алканки с жителями Кокушен было значительно больше, чем с жителями деревни Мишаны, и эти связи были более тесными и теплыми. Хотя расстояние до Кокушен было раза в два больше. Возможно потому, что мишанские поля были не очень плодородными, а сама деревня бедной. Почему-то жителей деревни Мишаны дразнили «кочорами» («Мишаны – кочоры, жулики, да воры»).

Коллективизация тридцатых в Алканке была проведена по всем правилам «советской науки». Остался единоличником только Ложечников Ф.Ф.. Колхоз носил претенциозное название «Путь к коммунизму». К сороковому году колхозное хозяйство было достаточно крепким. Военное время потребовало колоссальных жертв и от хозяйства. Были отправлены на фронт даже рабочие лошади. Восстановление разрушенного войной хозяйства в послевоенные годы шло быстрыми темпами, но благодаря невероятному напряжению сил тружеников села. К 1948 году по инициативе правления колхоза была построена в кооперации с соседними колхозами гидроэлектростанция на реке Пижанья, колхоз приобрел свой собственный трактор, впервые за послевоенное время колхозники получили заработанный хлеб на трудодни. Дела колхоза пошли в гору. Однако в 1949 году начались инициированные сверху укрупнения колхозов. Принципы укрупнения были понятны только «наверху». География и специфика практически не учитывалась. Алканка вошла в один колхоз с Чернушкой, Огорелышами, Соболево и Садово. Объединение в одно общее хозяйство разнесенных и разного уровня развития отдельных хозяйств оказалось не эффективным. Сначала начались перестановки председателей и назначение «выдвиженцев», а затем новые укрупнения и переукрупнения и, как следствие, потеря управляемости. Главным реформатором этих процессов всегда выступал Н.С. Хрущев.

Нельзя сказать, что государство только и делало, что разрушало деревню, забирая из нее все. Оно пыталось что-то сделать, как-то повлиять на развитие деревни и способствовать укреплению хозяйств. Но это были не кардинальные системные решения, а скорее всего мелкие подачки, паллиативы. Так, летом 1949 года для укрепления «производственных мощностей» в наш район выделили и доставили большой табун необъезженных степных лошадей – «казачек», каждую лошадь закрепили за отдельным колхозом – деревней. На все лето этих молодых лошадей для приручения к верховой езде определили в Козырево, где сохранились старые скотные дворы. Каждый колхоз на этот пункт прислал в качестве наездника молодого парня. Процедура приручения лошадей

вызывала неподдельный интерес у всей ребятни нашей деревни. Иногда лошади сбрасывали своих наездников и убегали в близлежащий лес. Тогда их ловили «всем миром». Помнится, что одну лошадь так и не удалось изловить. Она принадлежала колхозу из деревни Юрьял. Позднее, глубокой осенью в лесу были обнаружены останки этой лошади. Она стала добычей стаи волков. Другим эпизодом, связанным с попыткой государства оказать помощь колхозам, было решение в 1955 году использовать военные части при уборке урожая. В нашу деревню летом этого года прибыла рота солдат в количестве порядка 25 человек. Всех их определили на постой к тетке Наталье (Наталье Семеновне Михалевой). Она же занималась и их питанием. Ребята поработали хорошо. Вели себя очень корректно. Среди них много было ленинградцев. Запомнился, например, Федя Михайлов, человек с большим юмором. А вообще ребята были из всех регионов страны. Из западной Белоруссии веселый поляк Таврель, из Молдавии Окишан, из Латвии Алмарс Озолиньш. Я хорошо запомнил последнего, поскольку он работал в паре со мной. Возчиком был я, а он подавал на воз. Двухметрового роста и крепкого телосложения латыш был малоразговорчив, работал сноровисто, был доброжелателен ко всем. Из других солдат можно было выделить красавца Мишу Шкетина. По всему было видно, что ребятам уезжать из деревни не очень хотелось. Да и всем деревенским людям молодые, сильные, воспитанные солдаты приглянулись, так что провожали их с грустью. Тетка Наталья даже всплакнула. Но это были только частности.

К середине пятидесятых годов стало очевидным, что вся организационная чехарда в сельском хозяйстве привела не к подъему колхозов, а к изменению тенденции роста на стагнацию и ухудшение. Деревни стали приходить в упадок, и Алканка не была исключением.

В социальном плане деревня жила во многом по своим законам и обычаям, как на всей Руси. Традиции сельской общины были довольно сильны. В трудные минуты люди помогали друг другу. Особенно это проявлялось при больших работах по благоустройству домов и надворных построек. Крестьянский труд сплачивал людей. Именно в нем и старался утвердить себя каждый крестьянин.

Во всех деревнях традиционно отмечались два главных престольных праздника, один зимой, другой летом. Друг от друга деревни располагались, как правило, на расстоянии от одного до двух–трех километров. Жители деревень общались часто и практически знакомились во всей округе с детства. Как раз этому способствовала установившаяся система отмечаемых праздников. В эти праздники люди ходили в гости не только к своим

родственникам, но и к знакомым. Особенно в молодом возрасте. А родственные связи возникали чаще всего по сложившейся системе выбора невест и бракосочетаний. Эта система, несмотря на свою консервативность, все же постепенно трансформировалась. Если мою бабушку по ее рассказам выдали замуж насильно, без ее согласия, то в советские годы такие случаи практически были уже исключены. Но участие родителей в создании молодых семей оставалось еще очень большим. Инициатива чаще всего была у родителей жениха. Родители хорошо знали симпатии своих детей, учитывали традиции семьи невесты, трудолюбие, аккуратность, особенности характера и моральные качества родителей невесты. Семья невесты, в свою очередь, тоже была «на чеку». Ей было совсем не безразлично, в какую семью уходит дочь. Молодые, как правило, в первое время селились в семье жениха. Затем отселялись каким-либо образом. Считалось неприличным молодому мужу селиться в семье невесты. «Войти в приемки» было на грани позора. Свадьбе предшествовало сватовство. При согласии сторон проводилась торжественная регистрация (а иногда и венчание в церкви), а затем свадьба игралась в два этапа. Первый этап проходил в доме жениха, где был праздничный стол, зрители и гулянье с гармошкой. Утром «били горшки» и переходили к праздничному столу в дом родителей невесты, если жених и невеста были из одной деревни. По традиции свадьбы старались играть в зимнее время. Помню, как нашей бабушке Кате ее любимая подруга и родственница тетка Ефросинья из деревни Степинские говорила:

- «Катерина, матушка, дак пошто же ваши парни-то не женятся, ведь мясовед уже проходит?»

На свадьбах гармонистом обычно выступал мой брат Олег. Гармошка у него была отменная, изготовленная по заказу Ушаковым Павлом Ивановичем (Пашкой ушаковским). Я брата подстраховывал редко.

В летние праздники, как правило, в вечернее время, в деревнях устраивались гулянья молодежи. Молодежь со всей округи собиралась и ходила по кругу, распевая частушки под залиvisto играющую гармошку. Случались и, довольно часто, кулачные потасовки разгоряченных парней. В этом случае особенно тщательно охраняли гармониста. Иногда к потасовкам присоединялись подвыпившие мужики. Тогда могли быть неприятные последствия, вплоть до рассмотрения в народном суде по случаю хулиганства. Как-то на одном из таких рассмотрений судья спросил свидетеля, как ему приходится обвиняемый, дальний или близкий родственник. На что тот ответил:

- «Дальний, дальний. Я на одном конце деревни живу, а он на другом...».

Среди молодежи считалось, что гулянье без драки – не гулянье. Насколько я помню, единственная в округе деревня, в которой были два летних праздника, это была Чернушка. Это даже не летние, а весенний и осенний праздники. Один из них «егорьев день», а другой – «богородская». В нашей деревне летним праздником была «троица». В Ваштрангском Заводе это был «духов день», в Кряжеве – «заговенье», в Десятинах (Клюжеве) – «иванов день», в Забенках – «петров день», в Крестах – «казанская» (за точность не ручаюсь), в Кикнуре и еще в нескольких деревнях – «ильин день» и т.д. В зимние праздники в деревнях молодежь устраивала «игрища» - вечера в какой-либо заранее «откупленной» избе. В просторной избе собиралась молодежь и зрители (обычно это ребяташки, свободные от работ мужчины и женщины). Вечеринки начинались девичьим переплясом под гармошку. Чаще всего это проходило под «подгорную». Обычно первой на перепляс выходила Шурка Надежды Максимихи. Если же перепляс начинала огореловская девушка Блинова (имя запомнил), то ее первой частушкой была такая:

«Калужинка, калужинка,
Калужинка – лужинка,
Выходи, не подкачай,
Милая подруженька...»

Далее, на круг выходила «подруженька» и пока одна из них пела, другая «отбивала дробь». Затем выходила другая пара. Слова частушек никогда не повторялись. После «подгорной» гармонист играл «сербянку», под которую тоже с частушками по очереди, сменяя друг друга, выходили девушки, а затем и парни. Одни (Генка Вотяков) пели шуточные частушки типа:

«Мои ноги кривоноги,
Мои ноги кривулям.
Я залезу на рябину,
Вам черемухи не дам...»

Другие уже позволяли себе некоторые вольности. Например, красивый парень Александр Макаров (Сашка Машкин) из Макарья (Старой Пижаньи) к восторгу «зрителей» обязательно начинал под озорную частушку:

«Попляшу, потопаю,
Да повиляю ж...ою.
Посмотри-ка, мой отец,
Как виляет мой «жо...ц»

Далее следовала красивая дробь с не менее красивым движением правой руки и новые частушки. Вроде

«Я хотел было жениться
И уж думал, что женюсь,
Затащили девки в баню,
Насмотрелся и боюсь...»

После «сербиянки» гармонист играл «семеновну». Здесь уже наиболее отчаянные и раззадоренные молодые люди (парни и девушки) и некоторые «разогретые» взрослые зрители наперебой плясали и пели частушки про Семеновну и Семена иногда и с ненормативной лексикой. Но озорство не переходило в хулиганство со сквернословием. Заканчивалась вечеринка групповыми плясками под «барыню» и «комаринскую».

Семейные люди в зимние праздники ходили к друзьям и добрым знакомым в гости, угощали друг друга в домашней обстановке. В нашей деревне главным летним праздником с гулянием молодежи была «троица», а зимним – «рождество», которое отмечалось вечеринками три дня подряд. 7 января, рано утром, всегда находились ребяташки - энтузиасты «славить». Общими праздниками для всех сел и деревень была «масленица» и «пасха». На «масленицу» катались на горках, а по деревне ходили ряженые, заходили в каждый дом, пели и плясали. Ряженых (в деревне их называли «нарядчиками») принято было угощать. Основным угощением была бражка или водочка. Закусочка под такое угощение всегда находилась подходящая (маринованные грибки, квашеная капуста, соленые огурчики). Главным заводилой в этих скоморошьих играх в нашей деревне была Князева Анна Поликарповна (Анна Сениха). Люди были открытые, умеющие работать и отдыхать

1-й ряд (слева направо) - Миша Михалев, Олег Курзенев; 2-й ряд – Володя Курзенев, Юра Курзенев (двоюродный брат), 1951 год, Алканка

Ранняя весна 1954 года в деревне Алканка. В кругу сверстников

Деревня Алканка 60-е годы. У дома Михалева Александра Даниловича

О моих близких родственниках

Представляется уместным подробнее описать окружение, способствующее формированию у нашего поколения основных жизненных установок и мировоззрения в молодые, и особенно в детские и школьные, годы. На мой взгляд, это вся среда, включая школу, отношения людей в деревнях и, конечно же, на нас особенное влияние оказали родственные связи и взаимоотношения между родственниками, взаимная поддержка между ними.

О нашей семье, о родословной, о родственниках, проживающих в Алканке, я уже упоминал. В моей памяти также яркий след оставили близкие для меня люди – родственники, проживающие тогда в других местах. И прежде всего это дяди и тети по линии моей матери и их дети. Семья Павла Александровича Корякина и Татьяны Федоровны проживала в деревне Ваштранга и, как большинство крестьянских семей, была многодетной. В семье было восемь детей. Три дочери и пятеро сыновей. Дети рано приобщались к труду, и в этом был большой смысл. Несмотря на трудные условия жизни в деревне после гражданской войны в этой семье установился здоровый моральный климат. Уважение к труду, уважение к людям, высокая нравственность были жизненным правилом. Старшие опекали младших, Дети чувствовали любовь и заботу родителей. Родители были для детей примером и пользовались у них непререкаемым авторитетом. Старшей была Валентина, затем шли Анна, Иван, Василий, Наталья, Александр, Николай и Руфим. После безвременной кончины родителей в трудные годы коллективизации все они благодаря взаимовыручке и поддержке друг друга не только сохранили лучшие качества, воспитанные у них семьей, но и пронесли их через всю свою жизнь.

Семья Корякиных – дедушки Павла Александровича и бабушки Татьяны Федоровны (девочка Наташа во втором ряду справа будущая мама В.А.) в 1927 году

Тетя Валя была замужем за Барановым Александром Афанасьевичем из той же деревни Ваштранга. У них было пятеро сыновей. Старший Виталий, затем Николай, Вячеслав, Юрий и Леонид. Теперь уже никого из них, моих двоюродных братьев, нет в живых. Тетя Валя, как и моя мама, тоже была немногословной, но более эмоциональной. Дядя Саня (так мы звали Баранова А.А.) был более общительным. После окончания войны и демобилизации он вернулся в Ваштрангу и работал сначала в Кикнурском районном Уполминзаге, а затем председателем крупного колхоза «Кикнур». Тетя Валя и дядя Саня были приветливыми людьми. Мы в этой семье всегда чувствовали себя легко и свободно. Тем более, что их сыновья Слава, Юра и Леня были одного возраста с нами. Коля был немного постарше нас, а Виталий года на три старше Коли. Все ребята были спокойные, уравновешенные. Никто из них никогда не употреблял ненормативную лексику. Личная жизнь у всех была разная. Возможно только Николай, будучи умельцем – радиолобителем, имел большую полноценную семью и проживал в Кикнуре до своей кончины. Невысокого роста, но физически крепкий, он унаследовал от своих предков по матери ровный самостоятельный характер. Был сдержанным, но приветливым человеком. Лишнего себе не позволял. Слава был более открытым, и хорошим товарищем. В школе неоднократно выступал за команду в лыжных гонках. И, надо сказать, не безуспешно. После окончания школы поступил и окончил горный техникум в Кизеле, там работал

на шахте, после ухода на пенсию переехал с семьей в Дзержинск, где и умер уже в 2000-х. Юра окончил институт в Свердловске, работал директором ПТУ и тоже ушел из жизни в 2000-х. Виталию и Лёне достичь каких-либо высот помешало пристрастие к алкоголю. Это целая трагедия для семьи тети Вали. Тем более, что жены у этих сыновей были на зависть всем.

Тетя Анна одна из немногих смогла получить полноценное по тем временам образование. У нее были прекрасные способности к точным дисциплинам. В начале 30-х годов она окончила техникум и была направлена в Узбекистан, в Хорезмскую область. Там встретила Бернева Георгия Ивановича из Ташкента. Они поженились, и в их семье родилась сначала Светлана, затем Георгий и, наконец, близнецы Игорь и Олег. Тетя Анна старалась поддержать всех своих братьев, сестер и других родственников. Еще до войны у нее побывал брат Василий, а затем она пригласила к себе двоюродную сестру Марию, дочку Егора Александровича Корякина, помогла ей с трудоустройством и была рядом с ней, когда Мария выходила замуж. После войны пригласила к себе и трудоустроила сестер Марии, Анну, Фаину и Аллу. Все родственники чувствовали ее внимание и заботу. Она сохраняла мужество во всех ситуациях, несмотря на удары судьбы. Особенно это проявилось, когда трагически погиб любимый сын Георгий, выпускник Киевского института гражданской авиации. Дочь Светлана окончила Ленинградский финансово-экономический институт и вернулась к родителям в Ургенч. Вышла замуж и воспитала в семье дочерей Ольгу и Любу, сына Виталия. Люба окончила Ленинградский Кораблестроительный институт и стала инженером, а Виталий окончил строительный техникум. У них свои семьи. На сегодня все проживают в Санкт-Петербурге. Олег, сын тети Анны, живет в Ташкенте холостяком. А другой сын, Игорь умер.

Иван Павлович Корякин, а для нас просто дядя Ваня, старший из братьев Корякиных, был удивительным человеком. Это про него бабушка Катя говорила: «Сват Иван золотой человек. Во всей волости о нем никто худова слова сказать не может». Действительно, немногословный, предупредительный, корректный со всеми, великий труженик, он умел установить контакт со всеми. Никогда не прятался за чужие спины, был честнейшим человеком. Воевал, был в полковой разведке, тяжело ранен летом 1943 года на Курской дуге и был демобилизован еще до окончания войны. В течение нескольких лет после войны в нем еще оставались осколки от снаряда, от которых организм освобождался постепенно. Он не любил рассказывать о каких-либо эпизодах из этого лихого времени. И все же мне удалось однажды разговорить его, откуда я узнал, что

страшное ранение в живот он получил во время атаки. После разрыва немецкого снаряда его живот был распорот, и он, подхватывая выползающие внутренности, все-таки по инерции пробежал несколько шагов вперед и упал на лужайку лицом навстречу врагу «умирать за Родину». И уже в 2000-х годах о таких эпизодах рассказывал известный кинорежиссер Петр Тодоровский.

После смерти родителей дядя Ваня остался за старшего из братьев в семье Корякиных. В жены себе взял бойкую Клаву их дальней деревни Маркушка, дочку крепкого мужика Анисима. По характеру она была полной противоположностью спокойному и уравновешенному Ивану. Была малограмотной, но наблюдательной и постепенно, набравшись жизненного опыта, стала хорошей хозяйкой и матерью. Они очень дополняли друг друга. Сразу после свадьбы для нее оказалось сюрпризом, что трое юношей и подросток, которых она считала за гостей, оказались братьями молодого мужа. В молодой семье в 1936 году родилась дочка Лия, в 1937 году сын Юрий, а в 1946 Валерий.

Дядя Ваня после войны до выхода на пенсию работал главным механиком Кикнурской МТС и всегда был на высоте положения: пользовался всеобщим авторитетом и уважением. Во второй половине 80-х годов он перенес инсульт и примерно через год ушел из жизни. Я очень почитал дядю Ваню и постарался приехать на его похороны в Кикнур. В тот период я находился на службе в в/ч 10729 и по запросу получил согласие командования на краткосрочный отпуск. В последний путь приехали проводить близкого человека дети: Лия с мужем Ярославом, Юрий, Валерий, а также мой отец Анатолий Григорьевич и я.

Замечательно, когда дети наследуют лучшие качества родителей. Так можно сказать и о детях дяди Вани и тети Клавы. Лия по характеру была ближе к отцу и после окончания средней школы окончила педагогическое училище. До выхода на пенсию работала заведующей детского сада в Феодосии. Ее неоднократно избирали депутатом различных Советов, она была одним из самых уважаемых работников дошкольных учреждений. Умная, рассудительная, выдержанная, доброжелательная, расположенная к людям, терпимая к чужим недостаткам, она скончалась от тяжелой болезни в 2006 году. Для нас всех это была большая трагедия. Вместе с мужем Рудко Ярославом они составляли замечательную пару, прожили совместную жизнь в любви и согласии. Их дочка Ирина окончила Ленинградский Механический институт, вышла замуж и проживает в Феодосии.

У Юрия и Валерия были хорошие способности к точным дисциплинам. В школе они учились легко и свободно. Юра был

отчаянным и озорным парнем, физически очень крепким. Однако после службы в армии и женитьбы его было не узнать. Он превратился в выдержанного, справедливого, высоко порядочного мужчину с твердым характером. Про таких говорят «правильный мужик». Он окончил горный техникум в Кизеле. Работал горным мастером, начальником участка, заместителем главного инженера по технике безопасности до своей внезапной кончины в 1986 году. Скоротечная онкологическая болезнь оказалась сильнее его организма. Двое сыновей Юрия Валерий и Алексей получили высшее образование в Свердловске и там же проживают с семьями. Младший сын дяди Вани Валерий блестяще окончил среднюю школу, но не пробился в желаемый институт. Закончил техникум и до конца своих дней работал электромехаником в г. Шахты. Этот взял от отца все. Правда, семью создать не смог. Оказался однолюбом, а у девушки был другой избранник. Валерий умер от сердечного приступа в возрасте 50 лет. Тетя Клава, Лия и Валерий похоронены в Феодосии.

Василий Павлович Корякин, следующий из сыновей Павла Александровича Корякина, унаследовал от матери не только внешние черты, но и характер. Общительный, ловкий во всех делах, с большим чувством юмора, добрый к окружающим, он всегда оказывался в центре внимания, не будучи честолюбивым и лидером по характеру. Получил скромное семилетнее образование и окончил фельдшерские курсы. В середине 30-х по приглашению сестры Анны отправился «искать счастья» в Среднюю Азию, где некоторое время работал в эпидемиологической станции туркменского города Ташауз. Однако там особенно он не задержался, поскольку в силу своей молодости и горячности в компании со своим шурином (моим отцом) на какой-то вечеринке они вступили в конфликт с местным туркменом Аман-дурды и побили его. Им грозила статья «великодержавный шовинизм». Пришлось спешно покинуть солнечную Туркмению и переехать в Ургенч (Узбекистан). С началом войны его мобилизовали в первую очередь. Всю войну он провел на передовой. Много раз был ранен, но неизменно возвращался в строй. Он был один из тех немногих, кому повезло остаться в живых в этой страшной войне. Закончил войну в звании старшего лейтенанта в Восточной Пруссии. Имел различные награды (ордена и медали). Я помню, как в 1945 году он приезжал в наши края на побывку в красивой офицерской форме. После войны он так и остался на отошедшей к России земле и обосновался в тихом городке Ладушкин, немецкое название Людвигсдорф, под Калининградом. И там он вернулся к прежней работе в эпидемиологической станции. Уже после войны обзавелся семьей.

Его избранницей стала Наталья Андреевна, милая, добрая и симпатичная женщина с мальчиком Славой, который сразу же полюбил папу и долгое время недоумевал, почему у них разные фамилии. В 1949 году в молодой семье родилась девочка Оля, а через год с небольшим мальчик Володя. Дети росли окруженные вниманием и заботой. В 1967 году дядя Вася попал в автомобильную аварию, получил очень серьезную травму, от последствия которой он и умер. Дети остались без отца, и тете Наташе было очень непросто в этот период, когда требовалось особенно много сил для их поддержки в подготовке ко взрослой жизни.

Впоследствии Оля окончила институт в Ленинграде, стала инженером-конструктором и работает до сего времени на одном из предприятий Калининграда. А Володя стал музыкантом, видимо сказались украинские гены матери. Он тоже работает в Калининграде, в одном из музыкальных клубов.

Тетя Наташа тихо ушла из жизни в 2009 году. Дядя Вася и тетя Наташа похоронены на кладбище Ладушкина. На земле, которая стала для них родной.

Следом за Василием в семье Корякиных шел Александр. Мы его называли дядя Саня. Александр Павлович Корякин, возможно, был одним из тех, про которых говорят «невезучий». И в детстве, по словам моей мамы, ему не везло, когда он попадал во всякие переделки и выходил из них с физическими и моральными травмами. В общении был прост, по характеру вспыльчивый, но добрый. При приеме любой дозы алкоголя становился агрессивным. Но злости в нем не было. Его жена Валентина (тетя Валя), родом из Копылят, тоже не отличалась ровным характером. Я помню их маленький домишко в Ваштранге. В семье были две дочки. Старшая дочь Светлана примерно 1941 года рождения внешне и по характеру напоминала Корякиных, а младшая Алла взяла все от мамы. Света всегда тянулась ко всей компании наследников деда Павла, а Алла держалась особняком. Дядя Саня воевал, был ранен, но выжил и после демобилизации работал в колхозе. В начале 50-х с семьей он обосновался в Подмосковье, в Михневе, где и умер в 1975 году. Я спешил на похороны, но приехал, когда его уже похоронили. На похоронах присутствовали дядя Ваня, тетя Анна, тетя Валя, моя мама, моя сестра Лия. Все жалели дядю Саню. Так же невезучей и оказалась добрая, мягкая и открытая Света. Вышла замуж за разбитного парня Печерикина Александра в Москве. Склонный к выпивке он втянул в свои застолья и Свету. С началом перестройки они лишились комнаты в Москве и их следы затерялись. Скорее всего, в это смутное время они стали бомжами или погибли. Алла какое-то время работала в химчистке в Москве. Но поскольку она и

так держалась особняком, то после смерти тети Вали в Михневе (о чем мы узнали только после запросов в администрацию) координаты Аллы тоже оказались нам неизвестными.

Следующим по возрасту сыном Корякина П.А. был Николай. Говорят, что он унаследовал многое от отца. Николай Павлович Корякин оказался самым успешным в движении по социальной лестнице. Блестяще окончил Кикнурскую среднюю школу в 1937 (первый выпуск десятилетки). И это несмотря на «непролетарское» происхождение (как выходец из семьи «твердозаданцев - подкулачников»), хотя к этому времени уже ушли из жизни родители. Невысокий, но крепко сложенный, аккуратный, с красивыми чертами лица, выдержанный и обладающий незаурядным умом, он сводил с ума всех красавиц окрестных деревень. После окончания школы поступил в Молотовское (Пермское) военное училище морской авиации. Училище окончил в 1940 году с присвоением звания «техник – лейтенант». Всю войну находился на Ленинградском фронте, в действующей части на Ораниенбаумском плацдарме («пяточке»). В последний день войны их самолет, выполняя боевое патрулирование, получил повреждение и при посадке на необорудованную площадку потерпел аварию. Из всего экипажа остался жив Николай Корякин, но с многочисленными переломами конечностей и позвоночника. Длительное лечение и реабилитация в различных госпиталях все-таки поставили его на ноги. Инвалидность была снята только в начале 50-х. В восстановительный период упорный капитан поступил в СЗПИ, который и окончил, став инженером. Так что после демобилизации дядя Коля работал инженером в различных организациях до выхода на пенсию в 1978 году. Последние 25 лет это была организация «Океанприбор»

Я помню, как в 1947 году к нам в деревню приезжал красивый статный прихрамывающий морской офицер Корякин Н.П. и как мы гордились тем, что это наш дядя. Волею судеб дядя Коля после войны обосновался в Ленинграде. В 1947 году он стал семейным человеком. Его избранницей стала Анастасия Прокопьевна, или просто тетя Ася. Детей у них не было. Долгое время родственники по линии Корякиных не имели возможности познакомиться с хозяйкой молодой семьи. Но после того, как в 1957 году я стал студентом ЛКИ и стал часто навещать семью дяди Коли, ситуация изменилась. Мы все ближе узнали не только тетю Асю, но и значительно лучше самого Николая Павловича. Тетя Ася была дочерью крепкого зажиточного крестьянина Александрова Прокопия Александровича из Тверской губернии, переехавшего в Ленинград накануне раскулачивания, хотя оставшаяся семья и

хозяйство подверглось процедуре реквизиции. Она была красивой женщиной и радушной хозяйкой. Была достаточно обаятельной, общительной. Но про нее нельзя было сказать, что она полностью открыта и проста в общении со всеми людьми. Дистанцию держать она умела. С большим уважением относилась к людям, имеющим высшее образование, и предпринимала все от нее зависящее, чтобы ее ближайшие родственники – племянник и племянница (сын брата и дочь сестры) получили высшее образование. Думаю, что это объясняется просто, а именно тем, что ей самой не удалось получить приличного образования, которое позволяло бы занять человеку достаточно высокий уровень в обществе. Это произошло потому, что в тридцатых годах семья Александровых скромно проживала в Ленинграде на полулегальном положении, опасаясь преследований за «кулацкое» происхождение. Дядя Коля имел твердый характер, был остроумным и высоко эрудированным собеседником. Он обладал большим чувством юмора. Например, после переименования своей организации «Морфизприбор» на «Океанприбор» он заметил, что причиной стало то, что в прежнем названии слишком много «р» и мало людей в организации, которые их выговаривают. А при обсуждении успехов в спорте и относительных неудач в учебе племянников - братьев Барановых он мог философски резюмировать:

- «Одним словом они физически развиты лучше, чем умственно...».

Или мог, будучи навеселе, заметить (в сторону) по поводу неистового лая ручной собачки нежданных гостей:

- «Она не терпит того, кто умнее ее...». Как все Корякины дядя Коля был честным и глубоко порядочным. Но в то же время гордым и независимым человеком. Например, на упреки жены о том, что другие, «менее знающие и менее достойные в отличие от него продвигаются по служебной лестнице» неизменно отвечал:

- «Зато я честный человек!».

В студенческие, да и последующие годы для меня дядя Коля с тетей Асей стали близкими и родными людьми. Ко мне они относились как к сыну. Я это чувствовал и очень ценил. Именно у них я остановился, когда вернулся в Ленинград с Дальнего Востока по переводу на военной службе. Их поддержку я ощущал всегда. Трудное детство и военное лихолетье с жесточайшими испытаниями не могло остаться без последствий и для дяди Коли. Болезни сосудов и сердца преследовали его. После выхода на пенсию в 1978 году он не особенно ограничивал себя в курении и употреблении алкоголя. И это усугубило ситуацию. В начале октября 1979 года у него случился тяжелейший инсульт, и он скончался у меня на руках 4

октября в клинике неврологических болезней Военно-Медицинской академии. Похоронили его на Серафимовском кладбище. Тетя Ася через некоторое время нашла себе одинокого пенсионера, с которым они прожили вместе несколько лет. После смерти последнего от онкологической болезни она жила в одиночестве и скончалась в 2005 году. Похоронили ее тоже на Серафимовском кладбище.

Самым младшим в семье Корякина П.А. был Руфим. В раннем возрасте он остался без родителей. Братья и сестры взяли на себя заботы по воспитанию мальчика. Сначала он проживал у старшего брата Ивана, а затем по очереди у сестер. Мне всегда говорили, что моим крестным отцом был записан Руфим. От природы Руфим был одарен художественными способностями и окончил художественное училище, проживая у сестры Анны в Узбекистане. Но реализовать свои способности не успел. С началом войны был мобилизован на фронт и погиб в одном из первых боев. Место гибели и захоронения неизвестны. Моя бабушка Катя очень «привечала» и жалела его как сироту и долго оплакивала после известия о его гибели.

И все же надо сказать, что жестокая война не была так сурова и беспощадна к сыновьям Павла Александровича Корякина. Никто из них не уклонялся от военной службы, не хитрил. Все пятеро честно отвоевали. Один из пяти – это тоже тяжелая потеря, но по сравнению с другими семьями в деревнях она не выглядит катастрофической.

О близких родственниках деда Корякина П.А. и бабушки Татьяны мне известно значительно меньше, хотя о некоторых из них я знаю по рассказам. А с троюродными сестрами и братьями мы не только росли вместе, но и, повзрослев, поддерживали дружеские отношения и связи. Я помню дом в Ваштранге по соседству с домом дяди Вани, через овражек. Этот дом принадлежал брату деда Павла, Егору Александровичу Корякину. Примерно в 1946 году в этом доме еще проживала первая дочь дяди Егора Анна (Нюрка Ваштрангская) от второго брака. Дочь от первого брака Мария еще до войны уехала в Узбекистан по приглашению своей двоюродной сестры Анны Павловны Корякиной. В Узбекистане она вышла замуж и в последнее время с семьей проживала в Ургенче. В семье из двоих детей старшей была дочь Нелли, а младший сын Валерий. С Нелли мне познакомиться не пришлось. Зато с Валерием мы впервые познакомились уже в семидесятые года, когда он с женой Галей приезжал в Ленинград на экскурсию. Впоследствии в Ленинграде учились и окончили институты их дети Лена, Вика и Виталик. Все они стали россиянами в реформированной России, проживают в Москве и Санкт-Петербурге и успешно работают.

В упоминаемом 1946 году дом дяди Егора выглядел еще вполне прилично. К этому времени уже умер не только дядя Егор, но и его вторая жена Лариса. Психика бедной женщины после смерти мужа из-за переживаний за оставшихся без отца троих детей не выдержала, после тяжелой болезни тетка Лариса умерла. Младших девочек Фаину (приблизительно 1936 г.р.) и Аллу (1941 г. р.) сдали в детский дом Русские Краи. Какое-то время девочки были в детском доме в Кикнуре, а затем снова в Русских Краях. В кикнурский период они бывали у нас в гостях в Алканке. Хорошая бабушка Катя их старалась угостить, чем могла.

В начале пятидесятых годов Анна тоже обосновалась в Узбекистане, вышла замуж за Потешкина, с которым они воспитали дочь Наташу. Через какое-то время там же оказалась и Фаина, которая тоже создала семью в Средней Азии. Судьба Аллы мне неизвестна. Знаю только, что она оказалась трудной, у Аллы были и некоторые проблемы с законом.

Бабушка Татьяна Федоровна Корякина (Воронцова) родом была из деревни Начка. По-видимому, в семье она была старшей из детей. Следующей была сестра Аграфена, тетя Груня, как ее все называли. Тетя Груня была замужем за Черновым Алексеем Федоровичем, дядей Лелей, известным алканским балагуром. Их дочка Лиза была первой трактористкой в районе. Ее мужем стал Коровин Николай Константинович, замечательный человек и специалист. Молодая семья поселилась в Кикнуре на ул.МТС, куда вскоре переехали и дядя Леля с тетей Груней из Алканки. В семье Коровиных старший сын Георгий (Гера) был с 1937 года, затем Валентина (Валя) с 1939 года и Галина (Галя) с 1942 года. Это были наши сверстники. Очень хорошие товарищи, уважаемые и любимые всей молодежью. Особыми способностями обладал Георгий, который посвятил себя служению лесу, охране природы. Любитель охоты и путешествий. Сначала окончил Лесотехническую академию в Ленинграде, затем ЛИАП, работал начальником лаборатории в ЛЕННИЛХхе, занимал ряд руководящих должностей в Госкомитете СССР, в последнее время директор Института леса РАН, доктор сельскохозяйственных наук, член-корреспондент РАН.

За Аграфеной шел Иван, который так и не создал свою семью. Я о нем практически ничего не знаю. Хотя моя бабушка Катя отзывалась о нем, как о хорошем человеке, который, говорят, в свое время очень симпатизировал молодой незамужней девушке Таисие Курзеновой из Алканки. Но Степан Азарьевич Михалев оказался решительней. За Иваном в семье Воронцовых шла Екатерина (тетя Катя), которая была выдана замуж в Большое Шарыгино за Константина Шарыгина (дядю Костю). В этой семье были только

дочери. Лучше всех я знал младшую Зою, поскольку Зоя, хотя и приходилась мне двоюродной тетей, была с одного года со мной. Она училась годом раньше меня. Кикнурскую школу окончила в 1956 году. Однокашник Зои Боря Калистратов познакомил ее со своим сослуживцем во время прохождения военной службы эстонцем Хейно Приске, за которого она и вышла замуж. С семьей они проживают в Силламяе. Иногда выходим на связь. Самой младшей из сестер Воронцовых была Наталья (тетка Таля). Ее я помню хорошо, потому что в период председательства моего отца в укрупненном колхозе с центром в Большой Лыжне деревня Начка входила в этот колхоз, и тетка Таля заходила к нам довольно часто. Она была рослой, крупной женщиной крепкого телосложения. Тогда она жила одна, семьи у нее не было. По характеру была доброй, отзывчивой, с известной долей здорового юмора.

Студенческие годы

Ленинград встретил нас, приезжих, не с распростертыми объятиями. Более того, со справкой вместо аттестата приемная комиссия в ЛИТМО, куда я направился с желанием поступить на радиотехнический факультет, мне решительно отказала. Правда, мои положительные документы произвели впечатление на декана факультета механики и оптики Кадырова и он предложил зарезервировать для меня место на своем факультете, но это не входило в мои планы. Ситуация становилась неблагоприятной. Тем более, потому что из-за большого наплыва медалистов в большинстве престижных ВУЗов уже были отменены льготы серебряным медалистам, а для золотых медалистов срок действия льгот был ограничен пятнадцатым июля. Мне хотелось все же воспользоваться своим правом поступления в институт без экзаменов и не рисковать. К счастью, 12-го июля я наконец-то получил по авиапочте аттестат и решил попытаться реализовать свою сокровенную мечту, связанную с морем, и поступить в Кораблестроительный институт. В справочнике ВУЗов Ленинграда этот институт выглядел очень внушительно. Особенно интригующим мне казался конструкторский факультет. На нем работали научные школы Скобова Д.П. и Шевело А.И, известных на всю страну ученых. Факультет был единственным в Советском Союзе и готовил, как утверждалось в Справочнике, уникальных специалистов. В тот же день по получению аттестата я отправился на Лоцманскую, 3 в Приемную комиссию Ленинградского Кораблестроительного института и сдал документы. И почти сразу же был приглашен на беседу к председателю Приемной комиссии Артемьеву Николаю Семеновичу. После беседы мне было объявлено

о том, что я принят и должен прибыть для занятий на факультете 30 августа. Одно обстоятельство все-таки смущало меня. Это был вопрос с общежитием. Места в общежитие распределял студенческий профком. После того, как на вопрос о наличии родственников в Ленинграде я ответил утвердительно, положительного решения о предоставлении мне места в общежитии принято не было. Место в общежитии я получил только в октябре по возвращении с колхозных работ. Тридцатого августа на факультете по адресу проспект Максима Горького, 5 проходило общее собрание студентов 1-го курса факультета. Факультет располагался в особняке между роскошной Татарской мечетью и Музеем революции (особняком Кшесинской). Шестиэтажное здание выглядело очень солидно. На втором этаже были вывешены списки студентов 1-го курса. Я нашел свою фамилию в 315-й группе. Нас пригласили всех в большую аудиторию на том же втором этаже, и декан факультета доцент Штафинский Борис Ильич открыл собрание. В самых общих словах он рассказал нам об уникальности нашей специальности, не раскрывая сущности, сказал несколько слов о факультете, представил заместителя декана доцента Пospelова Николая Александровича и изложил основные правила поведения студентов. С началом учебного года нас поздравили вызывающий симпатию секретарь комитета комсомола факультета Нефедов Г. и уверенный в своей значимости строгий председатель профкома Шурыгин Д..

Первая лекция первого сентября, кажется, была по математике. Лектор доцент Гаврилов Борис Иванович произвел на нас сильнейшее впечатление. Это был старый морской волк, даже в одежде у него были элементы морской символики. Но больше всего поразила его манера чтения материала. Начал он с того, что заявил:

- «В школе вам говорили, то - нельзя, другое – нельзя. Вас обманывали... Все можно, но только вовремя и в меру».

При изложении материала он много жестикулировал, бегал перед огромной доской, отпускал разные шутки, а там, где требовалось сделать акцент на важный вывод, громовым голосом объявлял:

- «Кровью запишите на стенках чердачного помещения!».

В первые два дня запомнились лекция и практическое занятие по начертательной геометрии. Прежде всего, своей необычностью. Очень сложным и совершенно не наглядным казалось представление точки, находящейся в различных октантах, в проекциях на плоскости.

На следующий день снова всех собрали в той же большой аудитории. На этом собрании было объявлено, что занятия на месяц прерываются, а нам всем предстоит поездка на сельхозработы в колхоз, поэтому третьего сентября к 10 часам необходимо прибыть в

соответствующей экипировке в Автово, к общежитию института. Огромное общежитие института располагалось на проспекте Стачек, дом 88, корпус 2. Ровно в 10 утра перед входом в общежитие уже стояли грузовые автомобили с открытым кузовом, оборудованные под перевозку людей. Загружались группами. Всей колонной грузовики двинулись в путь. К середине дня нас привезли в г. Волхов и высадили на пристани. Затем пароходами доставили в селение Бережки, совхоз «Заречье», где распределили группы по усадьбам. Наша группа 315 была направлена в отделение Заречье, куда по полному бездорожью нас доставляли уже на тракторе с прицепными санями. Это необычное дополнительное путешествие продолжалось около двух часов. К вечеру мы добрались до Заречья. Группу распределили на ночлег по крестьянским домам. Нас, человек восемь ребят определили сначала к какой-то ворчливой бабушке. Ей не нравились довольно разбитные городские жители, и очень скоро у нее начались конфликты с развязным и самоуверенным Женей Неклепаевым и другими ребятами, не признающими деревенского уклада жизни и не терпевших каких-либо замечаний со стороны местных жителей. Конфликт закончился тем, что по просьбе нашего куратора от института, студента 3-го курса Махонина Володи, нас расселили по другим домам. Организация быта и колхозных работ была весьма простой. Ночлег был по соответствующим домам, а питание осуществлялось через «коммуну». Совхоз выделял нам продукты, а вся подготовка обедов производилась силами студентов. На открытом воздухе наспех были оборудованы длинные столы и скамейки. Понятно, что меню разнообразием не отличалось.... Большинство студентов были определены на уборку картофеля. Но требовалось несколько человек, знакомых с крестьянской работой, для заготовки сена. Из таких знакомых оказался я один. Конечно, я с готовностью предложил свои услуги. Это же куда квалифицированнее и чище работа, чем копать картошку! Поскольку методом случайного отбора нас четверых студентов поселили к одной спокойной доброй хозяйке, то, как раз нам и было поручено заниматься заготовкой сена. Тогда мы в четверке и познакомились поближе друг с другом. Прежде всего, мне сразу понравился парень с гитарой, который явно был иногородний, одет просто и вел себя очень дружелюбно. Звали его Юра Пахомов. С тех пор мы практически прошли с ним рядом почти всю жизнь, до его скоропостижной кончины в 1992 году. Другим парнем оказался Боря Терентьев, прозванный Неклепаевым «Трудолюбивым». Боря был питерский, жил один, без родителей, скромный, молчаливый и действительно работающий. Он закончил «ремеслуху», вечернюю школу и как производственник поступил

вне конкурса. Впоследствии на дневном отделении ему было трудно учиться, и он перешел на вечернее отделение. И, наконец, четвертым оказался Володя Гричевский. Будучи киевлянином, он чувствовал себя достаточно уверенно в любом коллективе.

Главной операцией при заготовке сена была укладка в ригеля. Освоились мы достаточно быстро и к концу сентября получили благодарность и какие-то премиальные. В вечернее, свободное время посещали клуб, заведующей которого была незамужняя особа, которую местные называли «Вонькухой» видимо из-за болезни желудка или зубов. В клубе была гармошка и другие музыкальные инструменты. Мы с Юрой часто выступали инструментальным дуэтом. Поскольку местным очень импонировало, что я мог играть любимую для них «Кадриль» и пел свои частушки под «Сормача», то я получил прозвище от Неклепаева «Иван». Из местных запомнились двое мужиков, Витька Бабкин и Шахов (его по имени не звали). Бабкин был довольно остроумный и веселый человек. Ему возможно и принадлежит авторство прозвища заведующей и расхожого выражения «Бетховена играет..» о рабочей лошади, у которой из-за нарушений в работе кишечника регулярно выходили газы с руладами. Шахов же был противоположностью Бабкина. Наиспокойнейший, невозмутимый. Однако его словарный запас состоял на 95% из ненормативной лексики. Никого из местного населения это не смущало. Запомнилась также местная красавица Нина Батова, за которой пытался ухаживать Володя Махонин. Окончание сельскохозяйственных работ совпало с дождливой погодой. Нас с Юрой оставили последним для перегона стада коров из одного отделения совхоза в другое. Дождь лил непрерывно, а мы, утопая в грязи, сопровождали это непокорное стадо. К вечеру, усталые и мокрые мы добрались до Бережков, центрального отделения, переночевали в нежилой избе на охалке соломы и утром на пароходе по реке добрались до Волхова. К вечеру уже были в Ленинграде.

Занятия на 1-м курсе возобновились 5 октября. Математик Борис Иванович Гаврилов продолжал свои лекции в прежнем духе. Снова шутки и прибаутки. Вроде: «все равно, все дороги ведут к коммунизму, но некоторые в Улан-Батор». (Это он намекал на опалу В.М. Молотова и отправку его послом в Монголию). Практические занятия вела Бэлла Лазаревна Эйдус. Она была очень хорошим педагогом. Студенты любили ее. Металловедение и технологию металлов читал доцент Солнцев. Это был опытный производственник с Ижорского завода. Однажды он устроил выездное занятие на этом заводе. Мы впервые увидели конвертеры и мартены. Увиденное впечатляло. Иностраный язык (немецкий)

вела добрая старушка Лукирская, которая постоянно путала нас с Юрой Пахомовым. Историю КПСС вел Лебедев (старый политработник). Общую физику и химию читали на Лоцманской. Физику читала старший преподаватель Степанова, а химию доцент Мурашко (дама в возрасте, из семейства великанов, пудов восемь весом). Ну а начертательную геометрию читал доцент Чирков Николай Николаевич, практику вел Дьяков Александр Михайлович. Начертательная геометрия была «бичем» для студентов, они называли ее «Ничертанепонималкой». Была она целый год, и требования по ней были драконовские. Решение задач и подготовка эпюров занимали практически все время. Работать нужно было карандашом, строго соблюдая все требования ГОСТа. Не допускались пересечения обязательных проектирующих линий буквенных обозначений опорных точек, толщина различных линий должна была строго выдерживаться и т.д. и т.п. Дьяков использовал свою шкалу оценок. Он ставил «нули», если студент во время не предъявлял работу. За просроченную принятую работу ставил «нуль с плюсом». Далее шли все оценки до «пяти» включительно. Но каждое номинальное значение цифры сопровождалось одним, двумя или тремя плюсами и минусами. Он говорил нам:

- «Двойка это не самая плохая оценка, ее еще заслужить надо (!?)». Много времени отнимало черчение. Его вел довольно пожилой дядечка Иосиф Иосифович Войшко. Тоже своеобразный мужчина. Он спокойно мог на ватмане-чертеже студента размашисто написать красным карандашом:

- «Где оси?», или: «Я не слепой», а так же что-нибудь в таком же духе. Все это означало, что работа должна быть сделана заново.

В параллельной группе черчение вел пенсионного возраста преподаватель Спирин, с которым тоже было связано немало забавных эпизодов. Один из них воспроизвожу по рассказу нашего старшего товарища Валеры Саруханова. На первом занятии, читая фамилии студентов по журналу, Спирин дошел до фамилии Саруханов и споткнулся:

- Са..., Си..., Су...»,

Саруханов поднимается:

- Саруханов!,

- А – а - а, Саруханов. А Вы не из Баку?

- Нет,

- Странно, там же Саруханы есть.

На следующем занятии – то же самое. Диалог повторяется, На третий раз начало диалога то же:

- Са..., Си..., Су....

Но продолжение другое. Саруханов встает и громко поправляет Спирина:

- Я Саруханов, Я из Баку!

Последовавший гомерический хохот студентов весьма озадачил бедного старика.

Я старался, как мог, и к окончанию первого семестра получил все допуски и зачеты без проблем. Более того, староста группы Вася Морозков предложил мне вместе с ним сдать досрочно экзамен по «Начерталке». Тем более, что по расписанию в сессии этот экзамен был поставлен последним. Хотелось укороченные из-за колхоза зимние каникулы увеличить. По наивности я согласился. И получил урок, который запомнил на всю жизнь. Досрочно сдавать, оказывается, надо было только заведующему кафедрой доценту Караулову. Нас никто не предупредил, что этот заведующий - злюка. Маленького росточка люди обычно бывают шумными и вредными, а этот старикашка был в особенности раздражительным и неуравновешенным. И в этом мы убедились только на своем опыте. Сначала надо было получить от него устное согласие. На наше обращение он сказал, что приходите сдавать тогда-то и добавил:

- «Там будут еще несколько студентов двойки получать».

Мы не придали этим словам значения, а зря... . В назначенное время человек двадцать со всех факультетов «благополучно были вынесены» с экзамена. Мы с Васей были в шоке. Узнал об этом скандальном случае наш зам декана Поспелов Н.А. и сам пришел в нашу группу, чтобы выяснить ситуацию. Мы подробно рассказали ему обо всем. Он успокоил нас и сказал:

- «Сдавайте сессию со всеми».

К чести нашего преподавателя Дьякова А.М. результаты этого «экзамена» им были опротестованы. Первые три экзамена в сессию я сдал на пятерки, а по начерталке получил только четверку, хотя экзамен был письменный и я правильно решил все четыре задачи. Чирков решил не усугублять отношения со своим начальником и решил снизить мне оценку за оформление. Таким образом, я на своей шкуре испытал русскую пословицу: «Пошел за шерстью, а пришел остриженный». Никакого смысла ехать на каникулы домой уже не было, поскольку дорога в один конец составляла двое суток, а каникулы были всего одну неделю. Материальные расходы на дорогу тоже имели значение. На первом курсе мы получали стипендию 295 рублей, из них за общежитие вычитали 15 рублей. Помощи от родителей практически не было, поэтому жить приходилось впроголодь. Первый семестр запомнился особенно тем, что после него за академическую неуспеваемость отчислили из института целую плеяду развязных пижонистых ребят типа

Неклепаева, Иофина, Тимофеева, Каганова. Хотя последний не был уж особенно развязным, а как раз был достаточно воспитанным и добрым, отлично играл в шахматы, но совершенно не умел трудиться.

Каникулы я провел в общежитии, куда поселился после колхоза. Мне очень не хотелось стеснять бабушкиного брата, дядю Васю, где я остановился по приезду в Ленинград, поскольку он проживал в комнате коммунальной квартиры, и я предпринял все, чтобы переехать в общежитие. В общежитии сразу же ощутил коллективный студенческий дух по реакции на сообщение о запуске искусственного спутника. Комендант общежития Меренский Илья Григорьевич был заправским хозяином и строго следил за порядком в огромном общежитии, в котором второй этаж занимал машфак, третий конструктора, четвертый девушки всех факультетов, пятый занимал корфак. На первом этаже были различные службы, клуб, а весь цокольный этаж занимали спортзалы с душевыми кабинами и прачечные. Заместителем коменданта была спокойная и уравновешенная Хаустова Любовь Федоровна. Запомнилась также аккуратная кастелянша Мария Александровна Суровая. На третьем этаже располагался прекрасный читальный зал, где книги выдавала внимательная и заботливая Л.М. Ветси.

Сначала я проживал на нелегальном положении в комнате 332а на 3-м этаже. В этой комнате как раз опекал меня староста группы Вася Морозков. Он был старше меня на четыре года. В комнате было еще семь человек. Двое со второго курса. Громов Алик и Гарбузов Эдик. Из первокурсников это были Валя Попутнев - рослый дальневосточник, Моисей Минкин – молодой офицер запаса, Юра Бадаев - круглолицый отличник в кителе цвета хаки, белорус Володя Малюкович. Поскольку я очень переживал, что проживаю «незаконно», то Володя Малюкович обычно утешал меня словами:

- «Вова, крепись, крепись».

И в конце октября при поддержке Володи Махонина за наши колхозные «успехи» в качестве поощрения нас с Юрой Пахомовым поселили в комнату 336. Это была восьмиместка. Мы были несказанно рады. Вместе с нами были поселены первокурсники Юра Иванов и Толя Грицаенко, Валя Белов и Толя Баннов, Виталик Горбачев и Олег Сергиенко. Наши койки и тумбочки с Юрой Пахомовым располагались у окна и были рядом. Юра быстро освоился в «общаге», узнал, что можно бесплатно воспользоваться музыкальными инструментами, если записаться в институтский оркестр народных инструментов, который проводил репетиции в общежитии. Он уговорил нас с Валей Беловым записаться туда, после чего я получил в пользование баян, Валя контрабас, а Юра

басовую домбру. Затем Юра откуда-то заполучил во временное пользование саксофон и кларнет, а Толя Грицаенко трубу. После нескольких «спевок» джаз-банда 336 комнаты была готова. Мы лихо исполняли пару простеньких пьесок типа «Инес». На шум приходили члены студсовета, но не запрещали. А в оркестре мы учились и играли до окончания института. В комнате 336 мы прожили до конца учебного года.

Второй семестр начался в феврале. Со второго семестра у нас поменялся зам декана. Поспелов Н.А. полностью сосредоточился на научно-педагогической работе. Его сменил Коновалов Виктор Андреевич, невысокого росточка, хитроватый и с большим чувством юмора, но, в целом, человек очень положительный. На этой должности он проработал свыше сорока лет и стал легендой института. Впоследствии, уже после его смерти в двухтысячных годах, при подготовке к пятидесятилетнему юбилею выпуска книги «Страницы воспоминаний» архив Коновалова стал доступен нашим выпускникам. В этом архиве содержались различные описания курьёзных случаев из студенческой жизни, анекдоты, объяснительные записки проштрафившихся студентов и т.д. Для примера можно привести наиболее забавные объяснительные.

Декану
приборостроительного
факультета Иконникову И.Б.
от студентки гр. 336 –А
Садыковой С.Г.

Заявление

Прошу дать мне разрешение на посещение семинара по политэкономии.
Пропустила три занятия:
Первый раз – так как оно было первое.
Второй раз – так как не подготовилась к занятию.
В третий раз – так как все равно уже пропустила два занятия.

подпись
12.03.76.

Зам декана ПФ
Коновалову В.А.
От студента 330 гр.
Степанова И.Г.

Объяснительная записка.

Я, Степанов И.Г пропустил 2 занятия по ОВТ (*Основы вычислительной техники*) по причине сомнительного характера: был в театре в субботу утром и

болел без справки в пятницу вечером. Прошу разрешить мне восполнить пробел в знаниях в ближайшее время, ибо по природе своей обладаю непреодолимой тягой к учебе, к ОБТ в особенности.

29.04.77.

подпись

Заместителю декана ПФ
Коновалову В.А.
от студента 341 гр. Петрова П.

Объяснительная

Объясняю, что мною было выбито стекло в двери 29.03.81 вечером. Причин, побудивших меня совершить этот гнусный проступок изложить не могу, т.к. я находился в не совсем трезвом виде, но предполагаю следующее: я возвращался из гостей, был на дне рождения у товарища, где я *неожиданно захмелел*, т.к. целый день до этого ничего не ел и работал на отрядном субботнике, а затем скалывал лед в детсаде, где я подрабатываю дворником. После того, как я захмелел, меня привезли в общежитие и, вероятно, вносили туда ногами вперед, что мне пришлось не по душе. Возможно, это и побудило меня выбить стекло. А утром я проснулся с большой головой. Вошла тов. комендант и сообщила о том, что я натворил, но я выразил недоверие, т.к. ничего не помнил. Она приняла это за насмешки, но я извинился, 30 минут спустя, когда ее рассказу подтвердили товарищи.

Прошу не судить меня строго, т.к. это случилось со мной 1-й раз в жизни больше я не буду совершать ничего подобного.

20.04.81 г.

подпись

Но вернёмся к хронологии изложения учёбы в вузе. В учебном процессе второго семестра первого курса, как и следовало ожидать, продолжались основные образовательные дисциплины и появились новые. Работали спортивные секции, я выбрал лыжную, которой руководил Петр Шептулин. Семестр пролетел как-то быстро и весенняя сессия закончилась. На сей раз мне снова не удалось получить повышенную стипендию. «Схватил» четверку по любимой математике. После второго семестра группа понесла новые «потери» Был отчислен Леня Бернштейн и Вадим Белецкий за академическую задолженность, а Боря Терентьев ушел на вечерний факультет. Были отчислены и девушки, землячки Юры Пахомова, Джемма Козлова и Феня Рохкина. Летние каникулы проводил в Алканке у бабушки Кати и в Кикнуре. В это же время на каникулах были мои двоюродные братья Слава Баранов и Юра Корякин, а также много знакомых выпускников Кикнурской школы. Вдоволь пообщались, побродили по лесу, покупались в шикарном Садовском (а на самом деле в Алканском) пруду. Все хорошее кончается быстро. Так и мне было пора возвращаться в Питер. Второй курс снова начинался с

колхоза. На этот раз нас автобусами завезли в совхоз «Мыслино» того же Волховского района. Из этой колхозной эпопеи запомнились два эпизода. Первый эпизод связан с ночевкой в стоге сена первую ночь вместе с Юрой Пахомовым, поскольку нам не хватило места при размещении, а второй с организацией соревнования по обжорству и тотализатором. Инициатором этого мероприятия был неистощимый на выдумки Женя Петухов. Он же обеспечивал информационное сопровождение. Поваром выступал Витя Кимстач. Участниками соревнований были три человека. Это Давид Раксин из нашей 325-й группы, Саня Спехов из 321-й и Саша Щелканов из 323-й группы. Была установлена норма «мастера спорта», которую первым выполнил Давид. Но победителем оказался Щелканов. Он съел 5 порций макаронного супа и 5 порций макарон по-флотски. Приз в виде литра молока он выпил тут же. В этот день участники были освобождены от полевых работ.

Занятия в институте начались снова с октября. Появились новые трудоемкие дисциплины: сопротивление материалов, или сопромат, по студенческой терминологии «сопромуть», а также теоретическая механика (разделы статики, кинематики и динамики). Сопромат читала доцент Иванова Лидия Владимировна, практику вели Рекашева и Ральцевич; теормех читал доцент Мошков Георгий Дмитриевич, а практику вел доцент Быков В.М., а затем Хохлачев. Появилась философия, лекции по которой читал Воронцов И.В.. Доцент Воронцов И.В. обладал феноменальной зрительной памятью. На консультации перед экзаменом в нашей группе он заявил:

- А что это я вас никого не знаю. Вот Вы ходили на лекции, а вот Вы сначала ходили, а потом перестали. А Вас я не видел ни разу...

И так перечислил почти всех. Оценки поставил согласно своему критерию по посещаемости. Военно-морскую подготовку вели капитан 3 ранга Буль и капитан 2 ранга Владимиров. Буль был суровый, требовательный и грубоватый хохол - мореман, а Владимиров – полная противоположность первому. Владимиров был настоящим интеллигентом. Он выступал на вечерах самодеятельности с исполнением произведений классики. У него был хороший голос - мягкий баритон. Продолжалась технология металлов, которую теперь вел доцент Плотыцын Валентин Георгиевич по прозвищу «Пульверизатор». Второй курс не оставил в памяти особых ярких страниц. По-прежнему сессии сдавал только «на деньги», не дотягивал на повышенную. А денег было немного, хотя стипендия на втором курсе была уже 320 руб. И мы стали пользоваться «разовыми» заработками типа разгрузки вагонов. На втором курсе нас с Юрой сначала поселили в шестиместную 367

комнату, а затем переселили в семиместную 366 комнату, где у нас сформировался неплохой коллектив. Это были мы с Юрой, Вася Морозков, Игорь Сорокин и Юра Иванов с Толей Грицаенко. По окончании второго курса комсомольская организация института сформировала межвузовскую концертную агитбригаду, куда были включены мы с Юрой, Валя Белов, Оля Калио из нашей группы, Леня Ивановский и Виталик Банников с младшего курса нашего факультета, Сережа Черников с корфака, Лев Нафтуллин с машфака и другие студенты нашего вуза. Были в этой агитбригаде студенты из «тряпочки» – Текстильного института и «торгаши» – студенты Института советской торговли. Руководителем был назначен студент четвертого курса конструкторского факультета Виктор Худоногов. Нам вручили комсомольские путевки за подписью Колокольчикова Ивана, секретаря комитета комсомола института, и июль месяц мы провели на Карельском перешейке, путешествуя в специальном железнодорожном вагоне, начиная от станции Сортовала до Приозерска. Впечатлений было много. Летние каникулы пришлось на вторую половину июля – август и прошли примерно так же, как и год назад.

По прибытию в Ленинград в общежитие нас, троих, меня, Юру Пахомова и Васю Морозкова, поселили в трехместную комнату № 350, в которой мы с Васей прожили до окончания института, а Юра через два года женился на местной девушке - «ленинградке» и переехал к ней. Его место в нашей комнате занял Игорь Сорокин. Жизнь в общежитии была ключом. Разделение студентов по этажам в соответствии с принадлежностью к какому-либо факультету не мешало нам устанавливать дружеские отношения между собой. Поэтому у нас появились друзья и с других факультетов. К Юре Пахомову тянулись все, кто любил музыку. Первым в гостях у нас в комнате оказался корфаковец Володя Шуваев, крупный, красивый, стильно одетый брюнет, известный среди студентов исполнением модных песен. Затем стали заглядывать к нам и другие. Особенно часто мы общались с замечательным аккордеонистом Сережей Черниковым, студентом корфака. Это был спокойный и доброжелательный парень, обладающий большим чувством юмора. Заходила к нам в комнату и студентка корфака, талантливая танцовщица Лиля Уткина, удивительная своей открытой простотой, самостоятельностью, твердостью характера, расположенностью и добротой к людям. Ее уважали и любили все. Это была яркая личность, «наша Лилька Уткина». И в оркестре народных инструментов, где мы занимались, появились друзья. Особенно хорошие отношения установились у нас с Игорем Ямалутдиновым с машфака, очень симпатичным парнем. Он дружил с Любой Эйсмонт

из своей группы, на пятом курсе они поженились. Игорь и Люба иногда приглашали меня на новогодние и другие мероприятия, устраиваемые группой за городом на даче у Эйсмонтов. Там я познакомился со многими студентами машфака. Запомнились Эдик Каталов, Эдик Харазов, Толя Прокофьев, Лена Идельчик.

На нашем факультете к этому времени третий и четвертый курсы вел уже другой зам декана. Это был доцент Кошелев Владимир Федорович. К студентам он был очень лоялен и свои претензии к нарушителям обычно выражал в форме укоризненного сожаления и сочувствия. Начало третьего курса было связано с новым экспериментом по политехнизации в образовательном процессе в ВУЗах и, соответственно, с работой на Адмиралтейском заводе. По существу, сентябрь мы учились по вечерней схеме. Продолжалась математика. Это были разделы функций комплексного переменного в первом полугодии, элементы операционного исчисления и теории вероятностей во втором. Читал их сам заведующий кафедрой математики доцент Протасов Алексей Михайлович. Замечательный мастер – педагог, своего рода поэт. Слушали его студенты с открытым ртом, даже не все понимая. Проводя доказательство какой-либо теоремы, он обычно повторял:

- «Это в высшей степени просто, но в тоже время интересно. Мы вносим это выражение в другое и получаем чудо!!!...».

Не зря он в филармоническом оркестре Консерватории был концертмейстером первых скрипок.

Новыми предметами были теория механизмов и машин (ТММ) (на языке студентов «тут моя могила»). Ее читали доценты Мышко – декан машфака и Воронковская Анна Петровна. Появилась также электротехника, лекции по которой читал доцент Кордюков, грубоватый отставной военный, практические занятия вел Альтшуллер. Лекции по гидромеханике читал доцент Золотов Сергей Сергеевич, а практику вел Ишаков Николай Николаевич, колоритная фигура, между прочим. Он был высокого роста, носил аккуратную бороду и был всегда с изящной тросточкой. Очень неравнодушен был к девушкам. Политэкономю вел импозантный доцент Демешков Г.Г.. Детали машин читал доцент Марков Владимир Георгиевич, практику вел старший преподаватель Дзень В.Г. Марков также был весьма интересный человек. Блестящий специалист, оригинальный лектор и замечательный, остроумный, ироничный человек. Внешне он казался очень суровым и не улыбочивым. Его монотонный голос не усыплял студентов, поскольку ему мастерски удавались периодические вставки каких-либо острот, отчего с некоторой задержкой в аудитории раздавался взрыв хохота. Сам же он оставался невозмутим. Как-то один из

студентов решил понравиться ему и показал купленную новую книгу по муфтам. В.Г. снял очки, поводил носом по страницам, отвернулся в сторону и, возвращая книгу, заметил:

- «Надо же, про такое г...о и столько написать...».

Ребят, занимающихся с лентой, обычно спрашивал:

- «Отец порет?...».

И в зависимости от ответа говорил:

- «Зря, пороть надо...», или же: «Мало, надо больше...».

При приеме курсовых проектов обычно по чертежу сразу определял любую ошибку в расчетах, или же неудачность конструкторского решения. Его выражение: «Хорошо-хорошо, а если его (редуктор) уронят, или я возьму за один конец, а Вы за другой, так он (или она – конструкция) у Вас сломается. Арифметику проверьте», - запомнили многие. Помню, один из студентов сдавал ему курсовой проект со сложным редуктором. В конструкции среди различных деталей предлагался переключатель с красивой рукояткой, на конце которой для удобства на резьбе ставился шарик. В.Г. спросил:

- «Это шарик? Блестящий?».

Получив утвердительный ответ, красным карандашом поставил крест на шарике со словами:

- «Не надо шарик, его мальчишка–пионер свернет, шарик же блестящий».

Под суровой внешностью скрывался отзывчивый и доброжелательный человек. После окончания последней лекции в аудиторию зашел один из наших студентов (Толя Баннов) и спросил В.Г.:

- «Вы Маркова не видели? Мне бы экзамен ему сдать надо».

На что В.Г. ответил:

- «Нет, не видел, но поищите, может быть и найдете, может быть и найдете...».

Экзамен незадачливый Баннов сдал ему на «хорошо». Поскольку я в тот период проявил интерес к теории зубчатых передач и сверх программы ознакомился с новым видом – зацеплением Новикова, то Владимир Георгиевич по завершению третьего курса пригласил меня поработать с четвертого курса у них на кафедре. Это лестное предложение нельзя было не принять, тем более полставки лаборанта давали в материальном плане хорошее подспорье.

Другим интересным и серьезным предметом была термодинамика. Ее читал очень грамотный доцент Нарезный Эдуард Георгиевич. Это на его лекции в начале пятого семестра со мной случился голодный обморок, поскольку в то время я был крайне ограничен в средствах, старался посещать все занятия,

выполнять в срок задания, и в отсутствии свободного времени не имел возможности подрабатывать на разгрузках. На третьем курсе у нас появились уже специальные предметы. Это, прежде всего, так называемые, конструкции. Вел их доцент Сухов Анатолий Николаевич. Мы называли его «добряк Сухов». Запомнилось, как ловко он балансировал указкой, рассказывая про динамику торпеды:

- Вот она идет, идет..., заглубляется и... зарывается, уходит под дно на Иссык-Куле, а там двойное дно и кто туда полезет...?

Сессии третьего курса для меня закончились на том же уровне, что и на втором.

После окончания третьего курса у нас была арсенальная практика в г. Балтийске, на территории бригады торпедных катеров Героя Советского Союза Ущева. Нас поселили в казарму, одели в «робы», силком заставили принять военную присягу, ходить строем на арсенал. Занятия с материальной частью вел капитан-лейтенант Самуров. Летние каникулы я снова провел в родной деревне и Кикнуре. Тогда я не предполагал, что буду последний раз в своем родном доме, последний буду у бабушки Кати и буду общаться с ней.

Четвертый курс мы начали впервые в нормальном режиме и начали учиться с сентября. К этому времени произошла перегруппировка студентов по специальностям. Мы всей общежитской троицей были определены в 347 группу. Группа была небольшая. В нее вошли Валя Белов, Володя Горшенин, Слава Денисов, Ивановы Люда и Муза, Маша Каменева, Алла Каяян, Нина Королева, Володя Курзенев, Вася Морозков, Мила Парамонова, Юра Пахомов, Юра Сергеев, Оля Середя и Люба Чугунова. Старостой группы назначили меня. Нам предстояло все больше изучать новые специальные дисциплины. Очень серьезной дисциплиной оказалась теория автоматического регулирования, которую читал доцент Юфимович Борис Борисович, человек безусловно талантливый, быстрый, резкий. На лекциях мы едва успевали следить за логикой его рассуждений и с трудом записать что-то в конспекте. В то время эта дисциплина утверждалась в нашей стране после реабилитации кибернетики. Специальную гидродинамику вел доцент Соловьев Виталий Иосифович, специальную динамику с теорией гироскопов - доцент Мотыльков Леонид Александрович с доцентом Савельевым Александром Гавриловичем. Последний вел практические занятия и решение любой задачи заканчивал одним и тем же вопросом:

- «Это всем ясно, или не совсем?»

Теорию стартовых установок преподавал доцент Цывкин Григорий Вульфович. Из общеинженерных дисциплин были подъемно-транспортное оборудование, которое вел доцент Кипарский Георгий

Ринеевич, импульсивный, молодящийся холерик с несколькими волосками на затылке; технология машиностроения, которую вели доценты опытный и расположенный к студентам Бердичевский Илья Яковлевич, мрачноватый, но добрый по натуре Муравьев Борис Иванович, энергичный Мамаев Николай Николаевич; допуски и посадки – доцент Фридман Борис Юльевич, умнейший, с тонким юмором педагог; организация производства – доцент Рябцева; строительная механика машин, читал лекции и вел практические занятия по которой специалист старой русской школы, профессор Искрицкий Дмитрий Евгеньевич. Студенты звали его «Князь». Это действительно был человек из аристократов. Благообразный, всегда безупречно одетый в черном костюме, с белой рубашкой и при бабочке, он производил сильное впечатление. Он никогда не позволял себе повыситься на кого-либо голос, говорил тихо. Не только в оборотах речи, но и во всем остальном чувствовалось соответствующее воспитание и дворянское происхождение. Например, комментируя защиту диссертации Воронковской А.П. на диссертационном совете в Москве, он сказал, что задающий вопросы московский профессор был «посрамлен». Чувство юмора у него тоже присутствовало, но выражалось оно своеобразно. Об этом говорит хотя бы такой эпизод. Старый профессор имел неважный слух и пользовался слуховым аппаратом, который у него всегда был в нагрудном карманчике пиджака вместе с белоснежным носовым платочком. Как-то раз у него заканчивался экзамен. В аудитории остался один студент. К этому времени на доске студент выписал все полагающиеся формулы к поставленным экзаменационным вопросам билета. Когда же «князь» подошел к студенту, чтобы выслушать ответ, то был обескуражен. Студент открывал рот, жестикулировал, изображал говорящего, но экзаменатор слов не слышал. Профессор постучал пальцем свой микрофон, пожал плечами, затем взял зачетку студента и, увидев в ней сплошные «уды», спросил:

- «Достаточно ли Вам «удовлетворительно»?».

Студент радостно закивал головой. Получив желаемую оценку, хитрец пулей выскочил из аудитории. «Князь» же, зайдя в преподавательскую и убедившись в исправности своего аппарата, с улыбкой заметил:

- «Я быстро понял все, но все-таки поставил студенту положительную оценку за догадливость».

Продолжалась и военно-морская подготовка. Теорию боевого применения торпедного оружия вел капитан 2 ранга Бобков Григорий Григорьевич, а эксплуатацию – капитан 1 ранга Тимофеев Борис Дмитриевич, «папа Шульц» как его звали студенты за

кажущееся солдафонство. На самом же деле он был добродушным и довольно неглупым человеком.

Зимние каникулы на этот раз были двухнедельными и снова по инициативе Юры Пахомова мы с ним и Вале́й Беловым по комсомольской путевке отправились в зимний культпоход по Ленинградской области. Переходы совершали на лыжах.

Во втором семестре я подготовил доклад по виброустройствам и представил его на институтскую конференцию СНО по рекомендации Бердичевского И.Я.. Каково же было мое удивление, когда оказалось, что доклад занял какое-то призовое место. Мне вручили приз с дарственной подписью проректора по науке профессора Моисеева А.А. в виде фундаментальной монографии Цыпкина Я.З. «Теория импульсных систем». Мне тогда казалось, что такими системами мне не придется заниматься. Однако, как говорится... «пути господни не исповедимы». Она оказалась для меня настольной через много лет, когда я волею судеб оказался в 14 Институте ВМФ и работал над диссертацией под руководством Перова В.П., коллеги автора монографии. Вместе с Цыпкиным Я.З. они считаются основоположниками этого научного направления.

И на четвертом курсе мне не удалось изменить традицию в каждой сессии недобирать чуть-чуть до повышенной. К этому времени я уже работал на кафедре у Маркова В.Г. и в материальном плане по тем временам чувствовал себя вполне уверенно. К тому же периоду относится и пик моего участия в общественной работе. Меня избрали в комсомольский комитет факультета и поручили курировать культсектор, поскольку я принимал участие в художественной самодеятельности. Наш оркестр народных инструментов в это время под руководством профессионального музыканта народника Алексеева Сергея Константиновича был одним из лучших в городе, а я был старостой этого оркестра. Секретарем комитета комсомола факультета был замечательный парень, старшекурсник Толя Посецельский. Надо сказать, что факультет в эти годы лидировал в институте по всем показателям. В институте на базе нашего факультета был организован студенческий эстрадный театр под руководством талантливого студента Саруханова Валерия. Факультет выигрывал конкурсы по организации и проведению студенческих вечеров художественной самодеятельности, смотров стенной печати (газета «Конструктор» и сатирическая газета «Аврал»). В общежитии на проспекте Стачек был открыт студенческий клуб «Корабел», где студенты – «конструктора» задавали тон. Тогда же я попытался образоваться в музыкальной грамоте и поступил на 2-х годичный Заочный университет искусств, который удалось закончить в срок и получить

документ. Одним из самых сильных впечатлений этого периода, конечно же, был полет первого космонавта Юрия Гагарина. Это был ясный солнечный день, когда в середине дня Левитан зачитал сообщение ТАСС. В одно мгновение все студенты и преподаватели сорвались с занятий, кричали «ура» и поздравляли друг друга. Пожалуй, четвертый и пятый курсы были самыми лучшими за все годы учебы. Это было время, когда мы, приехавшие из периферии, уже ощутили все прелести и красоту, великолепие культуры, спешили насладиться произведениями искусства, стремились быть в курсе всех новостей культуры. Приобретали абонементы в Консерваторию, «Мариинку», старались чаще бывать на спектаклях в БДТ, Театре миниатюр А. Райкина, ходить на выставки в Русский музей. Живо интересовались поэзией, посещали Лавку писателей, зачитывались В. Солоухиным, Р. Рождественским, А. Вознесенским, не пропускали ни одного номера «Литературной газеты», на вечерах в «общаге» пели песни Б. Окуджавы. В институте были свои поэты и композиторы. Так, Миша Петров написал музыку и слова песен «Ленинградец коренной» и «Первая любовь», а Валя Павленко музыку к эстраднему обзору. На студенческих вечерах исполнялись превосходные, сочиненные студентами юморески. Например, одна из них

Былина

Сказитель: Расскажу я вам былинку.
 Как во стольном было, во граде Питере,
 У Фонтанки реки, где Нева течет,
 Где Нева течет в море синее,
 В море синее, да во Финский залив.
 На берегу его ЛКИ стоит,
 Всяк, кто тут пройдет, тот поклонится.
 Красна девица прихорошится,
 Добрый молодец приосанится.
 Потому как здесь чудеса творят,
 Учат разуму корабельному.
 И не серая кукушечка кукует,
 Не звонит заунывный колокол.
 А играют гусельки яровчатые,
 Собирают они добрых молодцев.

Собирались в ЛКИ толпы шумные,
 Толпы шумные дипломантские.
 Как на кафедре, в назидание
 Приходили молодцы для задания.

Вот по леву рученьку дипломант стоит,
Коса сажень в плечах, во лбу вакуум.
 А по праву рученьку **профессор** сидит,
Семь пядей во лбу, остально живот.

Верховодит он дипломантами,
 Им заданья дает, надсмехается.

Профессор: *(сурово)*

Ой ты гой, еси, добер молодец!
 Дипломант, тудыть твою в кучу,
 Долго думать – то мне и некогда.
 Как скажу тебе, так и делать стать,
 Лыжи вострые велю наточить, наострить,
 Амуницию велю полну дать.
 И поди гуляй, добер молодец,
 Море Карское и Охотское,
 Море Лаптевых и Берингов пролив.
Ты поди туда – сам не зна куда,
Спроектируй то – сам не знаю что.
 Через полгода чтоб, здесь ответ держал.

Сказитель:

И пошел добер молодец закручинившись,
 Закручинившись, думу думати,
 Думу думати молодецкую.
 Как тут быть, как горю подсобить.
 Скоро сказка сказывается,
 Да не скоро дело делается

Вот и срок пришел, чтоб ответ держать

*Сцена: Актный зал, развешены плакаты, заседает
 комиссия, идет защита диплома*

Дипломант: Напридумывал я кучу нового, Кучу нового,
 кучу странностей.

Трубу черную, дымогарную
 Не коптила чтоб, взял – и вывел вниз.
 Пусть помочится...

(Дружные возгласы «Ух, силен подлец,, добер молодец!»)

Кавитации чтобы не было,
 Ламинарный слой не мешал бы стать
 Корабельный винт, винт трехлопастный
 Взял – и вывел вверх, пусть повертится.

(Дружные возгласы: «Ух, силен подлец,, добер молодец!».

Доклад закончен, члены комиссии задают вопросы

Вопрос: 1) Я от кафедры электричества.

Там, где свет горит, знать и ток идет.

Ты про ток скажи мысль разумную,

Добер молодец.

Ответ: Уходя гасите свет!

*(Возгласы «Силен подлец,, добер молодец,
дипломант, тудыть его в кучу!»)*

Вопрос2) Я от кафедры экономики.

Про деньгу скажи мысль разумную,

Добер молодец.

Ответ: Храните деньги в сберегательной кассе!

(Возгласы: «Ух, силен подлец, добер молодец»)

Профессор: *(зевает)* Пора шабашить, вторые петухи поют,
(дипломанту)

За труды твои, за диплом – проект

Дружно ставим «пять».

Сам ты питерский, аль приезж от коль?

Дипломант: С Канотопу я, с вольну городу..

Профессор: Ты женись, женись,

На квартире трехкомнатной.

Хошь к себе возьму,

Аспирантом буш?

Дипломант: С Канотопу я, с вольну городу

И туда пойду чудеса творить.

Профессор: Ну спасибо те, вот потешил мя,

Хошь пиджак – дарю!

С своего плеча,

И давай с тобой почеломкаемся!

Сказитель: И тогда, друг мой,

Был там пир горой.

Ну и я там был, вино бело пил,

Брагу красную, с винигретиком.

По усам текло, да в рот не попало,

Отрыгнулося...

Не хуже и другая, разыгранная на студенческой сцене
пародийная опера.

А без денег жизнь плохая...!!!

(ретро-опера)

Действующие лица:

Студент,

Стипендиальная комиссия:

Председатель – декан;

Члены комиссии:

- комсорг,

- профорг.

Хор мальчиков,

Ведущий.

Сцена из оперы «Студенты» образца 1959 года. Дается в концертном исполнении. Сцена является кульминацией оперы, и посвящается наиболее трагическому моменту в жизни студента, связанному с получением стипендии. (В те далекие времена, стипендию в размере 295 рублей на первом курсе в старом масштабе цен, при наличии удовлетворительных оценок присуждала стипендиальная комиссия в составе представителей деканата, комсомольской и профсоюзной организаций по предъявлению соответствующих справок.) В опере звучит музыка в алфавитном порядке: Бизе, Верди, Глинки, Гуно, Леонковалло, Россини, Рубинштейна, Чайковского, Вертинского, Стравинского, ..., Штафинского.

Сцена идет в музыкальном сопровождении Оркестра армянского радио и телевидения им. Стипендиарова под управлением дирижера – режиссера В.А. Саруханова.

ВЕДУЩИЙ: Маэстро! Увертюру!

(Исполняется увертюра)

ХОР МАЛЬЧИКОВ: (музыка Гуно из оперы «Фауст», сцена «Вальпургиева ночь»)

Жил студент один когда-то,
Очень даже тихо жил,
В институт лишь в день зарплаты
Аккуратно приходил.

В эти дни ему не снилось,
Что придет расплаты час...
А что дальше с ним случилось,
Вы посмотрите сейчас.

СТУДЕНТ: (музыка Бизе из оперы «Кармен», ария Торреадора)

О, друг студент, смелее,
Не торопись, приободришь,
Там стипендиальная комиссия
Вмиг решит судьбу твою,
И будешь счастлив ты,
Мой друг, смелей,
И будешь счастлив ты.

(стучится)

ДЕКАН: Войдите! Что Вам угодно?

СТУДЕНТ: Стипендию бы мне

ДЕКАН: Стипе-ха-ха! Стипе-ха-ха! Ха-ха...

СТУДЕНТ: Но я материально нуждающийся.

ДЕКАН: А справки есть?

СТУДЕНТ: (музыка Россини из «Севильского цирюльника», ария Фигаро)

Вот Вам пожалуйста,
Справка от мамочки,
Справка от папочки,
Справка от бабушки,
Справка от дедушки,
Справка от тетушки,
Справка от дядюшки,
Справка от девушки, вроде бы все.
Все я представил, что только мог,
Что только мог, что только мог.

КОМИССИЯ: Все он представил, что только мог.

ДЕКАН: Послушаем, что скажет комсомольский секретарь.

КОМСОРГ: (музыка Россини- ария Розины из «Севильского цирюльника»)

Все обсуждают, все голосуют,
Но все ж сачкам стипендию мы не дадим.
Траля-ля-ля! Траля-ля-ля!
Но все ж сачкам стипендию мы не дадим!

СТУДЕНТ: (музыка Чайковского из оперы «Евгений Онегин», ария Онегина)

О, сжальтесь, сжальтесь надо мною,
Я так ошибся, я так наказан!

ДЕКАН: Послушаем, что скажет профсоюзный командир.

ПРОФОРГ: (музыка Бизе из оперы «Кармен», ария Хабанеры)

Все напрасны мольбы и слезы,
Меня ничем нельзя пронять,
Неплательщикам членских взносов

Стипендию нельзя давать.

СТУДЕНТ: (музыка Верди из оперы «Риголетто», ария Риголетто)
 Пощады прошу,
 О, сжальтесь, стипендию мне дайте,
 Ведь все на свете она для меня!
 Стипендию мне дайте!
 Я на коленях вас молю...

ДЕКАН: Довольно! Слушать Вас мы больше не желаем.

СТУДЕНТ: (музыка Рубинштейна из оперы «Дубровский», ария Дубровского)
 Итак, все кончено, судьбой неумолимой
 Я осужден быть сиротой.
 Еще вчера имел я хлеб и кров родимый,
 А нынче встречусь с нищетой.
 (вынимает из кармана мелкие деньги)
 Вот все, что мне осталось – мало, мало!

ХОР МАЛЬЧИКОВ: (музыка Гуно из оперы «Фауст»)
 Слишком мало ты учился
 Слишком много ты гулял,
 И за все ты заплатился,
 Чтобы впредь не сачковал!

СТУДЕНТ: (музыка Леонковалло из оперы «Паяцы»)
 Смейся студент над разбитой судьбою,
 Смейся и плачь ты над горем своим.

ХОР МАЛЬЧИКОВ: (музыка Гуно из оперы «Фауст», ария Мефистофеля)
 Люди гибнут за металл, да за металл,
 Деканат поставит балл, поставит балл.
 Без стипендии пропал, совсем пропал...

ДЕКАН: Ха-ха-ха-ха-ха!!! О ха-ха-ха-ха-ха!!!

Жизнь была ключом, мы были убеждены в чистоте наших идеалов, не пропускали ни одной праздничной демонстрации, на которых с удовольствием распевали песни, танцевали и веселились. Наш факультет возглавлял один из лучших, деканов института Штафинский Борис Ильич, «Штаф» как любовно называли его студенты. Да и институт во главе с ректором Товстых Евгением Васильевичем был лидером среди вузов Ленинграда.

В середине мая 1961 г. я получил письмо из Казани, где к этому времени жили мои родители и брат, из которого узнал, что бабушка Катя, будучи в Кикнуре в майские праздники, умерла от сердечного приступа, не выдержав известия, что в Алканке сгорел ее дом, то-есть наш, со всем имуществом. Это было для меня большим ударом. Пожар в Алканке унес почти половину деревни. Нить, непосредственно связывающая меня с родной деревней, прервалась. Предстоящие летние каникулы уже не обещали мне желанных встреч со школьными друзьями.

Июль месяц мы, торпедисты, провели на военно-морских сборах в Североморске и в Полярном. В Североморске две недели были на плавбазе подводных лодок «Дмитрий Галкин», а остальное время в Полярном, на дизельных лодках проекта 613.

На каникулы мне пришлось поехать к родителям в Казань, где я раньше никогда не был. Знакомился с городом, посещал знакомых моих родителей, которые выехали из наших мест ранее и обосновались там. Город не произвел на меня хорошего впечатления. Особенно его окраины, хотя центральная часть города от Кремля с улицами Баумана и Ленина выглядели достаточно прилично.

Пятый курс снова начался с колхоза. На это раз нас отправили в совхоз Кайболово Волосовского района. Под столовую оборудовали какую-то часовенку, водрузив вывеску «Каравай – сарай «Два ишака»». Снова во всем блеске проявил себя Женя Петухов, взяв на себя функции главного организатора камбуза и его интерьера. Мне на этот раз снова, как знакомого теперь уже с сельхозтехникой, поручили управлять картофелекопалкой, буксируемой трактором. Меня определили в помощники трактористу, некому Шилову. Я должен был регулировать работу прицепной картофелекопалки. На сей раз погода стояла отменная, а поэтому проблем с копкой картофеля практически не было. Единственный дискомфорт заключался в сварливом характере тракториста. В этот раз весь пятый курс факультета был вместе, да и мы уже изменились, поэтому время прошло быстро и незаметно.

На занятиях перечень специальных дисциплин стал определяющим. Как говорят «в бой вступили основные силы». Появились такие дисциплины, как ракетные двигатели (лектор профессор Шевело Александр Игнатьевич, заведующий кафедрой), специальная физическая химия (лектор доцент Пospelов Николай Александрович), электрические двигатели подводных аппаратов (лектор доцент Горбунов Валентин Дмитриевич), теория специальных турбинных установок (лектор доцент Ушенин Лев Николаевич), общее проектирование (лектор доцент Сухов

Анатолий Николаевич), теория неконтактных систем (профессор Аграновский Константин Юльевич), теория неконтактных взрывателей и систем самонаведения (лектор доцент Рогожников Константин Иванович), теория взрывов под водой (лектор доцент Иконников Игорь Борисович), атомная энергетика (лектор профессор Шваб Георгий Ильич), специальная технология (доцент Фридман Борис Юльевич), счетно-решающие устройства и ЭВМ (старший преподаватель Таут Станислав Константинович). Специальные дисциплины воспринимались легко и с интересом. Да и отношение преподавателей к нам заметно изменилось. Мы это чувствовали. Продолжалась и военно-морская подготовка. Помимо организации обеспечения в этом направлении нам давали минно-тральное оружие. Преподавал его известный в минном деле профессор Гейро Абрам Борисович. Кроме того, по той же военной кафедре нам дали небольшой курс по теории корабля (капитан 2 ранга Смирнов и капитан-лейтенант Анихнов). Из общеинженерных дисциплин нам был дан курс электрических измерений неэлектрических величин. Вел его солидный доцент Аристов Е.М.. Обязательным был курс по экономике. Его нам прочитал доцент Робинзон - Крузо Олег А. (отчество точно не помню). И, конечно же, какая-то из общественных дисциплин, вроде культурологии, тоже была. Ее вела молодящаяся Вьюнова Ия Николаевна. Она очень старалась расположить к себе студентов и пыталась всех студентов называть только по сокращенным именам. Студенты пользовались этим и часто подстраивали различные каверзы. . Например, вспоминается такой эпизод. Ия Николаевна задает какой-то вопрос группе:

- Кто скажет, почему происходит ...то – то..?.

Студенты указывают на Валю Дмитриева (подпольная кличка Вася) и шепчут: «Ва-а-ся!». Она подходит к Валентину и предлагает ему ответить:

- Ну, скажите, Вася.

Реакция группы была адекватной ситуации.

Выпускающей кафедрой у нас была кафедра № 30, заведовал которой доктор технических наук профессор Шевело Александр Игнатьевич. Это был широко известный и уважаемый в научном мире специалист. Еще в тридцатые годы за разработки новой техники он был награжден орденом Ленина (с номером в первой десятке). Высокого роста, спортивного вида в свои семьдесят он практически не пользовался лифтом и легко шагал по лестницам через ступеньку. Очень внимателен и снисходителен был к женскому полу. На лекциях постоянно интересовался:

- «Девушки, вам ясно? Вам ясно? Вот там девушка, которая подперла щечку кулачком, Вам тоже ясно?».

И возвращаясь к кафедре, мимоходом бросал:

- «Ну а мальчиков я и не спрашиваю, если девушкам ясно».

На экзамене у него все девушки получали только хорошие оценки. Состав кафедры был тоже достаточно сильный. При кафедре работало конструкторское бюро, выполняющее различные заказы по разработке специальной техники.

В первом же полугодии я стал задумываться уже о теме дипломного проекта и попросил Пospelова Н.А. подобрать для меня интересную перспективную тему, принципиально новую, а также быть моим научным руководителем. Николай Александрович согласился. К этому времени я твердо решил, как можно глубже разобраться с теплотехникой, технической газодинамикой и теорией реактивных систем. С начала сентября я начал формировать свою собственную техническую библиотеку.

После зимней сессии нам полагалась преддипломная практика. Меня и Сашу Щелканова пригласили поработать в конструкторском бюро кафедры № 30, где работала группа молодых талантливых инженеров Филиппов Джон, Боженков Юра, Таманов Витя, Меркурьев Игорь. Мы, естественно, согласились. С большим сожалением пришлось распрощаться с лабораторией Маркова В.Г. Но перспектива интересной работы по военной тематике казалась куда более захватывающей. В.Г. отнесся к моему уходу с пониманием. Как раз в это время мы формировали фотомонтажи для выпускного альбома. Мне было поручено предложить Маркову В.Г. сфотографироваться в специальной фотомастерской для нашего выпускного альбома. На мое обращение он сначала отказывался, но потом нехотя согласился. Когда же через неделю я встретил его, он, увидев меня, заявил:

- «Наконец-то я и вспомнил, чего я забыл. Ну а теперь, скорее всего, и поздно уже».

Я очень сокрушался, тогда он смягчился и обещал все-таки сфотографироваться, но в близком от своего дома фотоателье, добавив, что на этот раз не забудет, поскольку скажет об этом жене.

Во время преддипломной практики нам пришлось заниматься монтажом аппаратуры в мастерских, расположенных в подвальных помещениях факультета. Затем со специальной аппаратурой нас отправили на испытания в Феодосию (пос. Орджоникидзе), где располагался испытательный полигон. Поездка оказалась интересной и приятной. Это было летнее время. Мы полностью вкусили прелести Черного моря и южной крымской экзотики.

По результатам заключительной сессии четверка по ВМП красовалась на фоне пятерок в моей зачетке. Тем не менее, зам декана по пятому и шестому курсам Гаврилов Александр Николаевич настоятельно порекомендовал мне пересдать одну дисциплину, чтобы я мог претендовать на диплом с отличием. Я взял направление и сдал экзамен по электротехнике заведующему соответствующей кафедрой на пятерку. Это был последний экзамен в «Альма-матер».

Пришло время распределения. Всем иногородним не «светило» остаться в Питере, хотя мы его хорошо узнали и привыкли к нему, вобрали дух этого удивительного города с замечательными культурными традициями и возможностями для самореализации, культурного и научного роста. Я попал в поле зрения представителя космической «фирмы» Челомея В.Н. из Подмосковья и был распределен в Реутово вместе со Славой Денисовым, с которым мы сблизились и подружились на пятом курсе. Однако осенью 1962 года обстановка в стране изменилась и это распределение, как и варианты с аспирантурой реализовать не удалось. Во время работы над дипломом нам уже присвоили звания офицеров запаса и через военкомат пригласили пройти медицинскую комиссию на предмет определения категории годности. Ничего не подозревая, мы прошли комиссию, не придав ей значения. Каково же было наше удивление, когда по завершении комиссии военком объявил нам, что нас призывают на кадровую военную службу. Никто из нас на это согласия не давал, и мы тогда всерьез такое заявление не приняли. Мы еще надеялись, что институт и организации, куда нас распределили, не допустят такого хода событий. Поэтому продолжали интенсивно работать над дипломными проектами. В начале февраля начались защиты дипломных проектов. Процедура защиты является довольно волнительной. Сначала проходила предзащита на кафедре, а затем защита уже перед большой комиссией. Сильное волнение особенно сказывалось в начале доклада и вначале процедуры с вопросами. На защиту приглашались преподаватели и студенты. Дипломанты вели себя, конечно же, по-разному. Например, дипломанту Саше Спехову один из членов комиссии задал вопрос:

- «Что Вы можете сказать о втором разложении по Хевисайду?».

Дипломант, одетый по случаю защиты в черный отутюженный костюм с белой рубашкой и при модном галстуке, выдержал паузу, снял очки в шикарной оправе, протер их белоснежным платочком, надел очки, прошелся перед плакатами, посмотрел на члена комиссии, задавшего вопрос, и сказал:

- «Вы знаете, ничего не могу сказать».

Другой дипломант, Боря Прудинский, на легкий вопрос отреагировал иначе. Он ответил:

- «Прошу задавать вопросы по существу».

Моя защита была назначена на 22 февраля. Научный руководитель многое дал мне своими советами и рекомендациями, и тогда казалось, что я уже кое-чего достиг. Но мой рецензент Розенфельд при обсуждении результатов дипломного исследования показал, что это не совсем так, что остается еще много вопросов. Хотя рецензия была очень хорошая с отличной оценкой и рекомендациями на дальнейшие исследования, это для меня был еще один хороший урок на будущее. Защита прошла по плану, и решением комиссии я был рекомендован для поступления в аспирантуру. Мне полагался красный диплом. Через день объявили, что распределение аннулировано и нам не выдадут дипломы, если мы не сдадим паспорта. Стало известно, что 20 февраля 1963 года Министром Обороны СССР подписан приказ о присвоении сорока пяти выпускникам конструкторского факультета ЛКИ воинского звания «инженер-лейтенант» с одновременным призывом на действительную военную службу. В список попал и я. В нем не было тех из нас, кто не подходил по состоянию здоровья, был женат или имел взыскания по комсомольской линии. Поэтому в список не попали мои студенческие друзья Юра Пахомов и Слава Денисов. Не было в списке и тех, у кого нашлись «защитники». А у нас, попавших в этот список, все иллюзии о реализации карьерных высот на гражданском поприще отпали. Благие пожелания и планы остались позади. Ситуация кардинально изменилась!

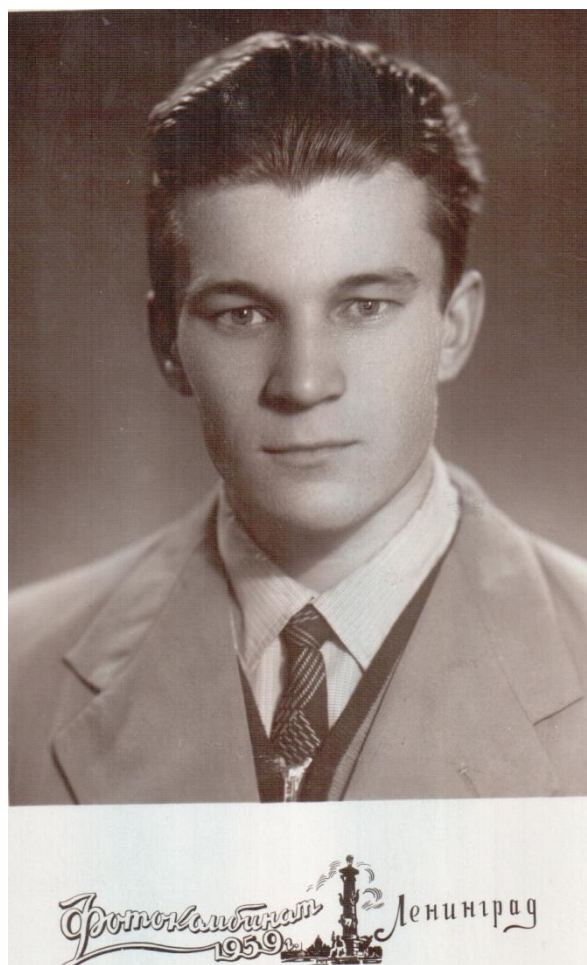
Абитуриент Курзенов В.А. с двоюродными сестрой Раей и братом
Валентином

На даче в Репино. Слева Вася Морозков, 1958 год

На каникулах, у родного дома в деревне. Лето 1958 год. Слева мама, справа бабушка Катя, рядом сестра Лия

Студент 3-го курса ЛКИ

Август 1959 года. Алканка. С сестрой и братом

Дружная трехместка в общежитии. Одногоруппники и друзья Володя Курзенев, Юра Пахомов и Вася Морзков. 1959 год

Летний культпоход по Карельскому перешейку, 1959 год

И в зимние каникулы приятно участвовать в культпоходе по Ленинградской области, 1960 год

На военно-морских сборах в Североморске. Плавбаза Северного флота «Дмитрий Галкин», справа Толя Грицаенко. 1961 год

На сборах в Североморске, 1961 год, справа Горшенин В.С.

Третий колхоз за время учебы в институте. Кайболово, 5-й курс, 1961 год

Свадьба у студенческих друзей Игоря Ямалутдинова и Любы Эйсмонт,
1962 год

Группа 367 перед дипломным проектированием, 1962 год, садик напротив
факультета (пр. М. Горького,5)

Институт окончен, диплом защищен, 1963 год

Декан факультета, профессор Штафинский Б.И.

Мои учителя: заведующий кафедрой №30 профессор Шевело А.И.

Профессор Шевело А.И. в рабочем кабинете

Профессор Искрицкий Д.Е. – «князь»

Доцент Марков В.Г.

Доцент Фридман Б.Ю.

Доцент кафедры №30 Сухов А.Н.

Доцент кафедры №30 Соловьев В.И.

«Оморячивание»

При выдаче дипломов нам объявили, что одну группу из нас (торпедистов) направляют на Курсы офицерского состава в Высшее Военно-Морское училище подводного плавания им. Ленинского Комсомола, а другую (минеров и электриков) в Высшее Военно-Морское училище им. Фрунзе. Я попал в первую группу. Кроме меня в нее вошли Толя Артемьев, Володя Бедняков, Валя Белов, Володя Горшенин, Володя Гричевский, Толя Грицаенко, Дима Иванов, Миша Каплан, Олег Круглов (Вексман), Вася Морозков, Валя Некрасов, Слава Панфилов, Давид Раксин, Володя Софронов, Саша Спехов, Валя Фещенко, Витя Филиппов и Саша Щелканов. В конце февраля всех новоиспеченных лейтенантов пригласили в Кировский военный комиссариат Ленинграда, где военком вручил каждому предписание прибыть во ВВМУПП и ВВМУ для прохождения военной службы в должности слушателей КОС. По прибытию в училище на Лермонтовском проспекте с нас сняли мерки для пошива форменной одежды и полной экипировки, после чего предоставили полагающийся нам отпуск. У нас был целый месяц для того, чтобы осознать, что же произошло и, в какой-то степени, прийти в себя. Месяц март прошел довольно быстро. Я за

этот период побывал у родителей в Казани, навестил родственников в Кикнуре – Барановых, Корякиных, Пономаревых. К окончанию отпуска я так и не осознал до конца серьезность изменения в моей жизни и по молодости даже чувствовал какой-то подъем перед неизвестностью и предчувствием новых впечатлений. Казалось, что еще десять месяцев пробудем в Ленинграде уже материально обеспеченными людьми. Это не так уж и плохо. А дальше, ... может повезет, и нас как специалистов с приличной инженерной подготовкой далеко не отправят, ну может быть направят в военный научно-исследовательский институт или в военную приемку. Через десять месяцев эти иллюзорные надежды рассеются как дым.

В последней декаде марта (где-то числа 20 - 25) мы прибыли в назначенное время во ВВМУПП. Училищем тогда командовал Герой Советского Союза, вице-адмирал Египко Николай Павлович, отличившийся еще по войне в Испании. Начальником курсов был назначен известный подводник, Герой Советского Союза, капитан 1 ранга Стариков Валентин Георгиевич. Впоследствии он был начальником ТОВВМУ во Владивостоке и дослужился до вице-адмирала. В 1963 году он занимал должность начальника второго факультета ВВМУПП, при котором в это время и были организованы наши специальные курсы. По прибытию нас экипировали, затем собрали в одной из аудиторий и объявили регламент, которого мы должны строго придерживаться. Представили учебные программы дисциплин, начальника выпускающей кафедры «Торпедное оружие», объявили порядок организации изучения и освоения дисциплин, ознакомили с правилами поведения в училище и с условиями проживания молодых офицеров, не имеющих жилой площади в Ленинграде. Последних оказалось восемь человек, то-есть те из нас, кто до этого жил в общежитии. Это Володя Бедняков, Валя Белов, Володя Горшенин, Володя Гричевский, Толя Грицаенко, Вася Морозков, Володя Софронов и я. Всех восьмерых поселили в огромную комнату в административном корпусе училища на втором этаже. Желаящие могли снимать жилплощадь за свой счет. Но мы не были избалованы хорошими условиями, поэтому спокойно приняли и такие условия, тем более, что мы хорошо знали друг друга по совместному проживанию в общежитии. С учетом своих приоритетов мы расставили соответствующим образом койки и тумбочки.

Учебный план был составлен таким образом, что обучение предусматривало два этапа на базе училища, а между этапами двухмесячная практика на базе полигонов и арсенала. Большинство учебных дисциплин практически нам были знакомы по институту,

поэтому учеба была для нас легкой забавой. Здесь добавлялся только эксплуатационный аспект, и отрабатывались практические навыки приготовления конкретных, принятых на вооружение изделий. Другими словами, нам дали в большем объеме тот материал, который мы изучали в институте на ВМП. Конечно, добавились общие военно-морские дисциплины, которые составляют морскую культуру офицера. Но они не представляли особого труда, а потому для усвоения учебного материала нам было вполне достаточно аудиторных часов.

Старшим среди нашей группы был определен Вася Морозков как единственный из нас, прошедший срочную военную службу до поступления в институт.

Начальником выпускающей кафедры был капитан 1 ранга Тихонюк Денис Федорович. Он вел у нас системы самонаведения торпед. Доцент кафедры капитан 1 ранга Глазунов Борис Дмитриевич - электрические торпеды, капитан 2 ранга Шугайло Дементий Дементьевич - парогазовые торпеды, капитан 2 ранга Никольский - неконтактные взрыватели торпед, капитан 2 ранга Холупко Адам Архипович - торпедный боезапас, капитан 1 ранга Стоянов – ПУТСы, капитан 3 ранга Ходырев – торпедные аппараты. Обеспечивали исправность учебной техники два мичмана, Хмелевский Петр и Пасынков Павел (Петя и Паша). К занятиям были привлечены и другие, общие кафедры. Капитан 1 ранга Кузьминский вел теорию живучести корабля, капитан 2 ранга Попов Игорь Павлович – тактику ВМФ, капитан 2 ранга Жаров – морскую практику, капитан 1 ранга Анциферов Александр Алексеевич – партийно-политическую работу. На нас самое большое впечатление произвел доктор военно-морских наук, профессор, капитан 1 ранга Сутягин Павел Григорьевич, который читал нам педагогику и психологию. Он поражал нас своей эрудицией, демократичностью, доброжелательностью и общей культурой; был любимцем и у курсантов, относился к ним по-отечески.

Был еще у нас такой предмет, как военная администрация. Его вел какой-то чудаковатый, невзрачный черный полковник. Содержание предмета было неоднородным и фрагментарным, поэтому относились к нему с некоторой иронией. Конечно, была строевая подготовка, стрелковая и уставы. А как же без них? Вот этим всем мы и занимались в два этапа. Первые четыре месяца прошли быстро. Здорового интереса и мотивации к учебе не было. Объяснялось это просто, ведь никто из нас добровольного согласия на военную службу не давал, о чем у каждого было записано в личном деле. Кстати сказать, такая запись сопровождала нас всю последующую службу, а в кадровых органах этому факту

придавалось большое значение при назначениях на должность и продвижении по службе. В то время мы об этом не думали. Мы пребывали в каком-то трудно объяснимом состоянии. Просто решили «куда кривая вывезет». Никто из нас тогда не протестовал, не пытался говорить о своих правах. Мы считали, что, по-видимому, так надо для страны, хотя внутренне испытывали психологический дискомфорт. Один Миша Каплан мастерски изображал из себя больного человека и "бил на комиссование". Как оказалось, у него были хорошие консультанты по медицине. Он не посещал занятий, а несколько раз ложился в госпиталь с высоким давлением. Ему, наконец, удалось уволиться по болезни. Нам тогда казалось неприличным такое поведение, поскольку симуляция была откровенная. Впоследствии он один из первых эмигрировал в Израиль, и связь с ним наших выпускников полностью прервалась.

Свою жизнь даже на период больше полгода мы не прогнозировали, а пока нам предстояла летняя практика с выездом на юг, и казалось, что все образуется. В середине июля наша группа отправилась в Пржевальск на испытательный полигон. От кафедры руководителем группы был назначен капитан 1 ранга Глазунов Б.Д. Он был хороший специалист и симпатичный человек, напрочь лишенный какого-либо чванства и солдафонства. Мы его глубоко уважали за это. В процессе практики мы убедились в его высоких человеческих качествах и хороших организаторских способностях. В Пржевальск мы добирались сначала железной дорогой до Алма-Аты, затем самолетом до города, после чего автобусом до поселка Пристань на берегу озера Иссык-Куль, где расположен полигон. Нас там расселили по небольшим комнатам. Знакомство с полигоном и с испытываемыми новыми изделиями проходило в рабочее время, а в остальное время нам можно было отдыхать на пляже удивительного озера, вечером - в клубе. За этот месяц мы набрались новых впечатлений, хорошо отдохнули, и как-то совсем исчезло беспокойство и, наоборот, создается ощущение, что все идет не так уж и плохо. В августе мы отправились сначала самолетом до Алма-Аты, затем поездом до Севастополя. В Севастополе познакомились с организацией работы минно-торпедного арсенала, с техникой приготовления торпед, стоящих на вооружении флота. Возможности для отдыха тоже были хорошими. Эти два месяца практики и последующие четыре месяца учебы в комфортном режиме настроили нас на оптимистический лад. Однако некоторые моменты меня все-таки насторожили. Мы с Сашей Щелкановым решили, что пора позаботиться о повышении своего научного и культурного уровня и ко времени окончания курсов каким-то образом подготовить себя к поступлению в аспирантуру (адъюнктуру) или

сделать для этого какой-то задел. Самым простым вариантом, как нам казалось, было бы поступление на заочное отделение матмеха ЛГУ. Однако, не тут-то было! Если для гражданских людей такой вариант реализовывался практически автоматически, то для военнослужащих это было совершенно иначе. Вся их жизнь регламентируется уставами и приказами. А мы еще к этому были не готовы и не знали, что такое «тяготы службы». В соответствии с одним из Приказов Министра Обороны СССР, для обучения в гражданских вузах офицеру необходимо по мотивированному ходатайству командования получить разрешение от Центральных Управлений родов Вооруженных Сил. Наши рапорта и варианты ходатайств в училище просто проигнорировали и положили «под сукно». Попытка рассмотреть вариант обучения в заочной аспирантуре ЛКИ тоже завершилась ничем. Мы не имели права поступать и в Военно-Морскую академию. Перед государственным выпускным экзаменом в училище стали известны предполагаемые места нашей службы. Здесь нас ждало серьезное разочарование. Не было мест в военно-морские исследовательские институты (а мы надеялись...), не было мест и в военную приемку (назначение, куда нам казалось наиболее логичным), а были места «в распоряжение» флотов. Одно место выделено на Черноморский, одно - на Балтийский, остальные - на Северный и Тихоокеанский флоты. Мы предварительно между собой договорились, кто куда поедет. Я отдал предпочтение Балтийскому флоту с учетом того, что в этом случае легче всего можно реализовать мои намерения с дальнейшей учебой и аспирантурой. Вторым приоритетом я выбрал почему-то ТОФ. Скорее всего, потому, что там раньше не был и во мне оставался дух романтики. Почему-то был уверен, что мои круглые «отлично» сыграют на этот раз. Однако этого не произошло. От «моего» балтийского места не отказался мой товарищ Вася Морозков, который как староста мог выбирать, хотя ранее он утверждал, что ему все равно куда. Для меня это был большой удар. Ведь так поступил мой товарищ, с которым мы были в дружбе. Он бывал у нас, в Казани, а я у них, в Зеленодольске. У меня не осталось выбора, какой-либо поддержки я не имел в отличие от некоторых. На Черноморский флот поехал Володя Софронов, а на дополнительное место при персональном запросе Саша Щелканов (в Очаков). Появилось дополнительное место и для Олега Круглова (Вексмана) на Балтике, в Риге. Слава Панфилов таким же порядком получил место на Ладоге. Государственный экзамен я сдал на «отлично», и только мы вдвоем с Сашей Щелкановым получили выпускной документ, не потеряв ни одного балла. Но это уже ни на что не влияло. В январе 1964 года мы получили предписания «убыть

к новому месту службы» и распрощались с училищем. Для меня впереди был Тихоокеанский флот, Владивосток и полная неизвестность.

Родине нужны молодые офицеры на флоте, 1963 год

Выпуск КОС при Училище подводного плавания, 1964 год

Служба на ТОФе

В начале февраля 1964 года мы прибыли в Управление кадров Тихоокеанского флота с формулировкой «в распоряжение». Вместе с нами там оказались и наши товарищи после КОС при ВВМУ им. Фрунзе. Так что компания молодых офицеров оказалась приличная. Это были Валя Белов, Володя Горшенин, Толя Грицаенко, Володя Гричевский, Гена Евдонин, Володя Курзенев, Фред Лакштанов, Валя Некрасов и Игорь Сорокин. Нас там не особенно-то и ждали. К тому времени мы уже начали осознавать, насколько важен предстоящий этап назначения. Все хотели назначения в льготные районы. Особенно на Камчатку. И самое главное в таком назначении – через определенное время право выбора места дальнейшей службы и на перевод в центральную часть Союза. В этом и в других смыслах самым привлекательным местом была именно Камчатка. Туда получили места ставшие семейными офицеры: Горшенин, Гричевский, Евдонин и Сорокин, а также настойчивый и юридически хорошо подготовленный Лакштанов. Семейные Грицаенко и Некрасов получили назначение в Советскую гавань, тоже льготный район, но уступающий Камчатке. Нам с Вале́й Беловым «не светило»... Я попытался воспользоваться письмом начальника НИРИО ВВМУПП капитана 1 ранга Верховцева Михаила Федоровича к его однокашнику начальнику МТУ ТОФа капитану 1 ранга Бродскому, но в это время он отдыхал в санатории, а его зам Аксенов никак не отреагировал на это личное письмо. Тогда я решил реализовать другой вариант и попросил назначить меня в воинскую часть, где по имеющейся у меня информации эксплуатировались изделия, разработанные в КБ кафедры № 30 при ЛКИ, с которыми мы занимались еще на преддипломной практике. Мне было известно еще в ЛКИ, что такая часть на Востоке есть. Тогда я считал, что служба в такой части позволит мне сохранить связи со своей «Альма-матер» и реализовать рекомендацию ГЭКа с аспирантурой. Управление кадров флота взяло «тайм-аут». В течение месяца я ждал назначения, знакомясь с Владивостоком и его достопримечательностями. Проживал в гостинице КЭЧ в двухместном номере. За это время получил назначение и отправился в бухту Владимира Валя Белов. Это было очень глухое место, которое называли «Ракушка» и льготы там были незначительные. Мой сосед по гостинице старший лейтенант авиации Толя Глевич проходил во Владивостоке какие-то краткосрочные курсы. Однажды он пригласил меня на выходные в свой гарнизон. Когда я спросил:

- «Где это?», - то он ответил:

- «Да тут рядом».

Это «рядом» оказалось километров 200-300, в городе Арсеньев, где дислоцировалась авиационная часть. Дорога оказалась очень сложной. Главным образом потому, что местность сильно пересеченная. Сопки чередовались с низинами, подъемы со спусками, да и микроклимат постоянно менялся. Выходные мы провели замечательно, в кругу молодых офицеров с женами. Мне было очень приятно, что так тепло принимают летчики моряков.

Наконец я получил назначение в в/ч 59190. Оказалось, что эта часть находится на острове Русский. Было указано время и место во Владивостоке, где меня встретит будущий начальник, капитан 2 ранга Коннов Петр Иванович. Первая встреча произвела на меня благоприятное впечатление. Капитан 2 ранга приветливо заулыбался и пожал мне руку, затем рассказал, как пройти на 35-й причал для посадки на большой дизельный катер «Шантар», образно описал офицера, который меня ждет («в будке Вас будет ждать «будка»»), а сам заторопился по делам службы. Тогда он показался мне довольно демократичным и я подумал, что все складывается как надо. На причале действительно выделялся своей внешностью капитан-лейтенант. Мы познакомились, его звали Толя Опекунов. Катер был рейсовый и ходил по расписанию. Пассажиров было достаточно. Среди них, естественно, военные и гражданские. Перед отходом от причала катера появился (теперь уже и мой) командир, быстро спустился в каюту, оставив нас вдвоем. Катер просигналил отправление и направился к мысу Поспелов на о. Русский. Примерно через минут сорок пять он пришвартовался к причалу острова. Уже темнело, и рассмотреть местность на острове было трудно. Мы вышли, появился командир и пригласил нас к машине, которая стояла у причала. Командира было трудно узнать, он весь преобразился. Куда девалась демократичность и простота? Это уже был суровый, властный и недоступный человек, который таким и оставался для всех своих подчиненных до его перевода сначала на Кубу, а затем в Москву. Надо заметить, что он был требовательным и справедливым. У меня до сих пор перед глазами это превращение. Он резким голосом скомандовал водителю:

- «Басалаев! Ко мне!».

Матрос-водитель строевым шагом подошел к нему и доложил о готовности машины. Мы сели в машину и поехали по извилистой лесистой дороге, проходящей через сопки. Примерно через полчаса машина привезла нас в бухту, расположенную с другой, южной стороны острова. Было уже темно, но бухта освещалась сильным прожектором. Хорошо просматривался пирс, стоящий у пирса корабль типа ВМ, в укрытой со всех сторон сопками лощине с одной

стороны торцом к береговой линии гараж и складские помещения, поодаль большое двухэтажное здание, с другой – небольшие одноэтажные постройки. Это и была в/ч 59190. Мы въехали на территорию части. Оказалось, что в большом здании располагались штаб, казармы с матросами, спортивный зал и производственные помещения с боевой техникой. В одном из зданий, расположенных напротив главного на расстоянии примерно метров 150, был камбуз (столовая), в другом – баня, в трех других – квартиры офицеров. Командир предложил мне поселиться в одну из квартир, в которой проживал холостой офицер и после согласия распорядился отвести меня в эту квартиру. На следующий день в восемь часов утра я должен был уже присутствовать на подъеме флага, как того требует морской распорядок дня. Холостым офицером оказался врач, капитан Волков Анатолий Васильевич. Встретил он меня радушно, а когда узнал, что я с институтской скамьи из Питера, то разговоров было на всю ночь. Оказалось, что он из Ленинграда, закончил Военно-морской факультет 1-го Медицинского института им. Павлова и уже 10 лет служит в этой части. Я начал прозревать, куда же попал. Это была специальная, боевая часть с отборным личным составом – боевыми пловцами и где был установлен жесткий строевой порядок. Но у меня еще сохранялась надежда, что мое дело будет связано только со специальной техникой.

На следующий день после подъема флага меня представили офицерскому составу как назначенного на должность инженера части. Должность была капитан-лейтенантская и по местным меркам это считалось престижным. Офицерский состав особого впечатления на меня не произвел. Но я сразу же обратил внимание на некоторую напряженность в коллективе. Она исходила от начальника штаба – «старпома» капитана 2 ранга Клименко Василия Никифоровича. Это был плотный, среднего роста брюнет с густыми черными бровями, серыми злыми глазами и квадратным подбородком. Про таких говорят на флоте: «Служба подводников тяжелая, но хохлы сделали ее невыносимой» (из Авринского А.В.). В справедливости этих слов мне пришлось убедиться. Это был настоящий солдафон-службист. Всех офицеров называл только по званию и фамилии, не терпел возражений, ловил каждое слово командира и рьяно выполнял все его указания. В кулуарах про него офицеры говорили:

- «Всем выворачивает матку наизнанку».

Позднее я познакомился со всеми офицерами и узнал их поближе. Из старших офицеров это были капитан 3 ранга Попов Владимир Степанович, старший водолазный специалист, капитан 3 ранга Полежаев Альбин Сергеевич, старший специалист по радиоразведке, капитан 3 ранга Суворов Анатолий Петрович, зам.

командира по политчасти. Из младших офицеров были капитан-лейтенант Криковцев Алексей, старший офицер-инструктор, капитан-лейтенант Опекунов Анатолий, командир 2-го отряда, капитан-лейтенант Степанов Евгений Иванович, старший инженер, капитан Волков Анатолий Васильевич, начальник медицинской части, капитан Галкин Альберт Сергеевич, начальник МТО и лейтенант Пьянов Николай Николаевич, командир 1-го отряда. Был еще старший лейтенант Губарев Анатолий (отчество точно не помню), командир ВМ. Впоследствии в связи с увольнениями и переводами Попова В.С. заменил капитан 3 ранга Лалетин Владимир Иванович, Полежаева А.С. – капитан 3 ранга Бакшеев, Степанова Е.И. – капитан 3 ранга Янчук Василий, Галкина А.С. – лейтенант Петров Николай Николаевич, Волкова А.В. – старший лейтенант Волков Геннадий Михайлович. Из группы сверхсрочнослужащих своеобразным казался предпенсионного возраста мичман Перминов Яков Иванович, маленького роста, полный, с испуганными глазками, напоминающий оловянного солдатика, но по своей сути порядочный и добрый человек. Когда я вспоминаю его, то на память всегда приходит эпизод, произошедший на парашютно-десантных сборах в 1965 году. Тогда мичману Перминову было поручено следить за состоянием дисциплины матросов. Сборы проходили в поселке Романовка, где, естественно, были соблазны для брызжущих здоровьем молодых парней. Так, на утреннем построении командир получил от мичмана доклад и с суровым выражением лица спросил:

- «Все ли здесь?»

Мичман испуганным голосом, коротко:

- «Так точно».

Командир:

- «А все ли?»

Мичман:

- «Так точно».

Командир спрашивает дальше:

- «А Вы проверили?»

Тогда мичман от испуга закатил глаза и отчаянным голосом выкрикнул:

- «Тро-о-опин!».

Из строя раздался недовольный густой бас:

- «Я а-а».

Мичман повернул голову к командиру и выдохнул:

- «Все».

Раздался дружный взрыв смеха, смеялся и командир. Мичман, видя, что начальник смеется, успокоился и через доли секунды заулыбался сам.

В ведении мичмана Перминова Я.И. была фотография и обеспечение всей оформительской работы. В целом офицерский и мичманский состав представлял собой неплохой коллектив.

После представления на собрании офицеров для принятия дел и вступления в должность мне дали три дня. Дела сдавал техник-лейтенант Григорьев (он переводился в другую часть). В функции инженера части входило не только содержание и приготовление средств передвижения под водой, но и техническое обеспечение всех систем жизнеобеспечения части, включая энерго- и теплоснабжение, поддержание готовности плавательных средств (ВМ и ПСК). Это был полный аналог совмещенных боевых частей корабля, БЧ-3;-5. Подразделение коротко называли – ЭМЧ, что расшифровывалось как электромеханическая часть. Личный состав подразделения состоял из матросов срочной службы. При приемке всего этого хозяйства оказалось, что арсенал средств передвижения под водой состоит главным образом из индивидуальных буксировщиков типа «Протей» и двух устаревших двухместных «Тритонов», которые давно уже не использовались из-за низких технических характеристик. Тех средств, которые разрабатывались в КБ кафедры № 30 и испытывались нами на Черном море, не было и в помине. С учетом того, что эта войсковая часть имела высокую степень секретности со всеми вытекающими последствиями, я понял, что по собственной инициативе «попался как кур во щи». Что служба здесь тяжелая, было понятно. Но она еще и усугублялась особенностями «Клима», в чем скоро пришлось убедиться. Примерно через неделю после вступления в должность часа в два ночи меня разбудила дежурная служба:

- «Срочно к начальнику штаба!».

Я подумал, что объявлена тревога и быстро примчался в основное здание. В дежурной рубке мне сказали, что НШ в кубрике. Иду туда, вижу в притушенном свете между кроватями, на которых храпят матросы, прогуливается «Клим». Подхожу, докладываю, что прибыл «по Вашему приказанию». На что он берет полотенце со спинки кровати спящего на ней матроса из моего подразделения и спрашивает:

- «Это что?»,- я ему отвечаю:

- «Полотенце.»,

- «Какое?!»,

- «Ну, грязное»,

- «Вот! Вы своей нетребовательностью **заставляете** матроса иметь грязное полотенце! Свободны, идите».

Для меня, не прошедшего «бурсу» это казалось диким. Всем офицерам от него приходилось несладко. Разговоры офицеров в

кулуарах о желании сменить место службы шли постоянно. Однако реализовать такое желание можно было только через согласие командира, а «Клима» командир перетащил к себе откуда-то сам. Тогда-то и пришлось крепко задуматься, что делать, какую стратегию поведения выбрать. Прежде всего, надо было вызвать какой-то личный интерес у самого командира по отношению к новой перспективной разрабатываемой специальной технике. Я видел, как командир оберегает от «Клима» моего соседа капитана Волкова Анатолия Васильевича. Действительно, «Клим» к Волкову не цеплялся. Анатолий Васильевич в части был ветераном, одним из самых уважаемых офицеров среди коллег и любимцем у матросов. Мы с ним очень сблизились, и после многих обсуждений у меня возникла идея поставить коллективную научно-исследовательскую работу с написанием трех взаимосвязанных диссертаций. Первая – военно-теоретическое обоснование требований к специальным средствам передвижения под водой, вторая – исследование физиологических способностей человека и разработка предложений по безопасной работе боевых пловцов при использовании перспективных средств передвижения под водой, и третья – обоснование технических требований к перспективным высокоэффективным средствам передвижения под водой. Первую номинально предложить командиру, вторую возложить на Волкова, а третью взять на себя. Конечно, командиру надо дать понять, что фактически все сделаем мы. Анатолий Васильевич поддержал эту идею и довел ее до командира. Командиру она понравилась. В мае месяце 1964 года на совещании офицеров было объявлено, что через месяц на Балтике, в Балтийске в испытаниях новой техники примет участие команда матросов нашей части во главе с лейтенантом Курзеновым. Мне стало легче. С согласия командира мы наладили хороший контакт во Владивостоке с кафедрами философии и иностранного языка ДВГУ для сдачи кандидатских экзаменов. «Климу» придраться было не к чему. Изучение первоисточников марксизма-ленинизма это святое дело в армии. Замполит не нарадовался, глядя, как офицеры конспектируют литературу, которая рекомендована к обязательным политзанятиям и сверх того. В библиотеке части такой литературы было достаточно. С языком тяжелее, но с учетом специфики части и ведомства, к которому она относилась, руководящими документами рекомендовалось изучать иностранные языки. Мы поставили себе задачу с нового учебного года серьезно заняться подготовкой кандидатского минимума.

Кое-что о личном составе. Матросов срочной службы в части насчитывалось около ста пятидесяти. Из прибывающих эшелонов на сборные пункты Владивостока из различных учебных центров

отбирались лучшие призывники. Самые крепкие, сильные, с хорошей устойчивой психикой и развитым интеллектом. На отбор и прием новобранцев обычно отправляли капитана Волкова. Медицинские показатели по физиологии, включая систему ухого-носа, сильные легкие – все это имело значение. Со своей задачей доктор справлялся отлично. Отбиралось человек 35-40. Сначала они проходили месячный курс молодого бойца, затем расписывались по отрядам и подразделениям. Согласно нормативным документам к матросам всех годов службы и всех подразделений части предъявлялись требования: уметь ориентироваться на местности; владеть навыками рукопашного боя; прыгать с парашютом; выходить из подводной лодки через торпедные аппараты в легководолазном снаряжении с боезапасом и с индивидуальным буксировщиком; скрытно выходить в заданный район и после выполнения задания так же незаметно выйти в заданный пункт сбора; владеть холодным, стрелковым оружием и пользоваться средствами радиосвязи. Отработка этих операций и составляла основную суть боевой подготовки. Регулярно проводились различные учения. Пришлось участвовать в учениях и мне. Больше в качестве посредника. В моем подразделении были разные бойцы. Но мне повезло, что командир группы ЭМЧ главный старшина Нарбутов Александр хорошо сочетал в себе качества отличного специалиста по технике и умелого начальника-руководителя подразделения. Уравновешенный, спокойный и рассудительный, требовательный и заботливый по отношению к подчиненным, он пользовался большим уважением и авторитетом среди матросов всей части. В то время я как-то не замечал «неустановленных отношений». Правда, служащих четвертого года службы называли «сорокотами» и к ним было особое отношение. На самых ответственных учениях именно они составляли основу. Для них уже не существовало секретов в службе. Вольностей, а тем более издевательств над младшими тогда не было. Все жили в одной большой казарме, и все были на виду. Среди матросов были люди разных национальностей, даже якуты, буряты, евреи, один шорец. То, что с интеллектом и чувством юмора у них все в порядке говорит следующий эпизод. Мы были на парашютных сборах в одной из авиабаз на материке. Во время обеда наших матросов в местной солдатской столовой командир обратился к ним с вопросом:

- «Как харч?».

Огромный верзила матрос Кукса громко ответил за всех:

- «Хорошо, товарищ командир, некоторые кости по второму разу попадают!».

В другой раз, на таких же сборах шла укладка парашютов, которую обычно производят парашютисты, образуя группы. Я тоже должен был прыгать, но укладывать пока еще не умел. Поэтому мой парашют укладывали опытные укладчики из наших матросов. Укладку проверял начальник сборов полковник Сулимов Зариф Хайрутдинович. Старший укладчик обязан был докладывать, если подходил проверяющий. При подходе к нашей группе Сулимова З.Х. старшина 2 статьи одессит Цигель В.К. бойко отрапортовал ему:

- «Товарищ полковник, укладку парашютов ведут три матроса и один сочувствующий лейтенант».

Или же такая сцена. Могучий матрос последнего года службы Никитенко (прозвище «Никита») настойчиво спрашивает Анатолия Васильевича Волкова:

- «Товарищ капитан, а товарищ капитан, когда Вы женитесь?» (Волков в 36 лет был холостой).

– «Молчи, пират!» (Так ругался А.В.)

– «Ха-ха-ха, если Вы женитесь, то я пишу домой, что капитан Волков смелый человек и остаюсь на сверхсрочную!».

Среди матросов многие очень прилично рисовали, был отличный баянист Архапчев, имел отличный голос и хорошо пел Кондратенко, сочинял и блестяще читал стихи другой одессит, Бойко. А о спортивных успехах уж и говорить нечего. Но только в различных видах борьбы. Когда команду нашей части по морскому многоборью привезли во Владивосток на первенство флота, и когда пришла очередь борьбы, то наши тяжеловесы «давили» соперников. Флотский спортивный руководитель бегал вокруг и всех спрашивал:

- «Откуда этих мордоворотов привезли?»

В конце мая 1964 года началась подготовка к командировке в Балтийск. Командировка предстояла месячная. Среди шести отобранных для поездки оказались и двое из моего подразделения. Это уже упоминаемый Нарбутов и старшина 2 статьи Ковальчук. Да и остальные четыре человека были под стать моим ребятам. К тому времени мне удалось заполучить кое-какую документацию по изделию «Сирена», которое предстояло испытывать. Были спланированы занятия с группой, и этот план неукоснительно выполнялся. Занятия, разумеется, вел я. В двадцатых числах июня наша команда отправилась пассажирским поездом из Владивостока в Балтийск. Это было летнее время, и в окнах вагонов представляли необъятные просторы России, удивительные красоты. Ничего подобного раньше мне видеть не приходилось, хотя к тому времени я уже успел побывать на севере, западе, юге, горах Тянь Шаня, в Крыму, проезжал через пустыни Казахстана и юг России. За восемь

суток мы покрыли расстояние от Владивостока до Москвы. Тогда я ощутил, насколько велика наша матушка Россия. От Москвы до Калининграда и Балтийска поезд шел около полутора суток. Но этот участок пути мне не казался столь необычным и интересным, как первый. Раньше в Калининграде и Балтийске я бывал, и ландшафт Восточной Пруссии не производил на меня впечатления. Это был «не наш» ландшафт. А вот моим ребятам это видеть было интересно. По прибытию меня разместили в отличном отдельном номере гостиницы г. Балтийска, а матросов - в поселке Приморск-Новый, недалеко от Балтийска, в войсковой части, аналогичной нашей, на базе которой и предстояло провести испытания. Командиром части был капитан 1 ранга Домысловский Виктор Александрович. Подготовка изделий к испытаниям проходила под руководством капитана 3 ранга Шолохова Ивана Ивановича, капитан-лейтенанта Рубина Дмитрия. Председателем комиссии был Домысловский В.А., его заместителем капитан 2 ранга Гаврилов Борис Иванович из в/ч 20914, члены комиссии капитан 2 ранга Авинкин, подполковник Тюрин, капитан 3 ранга Бугров и капитан-лейтенант Разумов. Погода в это время стояла хорошая, море спокойное и теплое, условия для испытаний благоприятные. Обычно в море выходили на ТЛ часов в девять, приступали к работе в десять. Программа испытаний была насыщенная. В испытательную команду входили шесть матросов из «местных» и шесть наших. Кроме того, главным испытателем выступал офицер 40 НИИ ВМФ капитан-лейтенант Клепацкий Александр Григорьевич. Это был опытный специалист, выполнял самые трудные операции. И все-таки один из выходов в море чуть не закончился трагическим происшествием. Отрабатывался эпизод с выходом «Сирены» и ее маневрированием. Внезапно изменилась погода, и поднялись волны. Изделие, управляемое одним из двух «акванавтов», удалилось на значительное расстояние и выработало весь ресурс. Средства наблюдения за этой техникой использовались главным образом визуальные – специальные буи. Дополнительно в носу конструкции устанавливался «стукач» для генерации акустического сигнала. Поднявшиеся волны полностью маскировали буй, а сигнал от «стукача» выделить из шума не удавалось. Сверхсекретную «Сирену» с двумя матросами мы потеряли. Это было очень серьезно. Первоначальный поиск с маневрированием «галсами» не дал результата. Галсы меняли, неоднократно повторяли, но так и не находили нашу пропажу. К вечеру из Балтийска к поиску подключились другие корабли. И пропажу искали до двух часов ночи. Наконец наш ТЛ обнаружил «Сирену» и «акванавтов». Ребята держались мужественно. Когда их вместе с изделием подняли на

борт, они еле стояли на ногах. Оказалось, что ТЛ несколько раз проходил мимо них. Они выбрались из кабины и махали кораблю, кричали, но ТЛ их не замечал и каждый раз уходил. Ребята получили переохлаждение и когда их подняли на борт, без помощи они не могли передвигаться. После приема полагающего в таких случаях стакана «шила» их препроводили для отдыха в каюту. Все обошлось. Это был единственный случай, когда нам всем пришлось, как следует поволноваться за ребят. Впрочем, из этой истории были сделаны соответствующие выводы. А мне в каком-то смысле повезло, потому что на этот раз в «Сирене» моих ребят не было. В целом командировка была интересной. Мои ребята расценивали ее как награду за предыдущую службу. На самом деле это действительно было так. Неплохая была и культурная программа. В поселке был неплохой клуб, где проводились вечера танцев, куда можно было пойти по увольнительной. Для нас, островитян из бухты Холуай (такое у нее было название) это был подарок. Еще бы, ведь в нашей, спрятанной от людских глаз части, матросы издали видели только жен некоторых офицеров. А тут девушки! Да еще с ними можно танцевать! Но орлы мои лишнего себе не позволяли и патрули их не задерживали. А мне в выходные дни удавалось побывать на лучших прибрежных пляжах Светлогорска, а также посетить родственников, проживающих в городке Ладушкин под Калининградом. В Ладушкине я познакомился с выпускницей 1 Медицинского института им. Павлова интересной девушкой Валей Максимовой, направленной по распределению в местную больницу. Впоследствии она стала моей женой.

После командировки мне был предоставлен причитающийся очередной отпуск. Конечно же, я первым делом «рванул» в Ленинград, сначала навестил ЛКИ, затем попытался найти такие флотские организации, с которыми следовало бы установить связь с конечной целью туда перевестись. Из Ленинграда самолетом прилетел в Крым и остановился для отдыха в Планерском.

По возвращению из отпуска мы с Волковым приступили к реализации первого этапа нашего плана, и засели за подготовку к сдаче кандидатского минимума по философии и языку. Это потребовало значительных усилий. «Клим» все-таки держал меня «на прицеле». Это я чувствовал по его придиркам во время несения дежурной службы. Нельзя сказать, что он относился ко мне хуже, чем к остальным. Нет, он ко всем относился придирчиво. По крайней мере, он не цеплялся ко мне в рамках заведования, а больше «драл» Степанова, моего непосредственного начальника. Мне было жалко смотреть на бедного капитан-лейтенанта. И вообще, трудно привыкать к строевой военной службе, когда подчиненный не может

возразить своему начальнику, вынужден терпеть и молчать, если даже начальник не прав и ведет себя некорректно. С другой стороны, это воспитывает выдержку, но какой ценой?

В летнее время сообщение с Владивостоком было лучше, чем зимой и весной. Надо учесть, что времена года по погоде там смещены на месяц по сравнению с центральной Россией. В марте и апреле некоторые северные бухты еще скованы льдом. Так вот, летом открывалась узкая и длинная бухта Новик, ближайшая к городу. На западном берегу бухты располагались различные постройки и причалы с названиями Рында, Шигино и Экипажное. Здесь были военные склады, арсеналы, гарнизонный госпиталь, ДОСы и другие постройки, принадлежащие флоту. В Экипажном был даже клуб. Из Владивостока ежедневно по расписанию курсировали катера, перевозящие пассажиров. От Экипажное до нашей части было километров девять через сопки, покрытые лесом. По грунтовой дороге можно было ездить на машине. Из нашей части два раза в день до Экипажное ходил ПАЗик, перевозил школьников и офицеров, проживающих с семьями на Экипажное. Такая ситуация позволила нам наладить более или менее регулярный контакт с ДВГУ. Во Владивостоке находились все флотские службы обеспечения, и мы старались каждую деловую поездку в город использовать и в своих интересах. В весеннюю экзаменационную сессию 1965 года в ДВГУ мы с Волковым сдали кандидатские экзамены по этим двум общим дисциплинам и получили соответствующие документы. Конечно же, все это делалось конфиденциально. Командира мы пока не напрягали и не посвящали в дела минимума. У него в это время были другие заботы, появились возможности, а стало быть, и интерес к заграничной командировке. Но требовалось пройти строгую медицинскую комиссию. Он знал, что в медицинских кругах Волкова хорошо знают и уважают. Поэтому поддержка Волкова была бы очень кстати. Командир всегда относился лояльно к Анатолию Васильевичу, поэтому он на него рассчитывал. Об особом отношении к капитану медицинской службы мне пришлось однажды убедиться. Однажды на моем дежурстве, на построении перед подъемом флага появился А.В. из города с приличным «выхлопом» и встал в строй офицеров, закрыв глаза. Подошел замполит и, потянув носом, сказал:

- «От кого-то лекарством пахнет?».

Волков приоткрыл глаза, дохнул на замполита и сказал:

- «От меня. Я доктор, от меня и пахнет».

И снова закрыл глаза. Замполит обиженно замолчал и стал в строй. После подъема флага мне как дежурному необходимо было сделать

доклад о событиях за ночь. Прибыв в кабинет командира, я застал у него замполита, который обиженным голосом жаловался командиру:

- «Я ему душевно, по-партийному, тактично по-офицерски говорю, что от кого-то лекарством пахнет, а он нахально дышает на меня и говорит, от меня, я же доктор».

Командир переспрашивает:

- «Что, так и сказал?»

- «Да»

- «Ха –ха-ха! Ну, ты не обижайся, это у него бывает. Ха –ха –ха!».

Замполит сконфуженно замолчал.

От Волкова мне было известно о личных планах командира и у меня, конечно же, возникло некоторое беспокойство из-за неопределенности в предстоящей перспективе. Летом 1965 года уже и на нашей базе проводились заводские испытания новых индивидуальных буксировщиков типа «Протей». В испытаниях участвовал Главный конструктор Трошин Владимир Петрович (ЛКИ), заводская команда и два представителя 14 Института ВМФ, подполковник Давыдов Анатолий Иванович и служащий Кишкилев Борис Николаевич. С двумя последними я постарался наладить хорошие отношения и попытался выяснить возможность перевода в этот институт в дальнейшем. От них я узнал, что руководство 14 института интересуется молодыми офицерами с гражданским инженерным образованием и опытом службы на флоте. Они обещали мне поддержку. Но главная проблема состояла в том, что без согласия командиров частей, где служили офицеры, приказы ГК ВМФ на переводы не подписывались.

К осени 1965-го вопрос командира не без участия Волкова был положительно решен. Он отправлялся на Кубу. Вместо него назначался Клименко. Произошло то, чего я больше всего опасался. А ведь казалось, что выбранная стратегия даст положительный результат, тем более командир давал мне надежду, что через год, другой не только даст согласие на перевод, но и порекомендует в 40-НИИ ВМФ. Снова возникла дилемма. О реализации плана с НИР можно было забыть. У дремучего «Клима» совершенно другой масштаб мышления. Надо было искать другой выход. Тогда я начал изучать правовой аспект. Поднял справочники по законодательству. Выходило, что сам призыв нас, офицеров запаса, был осуществлен с нарушением действующего законодательства. Призыв на полную военную службу офицеров запаса по действующим тогда законам мог производиться в добровольном порядке или по призыву. Для призыва (мобилизации) необходим был Указ Председателя Президиума СССР. Нас же призывали Приказом МО на основании

закрытого Постановления ЦК КПСС. Объективно говоря, Армия и Флот нуждались в притоке офицеров в больших масштабах. Надо же было исправлять хрущевские ошибки по широкомасштабным военным реформам, с ликвидацией большого числа военных училищ и сокращением Армии и Флота сначала на 800 тысяч (1959 год), а затем на 1 миллион 200 тысяч (1961 год), с ликвидацией и консервацией военной техники и кораблей. В том же 1961 году после инцидента с американским самолетом-шпионом У2 и появлением около наших военно-морских баз американских кораблей и подводных лодок пришло осознание, что одностороннее разоружение – преступная ошибка и глупость. Вернуть обратно уволенных офицеров было нереально, поэтому тогдашнему, импульсивному борцу с культом личности и пришлось «втихаря» принимать такие меры и решения.

Мне тогда стало понятно, что демобилизация невозможна на основе апелляции к закону. Мою ситуацию можно изменить только, если аргументировать просьбу перевести на другое место службы исключительно деловыми соображениями, необходимостью эффективного использования офицера с инженерной подготовкой. И я стал, как это положено по уставам, обращаться с просьбами к кадровым органам сначала ТОФа, а затем и ВМФ. Конечно, это скоро стало известно «Климу», и его реакция была для меня ожидаемой. Хорошо еще, что перед отправкой на Кубу Коннов П.И. подписал представление на звание старшего лейтенанта, которое вскоре мне и было присвоено. А из Москвы из Управления Кадров ВМФ мне и в копии новому командиру части пришел ответ-отписка «перевести Вас на другое место службы в данный момент возможности не имеется». «Клим» был доволен. Мой план с написанием диссертации отпал окончательно. Это еще и потому, что перед отправкой на Кубу командир Коннов П.И. перевел моего коллегу и друга капитана Волкова А.В. во Владивосток на майорскую должность. В одиночку же, без поддержки проводить инициативные научные работы в условиях интенсивной боевой подготовки было попросту нереальным. Вскоре А.В. на новом месте получил «майора» и окунулся в новую работу. Мне оставалось переосмыслить сложившуюся ситуацию, искать возможности сопротивляться и держать удары судьбы. К тому времени во флотском Управлении, которому подчинялась в/ч 59190 сменился начальник. В командование вступил Домысловский В.А., знакомый мне по командировке на Балтике. Мне также было известно, что он в дружеских отношениях с Шевело А.И.. В конце декабря меня отправили в очередной отпуск за 1965 год. Понятно, что я снова отправился в Ленинград и решил посвятить его поиску мест, куда бы

можно было перевестись, и кто бы заинтересовался моей персоной. Пришлось поступиться некоторыми своими принципами и «распустить хвост», показать красный диплом и сданный кандидатский минимум. Мне устроили встречу с начальниками отделов в/ч 27177, в/ч 20914, меня принял командир в/ч 10729 контр-адмирал Чернаков С.П. в присутствии пожилого полковника (не исключаю, что у него была какая-то информация от подполковника Давыдова А.И.). Не обошел я и родную кафедру № 30 в ЛКИ. На кафедре меня встретили как старого доброго знакомого, Шевело А.И. пригласил меня в кабинет и долго расспрашивал, чем занимаюсь, как служится. Когда я сказал, что новым начальником Управления назначен Домысловский В.А., профессор как-то совсем оживился и стал рассказывать, как они познакомились. Тогда я набрался наглости и попросил его написать письмо моему прямому начальнику и попросить того дать согласие на мой перевод. Об этике по молодости и глупости я не задумывался. Нужно было использовать все возможности. Александр Игнатьевич отнесся к этой просьбе с пониманием и тут же написал письмо. Особенно большие надежды я возлагал на в/ч 20914. К тому времени их тематика и рабочие контакты со специалистами на Балтике и у нас, на Востоке были основаниями для этих надежд. По прибытию из отпуска я нашел возможность добиться приема к Домысловскому В.А. с мотивировкой «для передачи личного письма». Он принял меня, вспомнил балтийские испытания поблагодарил за письмо и погрузился в чтение. Прочитав, он сказал:

- «А.И. просит отпустить тебя, давай подождем, уходить будем вместе».

Я это понял как «ни да, ни нет». Мне оставалось только следить за ситуацией и при возможности как-то оказывать влияние. Но как следить? Как получать информацию по запросам и реакцию на них наших командиров? Наконец мне удалось установить хороший контакт с нашим (управленческим) кадровиком капитаном 3 ранга Горбенко Михаилом. Его кабинет во Владивостоке находился в доступном месте, и я всякий раз, бывая в городе, интересовался, нет ли для меня информации. Однажды он мне сказал:

- «На тебя были уже два запроса из Питера, но на оба отправлен отказ».

Я его спросил:

- «Посоветуйте, что я могу и могу ли что-либо сделать в этих условиях?»

На что он ответил, что мне нужно написать рапорт на имя Начальника УК ВМФ с просьбой о переводе, на котором должна быть обязательная резолюция командира (резолюция должна быть на отдельном листе), а затем этот рапорт принести ему. Он постарается сделать благоприятный доклад начальнику Управления Кадров флота. Я понял, что «Клима» никак не обойти. Надо искать пути давления на него, но где и как? Попытался установить связь с Конновым П.И. через Волкова А.В.. Без надежды на ответ написал ему письмо на специальный почтовый ящик. И очень обрадовался, когда получил ответ. Он подробно написал о себе, о своих впечатлениях, о том, что перед отъездом из нашей части у него был разговор с Клименко и обо мне, что он рекомендовал отпустить меня. Но тут же добавил, что теперь он не начальник для Клименко и тот может думать по-другому. И такая информация для меня значила многое. К «Климу» надо идти. Я собрался с мыслями и завел разговор, предварительно подготовив рапорт с просьбой о переводе. Клименко тут же поставил условие:

- «Только при условии замены».

Я попросил написать такую резолюцию письменно и приложить ее к рапорту. На что получил ответ:

- «Оставьте все бумаги здесь, я разберусь со всем».

Мне показалось, что вопрос снова «завис». Да ведь и никакой гарантии не было, что придет снова откуда-либо запрос. Я продолжал нести обычную службу флотского офицера, исполнял свои непосредственные обязанности, обязанности командира учебного подразделения (проходящего курс «молодого бойца»), а также выполнял другие различные поручения. Конечно, старался не давать повода «цепляться» ко мне. Отношения со всеми офицерами и мичманами установились хорошими, если не сказать дружескими. Тем более, что в должность начальника штаба вступил воспитанный и культурный капитан 3 ранга Яврумов Владимир Вартанович. До этого он командовал кораблем и пришел к нам, чтобы получить на этой должности звание капитана 2 ранга. Спокойный, выдержанный и доброжелательный человек. Состав матросов срочной службы, как и положено, ежегодно обновлялся, но традиции сохранялись, снова и снова в основном приходили ребята с отличными качествами. С ними было приятно общаться, коллектив был хороший. Но напряженная служба и молодость требовали разрядки, поэтому любые групповые поездки в город требовали от старших бдительности. Все же, как ни старайся, все равно невозможно исключить какие-либо нарушения уставной дисциплины. Однажды произошел такой случай. Группа матросов во главе со старшиной отправилась во Владивосток получать приборы со склада. Часть в

это время боролась за звание «отличной». Матросы получили груз быстро, и у них появилось свободное время. Они купили водки и «с наслаждением расслабились». Но на их беду рядом проезжал мрачный и известный своей неразговорчивостью на всем флоте вице-адмирал Васильев, Заместитель Командующего ТОФ. Про него говорили, что однажды ему в помощь на охоту дали молчаливого мичмана, который молчал все время, и только на обратном пути попросил у адмирала разрешения остановить автомашину у своего дома. Адмирал согласно кивнул, но на другой день своим подчиненным яко бы сказал:

- «Этого болтуна больше со мной не посылать!»

Так вот этот Васильев тут же арестовал ребят и позвонил нашему командиру:

- «Ваши пьют!» - и сделал паузу.

От неожиданности командир опешил:

- «Как?!»

- «Как лошади», - ответил адмирал и повесил трубку.

Примерно через неделю после разговора с «Климом» я оказался во Владике и заглянул к Мише Горбенко. Тот мне сказал, что документы у него, и он считает результат положительным. Главное, что в резолюции есть слово «согласен», а что касается разных условий, которые там имеются, то это уже не столь важно, это вопрос кадровикам. Теперь оставалось ждать, придет ли от кого-либо из питерских частей во время запрос. На это я никак не мог влиять.

Осенью 1966 года (в октябре) Горбенко был в отпуске, а я к этому времени использовал очередной отпуск, проведя его в Казани. Я попытался навести справки о состоянии вопроса в Управлении Кадров флота. Получив от офицера из кадров ответ:

- «Я бы на твоём месте сейчас пил водку и гулял, на тебя есть Приказ ГК ВМФ о переводе в в/ч 10729».

Наконец-то мои усилия дали результат. Меня переполняли нахлынувшие чувства. Я был бесконечно благодарен Мише Горбенко. Но в части я решил ничего не говорить. Пусть все идет официально. Ведь информация устная, приказ еще в Москве, надо его подождать. Недели через две приказ уже был на флоте. Командование имело право задержать меня на месяц после поступления приказа в часть. Что оно и сделало. Но это уже были мелочи. «Клим» ушел в отпуск, и я сдавал дела при ВрИО командира Яврумове В.В.. Я понимал, что ему не очень комфортно служить под Клименко, но кроме молчаливого сочувствия сделать ничего не мог. Меня тепло проводили, Владимир Вартанович сказал проникновенные слова и добрые напутствия. В первых числах

декабря 1966 года я вылетел самолетом в Ленинград. Меня провожал ставший мне близким другом майор Анатолий Васильевич Волков. Впереди была новая неизвестность, чем мне придется заниматься. И некоторая тревога, а справлюсь ли, ведь я рассчитывал на в/ч 20914, а оказался в в/ч 10729, непрофильной по моей специальности.

Прибыл для дальнейшего продолжения службы, 1964 год

Отличники боевой и политической подготовки, 1965 год

«С места в карьер» - на парашютно-десантные сборы, рядом с опытным асом капитаном Волковым, 1964 год

На сборах с опытными моряками, 1964 год

Бухта Холуай наша. Мы вместе. В центре капитан Волков, справа мичман Лебедев, 1965 год

Все внимание новому отряду молодых матросов, 1966 год

Прохождение торжественным маршем в день ВМФ, 1966 год

Уже не мальчик. Понял, какова служба на грани с экстримом, 1966 год

Служба в НИИ

В Ленинграде сначала я остановился у своих бездетных родственников, у дяди, Корякина Николая Павловича, на Гражданке. Они с женой Анастасией Прокопьевной к тому времени съехались из больших коммуналок в 3-х комнатную квартиру - «распашонку» вместе с другой бездетной парой Ивановыми Дмитрием Ивановичем и Анной Александровной. Анна Александровна (тетя Нюня) приходилась родной тетей Анастасии Прокопьевне (тете Асе). Дружные, прожившие всю жизнь в любви и согласии Ивановы когда-то жили в одной коммунальной квартире с семьей Чернакова С.П., поддерживали с ними связь и, очевидно, по просьбе Корякиных тоже «замолвили за меня словечко». Ивановы были уже пожилыми пенсионерами. Простые, скромные, высоко порядочные, деликатные, добрые, отзывчивые люди. Все они встретили меня как родного. Через полтора месяца я переехал к двоюродному дедушке, дяде Васе. Он был одинокий и жил один.

Выход на службу согласно предписанию был назначен на 8 декабря. В г. Пушкин, где располагалась в/ч 10729, я прибыл рано утром, до начала рабочего дня. Отдел кадров и строевой (ОСК) уже работал. Меня встретил зам. начальника ОСК подполковник Зенякин Сергей Павлович. Он объявил мне, что я назначен на должность младшего научного сотрудника в самостоятельный отдел полковника Ламина Валериана Ивановича. «Самостоятельный» означало непосредственное подчинение командиру части. Представление командиру части будет позднее, когда тот вернется из командировки. Затем Зенякин проводил меня в отдел. Там уже шла работа. На большом монтажном столе, расположенном в центре помещения и разделяющем его на две половины, что-то мастерил невысокий пожилой мужчина. Оказалось, что это старший техник Алехов Михаил Иванович, майор запаса, секретарь партийной организации. Затем с началом рабочего дня весь отдел уже был на рабочих местах. Начальником отдела оказался тот самый полковник Ламин Валериан Иванович, который присутствовал в прошлый раз на моей беседе с Чернаковым С.П.. Он произвел на меня приятное впечатление. Это был невысокий полноватый с круглым лицом лысеющий человек. У него были хитрые, насмешливые глаза, ровный голос и совершенно невоенный стиль поведения. Он долго расспрашивал меня обо всем, рассказал, чем занимается отдел и какие у него задачи. Когда в разговоре я назвал его «товарищ полковник», он сказал, что здесь принята другая форма обращения и попросил называть его по имени и отчеству и, что если я не возражаю, меня он будет называть просто Володей. Добавил, что «полковником Ламиным» его называет адмирал только тогда, когда

не доволен его действиями. Все это было для меня приятным сюрпризом. После беседы он представил меня отделу. Заместителем начальника отдела был капитан 2 ранга Матросов Сергей Андреевич. На другой площадке работала группа во главе со старшим научным сотрудником капитан-лейтенантом Сапрыкиным Вячеславом Алексеевичем. Все остальные были вольнонаемными. Отдел занимался оценкой возможностей применения результатов бионики к военной радиоэлектронике. Само по себе такое направление было совершенно новым и, в этом смысле все сотрудники отдела находились в одинаковом положении. Надо было изучать биологию и ее приложения. С другой стороны, для приложений надо знать предметную область, то-есть теорию полей, сигналов, инженерную радиоэлектронику. А к последнему я был не готов. Это был не мой профиль.

По прибытию из командировки адмирала надо было представиться ему, как того требовал устав. Когда я зашел в кабинет адмирала, он вышел на встречу со словами:

- «Уже приехал. Ну, вот и хорошо».

Я старался и чтобы не упасть «в грязь лицом» принял положение «смирно» и отрапортовал, как это полагалось в таких случаях:

- «Старший лейтенант Курзенев прибыл для дальнейшего продолжения службы».

Тогда реакция адмирала на доклад меня и удивила, и обрадовала. Он сказал:

- «Хорошо, хорошо, но здесь работать надо».

Тем самым дал понять, что главное в этом заведении.

В отделе проводились различные поисковые исследования. Группа Сапрыкина вела исследования по теории слуха с целью разработки аппаратуры для отбора операторов гидроакустических средств. Сапрыкин был кандидатом технических наук и работал над докторской диссертацией. Группа состояла из молодых гражданских сотрудников. Другое направление было связано с эхолокацией, хемо- и электрорецепцией. Фундаментальные исследования по этому направлению велись силами институтов Академии Наук, ЛГУ, МГУ и ЛИАПа по заказам ВМФ. Научно-техническое сопровождение этих работ осуществлял наш отдел. Наше участие не ограничивалось обоснованием и разработкой ТТЗ на НИР и сопровождением работ. У нас в отделе велись экспериментальные исследования по созданию аналогов эхолокаторов. Эти исследования проводились под руководством Матросова С.А., который был отличным экспериментатором. Мне было поручено сконструировать эхолокационную установку и обеспечить ее

изготовление на опытном экспериментальном заводе нашей части. Я с энтузиазмом взялся за такую работу, и по моим эскизам к маю месяцу безэховая камера была установлена в отделе. Руководство было довольно моей работой. Но это была чисто инженерная, конструкторская работа. И я не обольщался. Тем более, что знал, какой темп задает всем работам в институте адмирал. Он мог в коридоре встретить любого сотрудника и поинтересоваться, чем он сейчас занимается и что «новенького». Если через месяц он снова встречал этого сотрудника и задавал тот же вопрос, а сотрудник повторялся, то он говорил:

- « Так Вы же мне все это говорили. Я спрашиваю, что нового Вы сделали за это время?»

У адмирала была феноменальная память, он знал по имени и отчеству всех своих подчиненных, вплоть до уборщиц, был доступным и внимательным ко всем, за что и пользовался огромным авторитетом и любовью у подчиненных. За глаза его называли «наш СПЧ». Работоспособность этого человека поражала. В шесть часов утра он уже на рабочем месте, работает со сводками, с новыми поступлениями специальной и открытой периодической научно-технической литературы, которые ему готовили обе библиотеки. В восемь часов он начинал принимать начальников Управлений и самостоятельных отделов с докладами и задавать вопросы по оценке возможностей использования технических новинок в радиоэлектронных средствах ВМФ. Рабочий день для него заканчивался в 20 – 22 часа. Да и вся его команда работала довольно слаженно. Заместителем у него в это время был капитан 1 ранга Крячок Федор Федорович (впоследствии контр-адмирал). Спокойный и уравновешенный, с большим чувством юмора и сарказма. Начальник политотдела капитан 1 ранга Белоусов Иван Васильевич, честный и порядочный человек. Начальник 1 Управления капитан 1 ранга (впоследствии вице-адмирал) Тынянкин Иван Игнатьевич, высокий, видный, стройный, незаурядный человек. Но честолюбивый и с амбициями, что в нем не нравилось Чернакову С.П.. Поскольку это была протекция сверху, то вскоре Тынянкина перевели в Москву на повышение, Начальник 2 Управления капитан 1 ранга Букашко Юрий Николаевич, один из самых грамотных руководителей, самостоятельный, выдержанный и корректный в общении. Начальник 3 Управления полковник Гурилев Борис Федорович, и начальник 4 Управления контр-адмирал Лопатинский В.В..

Связи нашего отдела с другими подразделениями были довольно тесные. В отдел часто приходили специалисты других отделов и обсуждали различные вопросы. Со стороны было

интересно наблюдать за новыми для меня людьми. Поскольку их беседы носили часто неформальный характер, то можно было оценить не только уровень профессиональной подготовки посетителей, но и их обычные человеческие качества. Особенно часто заходили в отдел близкие сослуживцы и друзья Ламина В.И. и Матросова С.А., всю компанию которых в части называли «ХЛАМ» по начальным буквам фамилий: Хлавно, Ламин, Матросов. В эту группу входил еще один сотрудник подполковник Зеленский Лев Викторович, личность, между прочим, в своем роде легендарная. Участник войны, ветеран части, отличный экспериментатор и неистощимый фантазер и выдумщик на всевозможные розыгрыши. Он мог спокойно ответить на замечание адмирала:

- «Лев Викторович, Вы куда уходите, ведь до окончания рабочего дня еще пять минут?»

- «Сергей Павлович, я сегодня целый день ничего не делал и подумал, что уж за пять минут-то я сделаю?»

А в другой раз, когда ему было сказано, что его непосредственный начальник им не доволен, то он ответил тому же Чернакову:

- «Сергей Павлович, мной-то ладно, но он и Вами не доволен». В глазах этого пожилого человека всегда был озорной блеск. Его шутки с коллегами были часто на грани озорного мальчишки. Он меня поразил при первом же знакомстве. А дело было так. В районе обеденного перерыва к нам в отдел зашел невысокого роста лысоватый подполковник и, покрутившись среди сотрудников, подошел к столу у окна. Хозяйка стола в это время отлучилась из отдела. Подполковник что-то стал перебирать на подоконнике, постучал слегка и направился к выходу. Через некоторое время возвратилась на рабочее место хозяйка стола, как раз в тот момент, когда по трансляции был объявлен перерыв на обед. Сотрудница хочет идти обедать, и пытается взять с подоконника свой кошелек. Однако кошелек изнутри оказывается прибитым к подоконнику. Реакция сотрудницы – истерика и проклятия в адрес «хулигана» Зеленского. Этот шутник в общей раздевалке через петлицы запирает на амбарный замок шинели офицеров, подкладывает себе в борщ гайки и болты и подсаживался в столовой к столику с обедающими женщинами, вылавливал из борща «нестандартные предметы», спокойно объясняя изумленным соседкам по столу, что это он положил «для вкуса». И вне части с ним так же случались различные приключения. Например, всем стал известен случай, когда он заполнил выхлопными газами квартиру, находящуюся этажом ниже. Произошло следующее. Лев Викторович любил возиться с техникой. У себя на кухне он собрал из какой-то рухляди мопед, завел его

движок и поставил на отработку, надел на выхлопную трубу шланг и выбросил другой конец шланга в окно. Шланг оказался такой длины, что его свободный конец угодил в открытую форточку внизу лежащей квартиры. Поскольку в этой квартире в тот момент хозяева отсутствовали, то она «благополучно» была заполнена «ароматным» газом. Возвратившаяся из похода в магазины хозяйка была в панике. Но скоро было установлено, что пожара нет...

Ко времени установки безэховой камеры в отделе Матросовым С.А. уже был разработан макет для генерации зондирующих импульсных акустических сигналов с частотной модуляцией. Вся моделирующая установка была запущена, и экспериментальные работы начались. Получаемые записи отраженных сигналов от мишеней необходимо было обрабатывать и анализировать. Это оказалось гораздо более сложной проблемой для нас, чем казалось сначала. Опыта таких исследований у нас еще не было. Приступая к моделированию, мы даже считали необязательным аттестовать камеру. Сергей Андреевич Матросов был руководителем, под его руководством были старшие и младшие научные сотрудники, из которых только я был военным. Стало ясно, что ни Матросов С.А., ни Ламин В.И. не представляли всей сложности этого вопроса. Ламин В.И. считал, что можно обойтись статистической обработкой, используя корреляционный анализ. Но этого оказалось явно недостаточно. Выявить классификационные признаки с помощью обычной статистической обработки нам не удавалось. Я очень переживал. Мне иногда казалось, что руководство отдела при планировании работ рассчитывало проблему обработки возложить на меня. Но я даже не представлял, как подступиться к ее решению. Обращение к научной литературе, к публикациям в высокочастотных научных журналах привели меня к убеждению, что в них я смогу разобраться только тогда, когда научусь понимать хотя бы язык описания физических процессов. Для этого необходимо повысить свою математическую культуру. До того мне казалось, что хороший объем математики, полученной в родной «корабелке», позволит разобраться в любой научной статье с приличным набором формул. Но я глубоко заблуждался и, наконец, стал понимать, что для описания физических процессов должен применяться адекватный формальный язык, но это вовсе не значит, что для разных физических процессов он один и тот же. Тот математический аппарат, который использовался для описания процессов в механике, газодинамике, не может применяться для описания физических полей и информационных процессов. Поэтому пришлось выработать для себя стратегию поведения на перспективу таким образом: надо одновременно работать как над

повышением своей математической квалификацией, так и над повышением специальной. Для этого нужно работать, не считаясь с личным временем.

По совету Сапрыкина В.А. с сентября 1967 года я стал посещать Курсы повышения математической квалификации инженеров при ЛГУ. Уже через год я почувствовал себя увереннее, и как-то легче стало на душе. Стало ясно, что необходимо закончить все 3 курса.

В 1967 году произошли еще другие важные события в моей жизни. В середине июня была объявлена моя помолвка с Валей Максимовой, которая заканчивала ординатуру при Ленинградском санитарно-гигиеническом институте по кафедре профессора Штерна Б.М.. Свадьба была назначена на 2 августа. Я уже оповестил своего друга Волкова А.В., отдыхающего в Крыму, что я жду его и хочу видеть свидетелем на бракосочетании. Подготовка была омрачена сообщением 21 июля из Казани о трагической гибели моего старшего брата Олега. Это произошло, когда он проживал в доме один, а родители в это время жили в Куйбышеве. Ему не было еще и тридцати. Несмотря на это трагическое событие, я не стал переносить дату бракосочетания, и 2 августа у меня все-таки состоялась свадьба, и свидетелем на ней был Волков А.В..

Работать, не считаясь с личным временем, было не так-то просто и нужно было уделить какое-то время семье. Режим был жесткий. Каждый день, кроме выходных, необходимо было прибывать на службу к 8-30. С учетом времени на дорогу вставать приходилось в шесть часов утра. После окончания рабочего дня приходилось спешить в Ленинград, на курсы, занятия на которых заканчивались после 22 часов. На первом курсе занятия проводились три раза в неделю, на втором – четыре, а на третьем – пять. Да и на службе приходилось задерживаться в свободные от учебы дни. Хорошо, что мой «тыл» с пониманием относился к проблемам, связанным с такой службой, и поддерживал меня.

В сентябре 1967 года Чернакову С.П. исполнилось 50 лет, его называли «ровесником Октября» и в год пятидесятилетия советской власти ему присвоили звание вице-адмирала. Вскоре получил «муху» и Крячок Ф.Ф., став контр-адмиралом.

Для меня было понятно, что только напряженный режим работы позволит мне достичь каких-то результатов, поэтому расслабляться – это утрата всякой перспективы. Следующие, 1968 и 69 годы прошли в таком же режиме. Мы набирали все больше и больше экспериментальных данных, но обработать их и выдвинуть какую-либо правдоподобную гипотезу нам не удавалось. Параллельно надо было постоянно быть в курсе научно-

исследовательских работ, выполняемых по заказам ВМФ, поскольку одной из функций нашей части было научно-техническое сопровождение. Такие НИР носили фундаментальный и поисковый характер и проводились широким фронтом. Они расширяли научный кругозор, но этого было недостаточно. На их базе необходимо было искать новые принципы и пути построения и совершенствования радиоэлектронного вооружения ВМФ. Требовалось держать в поле зрения весь арсенал информационно-физических полей. Мы старались, как могли. При приемке этапов работ, а тем более работ в целом, обязательно привлекали технических специалистов соответствующих научных отделов из управлений, а также представителей промышленности.

В личном плане появились обязательства семейного человека. Самым сложным вопросом был, конечно же, жилищный. Прописка у меня была временная, у дяди Васи. С трудом удалось прописать и жену, площадь-то комнаты была всего 15,5 кв. метров. Но проживать у старого человека и стеснять его, было уже нельзя. На первое время мы сняли комнату в том же доме и прожили там сентябрь месяц. Затем переехали на Орбели, откуда пришлось снова съехать в конце января 1968 года. Две недели прожили в комнате, которую сняли в Пушкине у какой-то бабули. Бабуле не понравилось, что у нас вот-вот появится малыш, и она категорически воспротивилась нашему проживанию. Пока моя жена находилась в роддоме, я должен был найти комнату. Это было очень непросто. Мне удалось снять маленькую комнатенку в большой коммунальной квартире там же, в Пушкине. После рождения дочери 6 февраля через полтора месяца я отправил жену с ребенком в Старый Крым, где проживали ее родители. Ребенок был слабый, недоношенный, поэтому из-за нашей неустроенности девочку пришлось оставить на зиму у бабушки с дедушкой. Другого варианта не было, хотя бабушке было уже 57 лет, а дедушке 72 года. Хорошо, что у них оказались помощницы, готовые всегда прийти на помощь. Это бабушкины сестры, Анна и Елена Иосифовны.

По возвращению из отпуска мы сняли комнату в доме, на Бабушкина, 94. В этой комнате мы прожили целых 10 месяцев. После возвращения из очередного отпуска уже с окрепшим ребенком мы несколько месяцев прожили в другой комнате в том же доме, а затем снова сняли комнату в Пушкине, где проживали до мая 1970 года. И только с рождением 4 мая разнополой двойни в моей семье нам удалось получить двухкомнатную квартиру на ул. Народной, 98. Такое подробное описание «путешествий» я позволил себе только лишь потому, что в квартирном вопросе мой случай не исключительный, а скорее типичный для того времени. Мы были

рады и двухкомнатной в «хрущевке». Очередь бесквартирных офицеров была большая, в ней было много старших офицеров. Спасибо Чернакову. Он «выбил» мне хотя бы такую квартиру.

В 1969 году был уволен в запас по возрасту полковник Ламин Валериан Иванович. Начальником отдела был назначен капитан 2 ранга Перов Виталий Павлович, доктор технических наук. В в/ч он был известным человеком. Радиофизик по образованию он был призван в 1952 году на службу в ВМФ и после окончания 14-месячных курсов при ВВМАКВ им. Крылова А.Н. был направлен на службу в в/ч 10729. Человек незаурядных способностей быстро вник во флотские проблемы, получил фундаментальные результаты в теории импульсных систем, довел эти результаты до приложений в радиолокации, стал одним из основателей теории статистически оптимальных дискретных систем. В 1957 году в издательстве «Советское радио» вышла его монография, которая была переиздана за рубежом. В 1958 году он защитил докторскую диссертацию и продолжал интенсивно работать. В 1961 году вышла его вторая монография. При организации Сибирского отделения Академии Наук СССР Лаврентьевым М.А. он был приглашен туда и откомандирован Министерством Обороны СССР на проведение исследований по нетрадиционным направлениям (биотелесвязь и др.). Когда стало ясно, что проблема является сверхсложной и ожидать быстрых прикладных результатов не приходится, то военное ведомство потеряло интерес к таким работам, а Перов В.П. был возвращен в в/ч 10729 на должность начальника нашего отдела. К тому времени в группе Сапрыкина В.А. появились результаты, которые нужно было быстро внедрять в практику. Эти результаты касались разработки и создания новой аппаратуры отбора операторов - гидроакустиков. Командование поставило задачу в кратчайшие сроки силами института не только разработать документацию, но и создать несколько комплектов аппаратуры для поставки их на флот. Решать эту задачу поручили группе специалистов отдела во главе с Матросовым С.А.. Полученные материалы наших исследований на моделирующей установке пришлось отложить. Такое положение было связано с тем, что В.П. Перов достаточно критично оценивал наши предварительные результаты, да к тому же у него были другие планы и приоритеты. После обстоятельной беседы со мной он поставил мне задачу заниматься алгоритмами вторичной (траекторной) обработки радиолокационной информации, для чего я был включен в состав исполнителей НИР, проводимой во Втором Управлении (21 отдел, начальник капитан 1 ранга Кручининский М.Ф.). Таким образом, в моей профессиональной деятельности снова произошли серьезные

изменения. Однако курс, взятый на повышение математической квалификации, себя оправдал. К этому времени я уже три года отзанимался на курсах и вошел во вкус. Более того, на третьем курсе для получения документа об окончании достаточно было посещать занятия и сдать экзамены по пяти дисциплинам из предложенных 33-х, но я этим не ограничился, и посещал курсы еще год, поскольку в 33-х было много интересных и необходимых для моей работы дисциплин. За время посещения курсов мне удалось прослушать и сдать экзамены и зачеты по математическому анализу (доцент Флоринская Лидия Владимировна), алгебре (доцент Шмидт Роберт Анатольевич), теории вероятностей (доцент Скитович Виктор Павлович), теории меры (Флоринская Л.В.), дифференциальным уравнениям (доцент Петров Николай Николаевич), теории функций комплексного переменного (доцент Осипов Виктор Федорович), уравнениям математической физики (доцент Осколков Анатолий Петрович), теории случайных процессов (профессор Ибрагимов Ильдар Абдуллович), математической статистике (академик Линник Юрий Владимирович и профессор Каган Абрам Мейерович), функциональному анализу (доктор наук Никольский Николай Капитонович), теории некорректных задач (профессор Гауриин Марк Константинович), теории массового обслуживания (Скитович В.П.), вариационному исчислению (Осколков А.П.), гармоническому анализу и специальным функциям (Осипов В.Ф.), конечным интегральным преобразованиям (Осколков А.П.), теории групп (Венков Б.Б.), теории обобщенных функций (Осипов В.Ф.) и теории информации. Мои настойчивость и усилия были замечены кураторами курсов и деканом Валландером С.В., и они мне предложили оформить поступление в ЛГУ и получить диплом матмеха. Тем более, что все спецкурсы сданы, часть общих дисциплин можно перезачесть по результатам учебы в ЛКИ, и осталось «всего ничего», сдать экзамен по научному атеизму и дифференциальной геометрии, да написать дипломную работу. Это было интересное предложение, оно напомнило мне наши нереализованные намерения с Сашей Щелкановым во время пребывания во ВВМУПП. Надо было снова преодолевать формальное препятствие с разрешением. На сей раз это удалось сделать благодаря поддержке нашего кадровика капитана 2 ранга Шелемехи Владимира Ефимовича, который подготовил благоприятный доклад для того же Чернакова С.П. И когда я записался на прием к командиру части и сформулировал свою просьбу, то на вопрос ко мне:

- «Зачем Вам еще один диплом высшего образования?», я ответил:

- «Жизнь не заканчивается военной службой, после службы могут возникнуть разные обстоятельства. Формальные моменты часто играют большую роль».

Адмирал со мной согласился и пообещал уточнить у кадровика, есть ли варианты положительного решения этого вопроса. Вариант нашли. Таким образом, я снова оказался на какое-то время студентом. Времени у меня было достаточно, чтобы сдать два экзамена и написать дипломную работу. Форсировать вопрос не было смысла. Экзамены я сдал впоследствии, не напрягаясь, а дипломную работу оформил и защитил только в 1975 году на базе написанной и опубликованной к тому времени статьи в «Автоматике и телемеханике». Таким образом, я получил еще и диплом математика.

Работать с Виталием Павловичем было интересно. Мне крупно повезло, что к нам назначили начальником настоящего ученого. Именно про таких ученых говорят: «Это «безусловный» ученый». «Условный» ученый – это тот, который работает, если ему создаются условия, а «безусловный» – это тот, который работает всегда. Летом он часто приглашал меня прогуляться по Александровскому парку и во время прогулки вслух размышлял над решением какой-либо задачи. Эти размышления включали поиск каких-то подходов решения, а затем обязательно анализ их сильных и слабых сторон. Такая технология исследовательской работы производила на меня сильнейшее впечатление. Тем более, он не выступал с монологом, а требовал от собеседника участвовать в этом процессе. Его интуиция меня поражала. Казалось, что у любой задачи он заранее знает, каков должен быть ответ. Иногда он поручал мне решить какую-то задачу строгими математическими методами. Найти решение оказывалось совсем непросто. Когда я приносил ему решение, он, как это было всегда, смущаясь, говорил:

- «А я тут тоже прикинул решение задачи, практически оно такое же».

Было удивительно, как он проникает в суть вещей, как чувствует физику процессов.

При очередных оргштатных изменениях 1969 года должность младшего научного сотрудника в отделе была сокращена, и Чернаков С.П. пригласил на беседу Перова В.П. и меня. На беседе мне был задан вопрос, хочу ли я работать с Перовым В.П.. Я ответил утвердительно. Перову В.П. тоже был задан вопрос, как он оценивает потенциал молодого офицера, насколько реальны шансы у последнего написать кандидатскую диссертацию и стать дипломированным ученым. Перов В.П. оценил мои шансы положительно и назвал даже ориентировочный срок подготовки

квалификационной работы – от трех до четырех лет. Тогда СПЧ принял решение реально оставить меня в отделе Перова В.П. с нахождением на штате в другом отделе. После этой беседы мне была конкретизирована задача: разработать теоретические обоснования адаптивных процедур обработки информации с учетом специфики Второго Управления. Эта задача решалась в рамках совместных с 21 отделом нескольких НИР. Общие теоретические результаты исследований были опубликованы в трех статьях академического журнала «Автоматика и телемеханика» в соавторстве с Перовым В.П. и докладах на Всесоюзных симпозиумах. В этот период произошли изменения в отделе. В 1970 году защитил докторскую диссертацию Сапрыкин В.А. и в начале 1971 года он перевелся в Севастополь на должность начальника отдела Океанариума ВМФ. В апреле 1971 года на освободившуюся должность старшего научного сотрудника назначили меня. К декабрю 1972 года можно было докладывать, что сигнальный экземпляр кандидатской диссертации имеется. Нужно было приступить к подготовке защиты. В в/ч 10729 имелся свой кандидатский Диссертационный Совет, председателем Совета был Чернаков С.П.. Чтобы быть принятым к защите, необходимо было пройти довольно сложную процедуру экспертизы. Она включала рассмотрение в отделе с рекомендацией к защите, далее двух неофициальных дипломированных оппонентов, предварительная защита на секции Научно-технического Совета. Наш отдел как самостоятельный относился к секции № 3, которую возглавлял контр-адмирал Крячок Ф.Ф.. При прохождении секции произошел небольшой инцидент, в результате которого по распоряжению СПЧ мне пришлось проходить дополнительно еще и секцию № 2. Тогда я был молодой и глупый. При защите на своей секции на вопрос капитана 1 ранга Едидовича В.Н. я дал не очень вежливый ответ. Поскольку вопрос мне показался неграмотным, то я, находясь в возбужденном состоянии, ответил, что это же известно и этот факт давно доказан теоремой Пугачева. На что хитрый Крячок Ф.Ф. тут же с издевкой сказал Едидовичу:

- «Понял? Ну и сиди»

Тот, конечно же, обиделся и, по-видимому, доложил Чернакову. Ну, а СПЧ распорядился в порядке тренировки рассмотреть диссертацию и на секции № 2. Мне это было неприятно, но мой научный руководитель успокоил меня, дал мне рекомендации, как поступать в таких случаях. Позднее я понял, что все сделано правильно: нужно быть готовым к любым вопросам и надо уметь отвечать вежливо и корректно на все вопросы. Умение быть корректным есть одно из необходимых качеств дипломированного научного сотрудника.

Секцию № 2 вел заместитель начальника Управления капитан 1 ранга Сапожников Игорь Константинович. Предзащита на этой секции прошла гораздо спокойнее. В поддержку работы выступил Кручинецкий М.Ф. (21 отдел) и Койфман Э.Д. (25 отдел). Это были специалисты, с которыми я работал в НИРах, и которые знали мою работу. После всех этих этапов предварительной экспертизы диссертацию приняли к защите. Подготовка к защите является важнейшим звеном всей системы аттестации. Здесь очень много зависит от научного руководителя. Большую роль играет его опыт и научный авторитет. Виталий Павлович указал мне как лучше выбрать структуру доклада, какие сделать акценты. После подготовки текста доклада, он его прочитал, затем заставил меня выступить перед ним, и после внесения некоторых уточнений посоветовал выучить текст. Это связано с тем, что соискатель в первые минуты доклада сильно волнуется. Я это ощутил в полной мере. Защита состоялась 7 июня 1973 года. Совет вел Чернаков С.П.. Никогда, ни до, ни после я не испытывал более сильного волнения, как на защите кандидатской диссертации. Мне казалось, что передо мной сидят «боги», которые знают все, и они сейчас же увидят все мое радиотехническое невежество. У каждого из них «ума палата» и они все знают, а я знаю только то, что делал. А это капля в море. Первые минуты доклада я был как во сне. Вот тогда-то я на автомате и произносил вступительную часть доклада. Спокойствие пришло минуты через три, после того, как я приступил к изложению существа работы. Вопросы, конечно, были, но я уже держал себя в руках и отвечал, как мне кажется, вполне прилично. В поддержку выступил молодой полковник доктор технических наук Радимов Александр Петрович и еще два члена Совета. Результат голосования оказался очень убедительным в мою пользу. Черных шаров не было. Первый рубеж в научной карьере был взят. Далее наступила будничная работа в содружестве с отделом Кручинецкого М.Ф., а также регулярное научно-техническое сопровождение фундаментальных и поисковых НИР, выполняемых ЛИАПом, ЛГУ, МГУ и Институтами АН. 2 мая 1974 года наш Институт был потрясен известием о кончине Чернакова С.П.. Ему не было и 57 лет. Все очень переживали эту утрату. Говорили, что он «сгорел» на работе. Такого знающего, настоящего научного руководителя, талантливого организатора, чуткого и заботливого начальника в Институте после СПЧ уже не было.

Крячок Ф.Ф. по возрасту уже не мог быть назначен Начальником Института. К тому времени он уже чувствовал себя почти гражданским человеком. После поездки в составе делегации в Японию он как-то совсем потерял военную выправку и, будучи

смуглым, с азиатским типом лица, стал похож на японца. Его даже стали звать в части «Крачкаяма». Тем более, что после поездки он перед всей частью делился впечатлениями. Например, рассказывал, что в Японии «все наоборот, на улице жарко, в транспорте холодно, гора ямой называется». Интересно было слушать о его посещении японского ресторана:

- «Принесли кофе наперсточек, да булочку в виде бородавки. С хорошей русской бабой было бы одно разорение».

И в заключении говорил об удовлетворении, которое они испытали на обратном пути в советском теплоходе:

- «Досыта хлеба наелись».

Новым начальником стал Тынянкин И.И.. Он вернулся из Москвы, где занимал должность заместителя начальника РТУ. Вернулся, чтобы получить «муху». В Москве давно оценили его незаурядные способности и называли «царедворцем». Новый командир круто взял курс на подготовку докладов, устраивающих руководство в Москве. Ему нужен был имидж. С этим он справился блестяще, в результате чего получил не только адмирала, но и государственную премию, а через полтора года снова оказался в Москве в должности Заместителя ГК ВМФ по радиоэлектронике. Там он получил еще одну «муху» и вторую государственную премию, оттеснив в очередной раз своих подчиненных из команды претендентов - реальных исполнителей проекта. И все же надо отдать ему должное, выдающиеся менеджерские способности он реализовал полностью.

Начальником Института после Тынянкина И.И. был назначен контр-адмирал Романенко Владимир Николаевич. Он пришел в Институт с должности Начальника 5 отдела Северного флота. По существу это был флотский офицер без опыта исследовательской работы. Первое время он пытался перенести опыт управления на флоте на управление в исследовательском институте. Однако вскоре убедился, что командные методы и стиль здесь совершенно не подходят. Поскольку он был честный и добросовестный человек, то он решительно отказался от предыдущего опыта управления и стал слушать подчиненных, учиться у них. И обстановка в институте нормализовалась. В заместители ему назначили капитана 1 ранга из РТУ Бузова Евгения Яковлевича, человека неумной энергии с сильными авантюрными наклонностями и большими амбициями. Через некоторое время Бузов создал подразделение с чрезвычайно высокой степени закрытости, которое выделилось затем в самостоятельное, а он добился своего и получил «муху». В перестроечные времена Бузов стал главным военным советником в партии Жириновского В.В..

Время руководства Романенко В.Н. было связано с различными реформами в системе исследовательских институтов ВМФ. Речь идет о передаче тематики от одних институтов другим.

В значительной степени это коснулось и наших подразделений. Если еще в апреле 1975 года наш отдел занимался прогнозными исследованиями в области радиоэлектронных средств добывания информации, а меня тогда же назначили заместителем начальника отдела, то уже через год отдел был упразднен и преобразован в исследовательскую группу. Перов В.П. формально был назначен начальником 25 отдела, а реально остался руководить группой. Меня назначили заместителем начальника отдела математического обеспечения тактических тренажеров. Начальником нового для меня отдела был капитан 1 ранга Бичаев Борис Павлович. Он имел кандидатскую степень и очень хотел быть доктором наук. Это был неплохой организатор, но научная культура у него «оставляла желать лучшего». Поскольку мое появление в его отделе не входило в планы начальника, то он встретил меня довольно холодно, и наши отношения не стали дружескими. В какой-то степени этому способствовало и то, что в новом отделе преобладала молодежь, которая разочаровалась в своем научном руководителе, однако тянулась к новым научным изысканиям и возлагала на меня некоторые надежды в том, что даже в такой сугубо технической области мне удастся грамотно поставить для них научные задачи. Примерно в течение года мы с ними проводили научные семинары во внеслужебное время. В этих семинарах Бичаев демонстративно участия не принимал. Основными задачами отдела была разработка специального математического обеспечения (СМО) для тактических тренажеров. Отчеты НИР отправлялись в промышленность для реализации. Для меня этот период важен тем, что именно в это время пришлось существенно поработать над своим военно-морским и техническим системным кругозором. Жизнь, однако, динамична. Вскоре прошли очередные оргштатные мероприятия и тренажерная тематика была передана в другой институт. Менять место службы я не захотел, тем более, что в рамках оставшегося 4 Управления в в/ч 10729 был создан отдел программного планирования НИР, куда я был приглашен. Управление возглавил капитан 1 ранга Коровин Анатолий Петрович, кандидат наук, замечательный руководитель, грамотный, умный, выдержанный и порядочный человек. Он доверял своим специалистам, не боялся брать на себя ответственность и не прятался за спины подчиненных. Я остался по занимаемой должности заместителем, но фактически выполнял все обязанности начальника отдела. К сожалению, такая структура Управления была

временной и просуществовала всего один год. В 1978 году была утверждена новая штатная структура Института, согласно которой во Втором Управлении создавался отдел комплексирования корабельных антенн, куда я был приглашен начальником. Почти через четыре года я вернулся к радиолокационной тематике и прослужил в этом управлении до конца военной службы, уволившись в декабре 1990 года. Основой нового отдела стало исследовательская группа, которой до своего перевода и переезда в Москву руководил Перов В.П.. В 1978 году по инициативе Перова В.П. меня ввели в диссертационный совет в качестве ученого секретаря. Председателем Совета тогда был утвержден ставший Заместителем начальника Института капитан 1 ранга доктор технических наук Партала Анатолий Николаевич. До увольнения его в запас мы руководили Советом, не получив ни одного замечания от ВАКа. Он тоже доверял мне, хотя наши точки зрения часто не совпадали, а я никогда не поддакивал ему, старался его не подводить.

Во Втором Управлении в 1978 году начальником был капитан 1 ранга кандидат военно-морских наук Баскаков Геннадий Сергеевич, а заместителем полковник, кандидат технических наук Максимов Геннадий Иванович. Геннадий Сергеевич был открытым и понятным человеком. Вполне доброжелательным и приятным в общении. Он был хороший флотский офицер, соблюдающий все традиции, на высокую науку не претендовал, хотя ее приложения оценить был способен, его эрудиция в большей степени относилась к военно-морским вопросам, он не старался показать себя выше, чем есть на самом деле. Геннадий Иванович был себе на уме. Манеры у него были мягкие, но все же производил впечатление скрытного и коварного человека с большим честолюбием, очень старался показать свою значимость, любил «надувать щеки». Технически был достаточно грамотный, но не ученый, а чистый администратор.

Весь коллектив Управления мне был хорошо знаком. Меня приняли очень хорошо. Заместителем мне был назначен Иванов Аркадий Васильевич, кандидат технических наук, выпускник ЛИАПа, антенщик по призванию. Спокойный, уравновешенный, умеющий установить контакты с самыми различными людьми. Он взял на себя организацию работ по возбуждению и приему полей перспективными приемно-излучающими элементами, по радиолокационной заметности, а я сосредоточил свое внимание на обработке сигналов в антеннах, в частности, в ФАР, АФАР и других антенных системах. В 1982 году мне было присвоено последнее в моей военной карьере звание капитана 1 ранга. Период с 1978 по 1988 год относится к наиболее плодотворному времени. За этот

период удалось провести большой объем как собственных теоретических и экспериментальных исследований, так и совместных с организациями АН, Минвуза и промышленности. На площадях Института была создана безэховая камера и проведен комплекс экспериментальных исследований по радиолокационной заметности, были выполнены фундаментальные проработки по микрополосковым излучателям для конформных антенн, по адаптивным антенным решеткам, по антеннам с изменяющейся геометрией и фокусировкой луча и т.д. Основные работы были выполнены Ивановым А.В., Кочмановой Л.В., Ошлаковым А.К. и автором этих строк. Научная деятельность проводилась в различных формах, в том числе в широком участии в работе Всесоюзных антенных конференций, Всесоюзных симпозиумов и семинаров, Межкоординационных советов. Такие мероприятия проводились регулярно, не реже одного раза в год.

В эти годы нас стали широко привлекать к научной экспертизе научных работ, статей, диссертаций. У нас сложились хорошие связи с авторитетными специалистами и учеными Института Брамсоном М.А., Демидовым Е.Ф., Кирилловым А.Л., Соколовым О.Е.. В шутку нас с Кирилловым А.Л. и Соколовым О.Е. называли «гробокопателями» для авторов «халтурно» выполненных работ. Считалось, что если работа прошла нашу экспертизу, то ее можно представлять в любой профильный научный журнал.

Будни службы проходили по установленному распорядку дня. Всех офицеров регулярно собирали для объявления приказов различного уровня. Язык приказов всегда очень своеобразный. Сначала, как правило, подробно описывается происшествие казенными фразами, а затем приказная часть («строго указать», «наказать» и т.д.). Иногда попадаются «перлы». Чего стоит, например, такой: «Старший лейтенант Корюкин привел себя в нетрезвое состояние, взломал дверь в чужую квартиру и улегся на диване с женщиной...». (И это до выхода на экраны фильма «С легким паром»). Или же приказ, повествующий, как происходит заготовка продовольствия в отдаленном гарнизоне. Закупленного на мясо бычка перевозили на самолете в бомболюке, а бык на высоте отвязался и создал угрозу для безопасности самолета. Летчик вынужден был открыть бомболюк и освободиться от груза. Самолет в это время пролетал над озером Байкал. Бык угодил в рыбацкий сейнер. Последний получил *«тяжкие повреждения и затонул, команда сейнера была спасена и отправлена в психиатрическую больницу»*. Далее следовала приказная часть с объявлением виновных и о наказаниях.

В конце 1988 года мне пришлось «пережить» последнюю реорганизацию во время моей службы. Это было связано с некоторой перегруппировкой кадров в Управлении и перераспределением тематики. Меня попросили возглавить отдел радиолокационного вооружения больших и средних кораблей в составе двух лабораторий. Мой прежний небольшой отдел вошел в другой отдел в качестве лаборатории. Начальником лаборатории–заместителем начальника этого другого отдела назначили Иванова А.В.. В это время начальником Управления был уже Максимов Г.И., который заканчивал службу, и готовил для Управления «сюрприз» в виде замены вместо себя Цезаревичем А.Б., шустрым и проходимистым капитаном 1 ранга, служившим до этого в самостоятельном комплексном отделе. Увольнение со службы Максимова Г.И. произошло примерно в 1989 году. Чуть пораньше закончил службу и вице-адмирал Романенко Владимир Николаевич, на место которого не назначили Парталу А.Н., а «призвали варяга» с ТОФа, с полигона, контр-адмирала Кашубу Д.Д... Новый командир практически ничем не интересовался и вел себя тихо, никак себя не проявлял. Про таких говорят: «Ни рыба, ни мясо». Обиженный таким поворотом событий Партала А.Н. немедленно демобилизовался. При Кашубе Д.Д. большое влияние на решение всех вопросов приобрел так же вновь назначенный начальник Политотдела Института капитан 1 ранга Масленников. Это был агрессивный, грубый, злобный, мстительный и властолюбивый человек. Он строил различные интриги, пытался везде «развесить уши» и все контролировать, вмешивался во все дела. Кашуба оказался слабохарактерным и не смог его поставить на место. Надо сказать, что за время службы в Институте много сменилось начальников Политотделов. Среди них было немало хороших, глубоко порядочных и достойных людей. Таким был, например Польшиков И.И., Мудрый Н.В. Замечательным, болеющим за дело честнейшим работником, которого за высокие моральные и человеческие качества уважали и любили все сотрудники Института, был заместитель начальника Политотдела полковник Есипенок Михаил Степанович. В то же время был и такой вороватый кадр-хапуга как контр-адмирал Юрченко Д.С.. Но последний, Масленников оказался самой одиозной фигурой. После завершения службы он стал начальником гаражного кооператива. Достойный финал!

В течение 1989 и 1990 годов, когда «перестройка» приняла большие масштабы, мы продолжали работать с надеждой на улучшения в стране по всем компонентам. Тогда мы были довольно наивны в своих представлениях об общественных отношениях, о

законах в социально-экономической и политической сфере. Мы не смогли сделать правильный прогноз и оценить гигантский разрушительный потенциал так называемой перестройки. Нам казалось, что лидеры перестройки и реформаторы грамотные, честные, патриотично настроенные с высоким чувством ответственности руководители. И что все реформы глубоко продуманы, просчитаны и выверены. А это оказалось совершенно не так. Вся наша предыдущая система оказалась уязвимой. Она не имела иммунитета от жуликов и проходимцев. Она оказалась не гибкой, не адаптивной. В жизни мы неохотно шли на общественную работу, не останавливали авантюристов и жуликов, рвущихся «наверх». И эта сложившаяся социальная психология имеет свои объяснения. Однако такая тема требует анализа и размышления в другом жанре.

Лето 1989 года я провел на государственных испытаниях корабельной загоризонтной радиолокационной системы «Подберезовик» в Севастополе. Система была установлена на большом противолодочном корабле «Керчь». Испытания прошли успешно, и система была принята на вооружение. У нашего вероятного противника такой системы в то время не было. У меня нет информации, что такая система сейчас появилась в США. Если в прежние времена за разработку такой системы полагались различные награды и премии, то в разгар перестройки политическому руководству было не до этого. Однако впоследствии факт моего участия и вклада в разработку и принятия на вооружение системы все же были учтены при присвоении мне почетного звания Заслуженный деятель науки РФ в 1996 году. 1989 год оказался для меня богатым на события в личной жизни. Свадьбы детей, рождение внучки, юбилей. Не обошлось и без потерь близких. 7 ноября ушел из жизни отец.

В 1990 году отношение к Вооруженным силам стало меняться, и почти гарантированное продление срока службы на пять лет для дипломированных офицеров перестало действовать. Я достиг предельного возраста и подлежал увольнению в запас. В соответствии с принятым порядком командир части проводил три беседы с офицерами, включенными в план увольнения. Такая беседа у меня состоялась. Кашуба Д.Д. пригласил меня и предложил после увольнения в запас остаться на должности ученого секретаря части – должность профессорская. Я дал принципиальное согласие и поставил вопрос об улучшении жилплощади для моей возросшей семьи. К тому времени вопрос об обеспечении жильем оставался одним из самых острых. Мне было ясно, что все мои научные заделы необходимо как можно быстрее обобщать в

диссертационные материалы. Тогда Приказом ГК ВМФ у меня уже была утверждена тема докторской диссертации. Процедура утверждения сама по себе была весьма сложной. Требовалось получить не только одобрение Ученого совета части, но и положительные заключения не менее трех сторонних организаций. Далее вопрос рассматривался в НТК ВМФ, после чего Председатель НТК представлял документы на утверждение Главкому ВМФ.

В этот период я стал чувствовать интриги Масленникова. Он пытался проникнуть в Диссертационный Совет, не имея ученой степени. Но ситуация изменилась, и ВАК уже отменил положение о включении в Советы представителей политических органов без степени. Честолюбивый «начпо» пытался разговаривать со мной в приказном тоне. Пришлось ему указать, что Ученый секретарь Диссертационного Совета подчиняется только Председателю Совета и действует в рамках Положения ВАК. Думаю, что этот факт и моя независимость стали одной из причин неприязненного отношения его ко мне. К тому времени Начальником Второго Управления стал жуликоватый проходимец Цезаревич А.Б., который с полуслова понимал «начпо». Мне нужно было не допустить отстранения меня от моих же работ в НИР после увольнения в запас по формальному признаку. Только диссертационные материалы при их закрытом характере являются авторскими, и отстранить от них автора никто не имеет права. По существу я готовил сигнальный экземпляр докторской диссертации. Технически это была довольно трудоемкая работа, и мне приходилось заниматься этим все личное время. Одновременно я пытался решить квартирный вопрос через Министерство Обороны. Согласно Приказу МО это было прерогативой командиров частей. Однако свехосторожный Кашуба пытался маневрировать и уйти от решения вопроса, не желая принять ответственность на себя и ссылаясь на то, что эти вопросы решает жилищная комиссия. Я знал, что это не так. На очередной беседе снова поднял вопрос и получил ответ, что такие существуют приказы, и он на моем месте стал бы обращаться к вышестоящим органам. Пришлось заметить, что любое обращение выше будет бросать тень на командира. Однако получил ответ, что пусть это Вас не волнует. Таким образом, я был вынужден открыть обширную переписку с различными структурами Министерства Обороны по вопросу обеспечения моей семьи жилплощадью в связи с предстоящим увольнением. Побывал я и в Москве, в Приемной Министра Обороны, в Главном ПУ МО. Но результат был нулевым, несмотря на все юридические документы, подтверждающие мои права. Армия и флот вступили в полосу масштабных сокращений и не могли обеспечить социальные гарантии увольняемым

военнослужащим. Результатом моих обращений были отписки не только в мой адрес, но и в адрес командира части, как я и предполагал. Не преминул этим воспользоваться и Масленников. Я чувствовал, что он оказывает давление на командира и склоняет его отказаться от обязательств по трудоустройству после моего увольнения в запас. Поэтому необходимо было рассмотреть альтернативные варианты. По рекомендации Кручинецкого М.Ф., работающего к тому времени доцентом во ВВМУРЭ, меня пригласил на преподавательскую работу Ляпин Константин Константинович, заведующий кафедрой математики ВВМУРЭ им. Попова А.С.. Именно это был главный альтернативный вариант. И когда я уже закончил работу над сигнальным экземпляром докторской диссертации и вечером уходил со службы, в коридоре встретил Кашубу. Он поздоровался со мной и как-то виновато сказал, что он бы мог стукнуть кулаком по столу, но... Я уже был готов к такому разговору и не стал выслушивать оправдания, а сказал ему, что освобождаю его от данных мне обязательств и что у меня есть другие предложения. Он как-то сник и молча пошел дальше, в свой кабинет. Это было в октябре 1990-го, накануне подписания Приказа о моем увольнении с военной службы. Через месяц пришла в часть и выписка из Приказа, и в декабре я был исключен из списков части. Так закончилась моя служба в Военно-Морском флоте, которая продолжалась более 27 лет. Начало моей службы совпало с кризисными явлениями в Армии и флоте после авантюрных хрущевских реформ, и окончание связано с началом еще более разрушительных процессов в стране и, соответственно, в Вооруженных силах уже под руководством «минерального секретаря» М.С.Горбачева. Несмотря на эти вообще-то чрезвычайно негативные факты, в целом весь период службы был для меня хорошей жизненной школой. Я встречался и работал со многими замечательными людьми, крупными специалистами, выдающимися учеными и известными военачальниками. Этот период был самым продуктивным. Мы были на уровне мировых достижений в своей области, и это придавало нам чувство удовлетворенности своей работой и ощущение честно выполненного гражданского долга. Последующая в девяностые годы и первое десятилетие двухтысячных годов огульная критика и охаивание периода шестидесятых – восьмидесятых годов, как и всего советского периода, представляется совершенно несостоятельным, необъективным и неконструктивным. А оценки этих периодов надо считать поверхностными и некорректными. Вместо глубокого анализа ученых и специалистов проблем предыдущего периода политическая элита за основу взяла мнение безответственных

авантюристов и дилетантов. Альтернативой предыдущему опыту стала абстрактная свобода, полная безответственность и безнаказанность так называемых демократических структур, анархия и разгул преступности, что привело к недопустимому неравенству и большой социальной напряженности. К огромному сожалению, большую лепту в эту «перестройку» внесла творческая (культурная) интеллигенция, средства массовой информации. А ответить за все это перед народом некому. Все «младореформаторы» процветают до сих пор, никто из них даже не извинился перед народом и обществом.

Доктор технических наук, профессор, капитан 1 ранга Перов Виталий Павлович

Начальник 14 Института ВМФ кандидат военно-морских наук вице-адмирал Чернаков Сергей Павлович

Служба в Александровском дворце г. Пушкина пошла нормально, нужно много работать, 1970 год

Симпозиум. Слева проф. Овчинников Л.Е. и проф. Журавлев А.К., 1986 год

Соблюдаем традиции – на субботник с Кирилловым А.Л., 1987 год

Назначен начальником отдела, 1978 год

Начальник научного отдела с сотрудниками, 1988 год.

Работа по «гражданке» во ВВМУРЭ

Пришло время сменить военную форму на гражданский костюм. Со всеми документами прибыл в декабре месяце 1990-го в Невский районный военный комиссариат Ленинграда. При постановке на учет работник военкомата, офицер запаса, внимательно выслушал меня, включая нерешенный квартирный вопрос, и дал мне информацию, что все-таки сохраняются теоретические возможности получить квартиру офицеру запаса от Исполкома при наличии определенных условий и при решении соответствующей комиссии Исполкома. При внимательном изучении нормативных документов оказалось, что я как призванный на военную службу из г. Ленинграда имею право на получение жилищной площади по льготной очереди при Исполкоме. Для гарантированной реализации этого права мне рекомендовали поработать на общественных началах около года в Отделе распределения жилплощади. Я принял такое предложение. С отделом была достигнута договоренность о том, что одновременно с их работой я смогу выполнять преподавательскую работу как полставочник, начиная с февраля девяносто первого. В Исполкоме мне пришлось выполнять чисто техническую канцелярскую работу. Ну а поскольку я не тратил время на перекуры и разговоры, то моя производительность оказалась выше производительности штатных сотрудников, в основном женщин с их постоянными домашними заботами. Поэтому

режим «полдня» устраивал всех. Моя работа в Исполкоме позволила мне каким-то образом влиять на процесс. Сначала комиссия приняла положительное решение по включению меня в льготную очередь, а затем у меня появилась возможность выбора вариантов. Примерно к осени 1991 года обозначился подходящий вариант в старом фонде, который меня устраивал. И наша напряженная ситуация по жилплощади была частично разрешена. К тому времени в квартире на ул. Ново - Александровской, 11 образовались три семьи. И вот я получил 3-х комнатную квартиру на бульваре Красных Зорь и переехал туда с женой, тещей и младшей дочерью. Две молодые семьи: старшей дочери и сына остались на ул. Ново-Александровской.

С февраля 1991 года я начал преподавательскую работу на кафедре математики в должности доцента. Если заведующий кафедрой встретил меня весьма приветливо, то этого нельзя было сказать о коллективе. Я нашел, что коллектив кафедры не представляет собой единого целого. Оказалось, что Ляпин К.К. назначен на должность сравнительно недавно и его как человека, не имеющего университетского образования, встретили настороженно. Тон задавал выпускник матмеха ЛГУ доцент Князев А.В. Это был достаточно грамотный математик, но необычайно самоуверенный и амбициозный. Он также отличался отсутствием выдержки и беспардонностью. Скорее всего, ему хотелось самому быть заведующим. Князева поддерживали выпускницы ЛГУ ассистент Бедовая Г.Г. и старший преподаватель Стефанова В.Б.. С последними двумя солидаризировался доцент Грошев Б.А.. Ляпина же поддерживали доцент Филиппова Т.И. и старший преподаватель Назаренко А.А.. Особняком держались доцент Андреев А.С. и ассистент Жигалко Т.В.. То, что Ляпин стал приглашать прикладников на кафедру, вызывало у «старой гвардии» глухую тревогу. Оказывается, и до Ляпина на кафедре был «раздрай». Поэтому у нового заведующего была нелегкая задача – нормализовать обстановку на кафедре и придать математическому образованию прикладную направленность. Мне было устроено серьезное испытание – «с ходу» вести практические занятия на различных курсах и по различным разделам математики. Нужно было не только подготовить занятия, но и разработать варианты контрольных работ. Скоро на заседании кафедры доцент Князев публично признал эффективность моих занятий на старших курсах по теории вероятностей, ссылаясь на отзывы курсантов. Постепенно коллектив кафедры признал мою квалификацию соответствующей, и отношение ко мне существенно изменилось в лучшую сторону, особенно после того, как стало известно о наличии у меня диплома

математика. Константин Константинович стал советоваться со мной чаще, и я старался поддерживать его в устремлениях оздоровить климат на кафедре. Скоро представилась возможность освободиться от главного «раздражителя» на кафедре. У Князева подошел срок переизбрания на должность. Нужно было очень корректно «переиграть» соответствующую группировку. И это было сделано. На кафедре была проведена работа с «нейтралами» и принято решение о тайном голосовании с обязательным вычеркиванием «да» – «нет». Против такого предложения трудно было что-либо возразить. Счетную комиссию было предложено возглавить мне, а в члены комиссии включили Стефанову В.Б.. Так что объективность подсчета была гарантирована. Голосование оказалось не в пользу Князева. Он пытался апеллировать. По его расчетам и опросам голосующих результаты должны быть другими.. Пришлось в жесткой форме пресечь его выпады. На Ученом Совете училища он вел себя вызывающе, и Совет согласился с решением кафедры. Впоследствии уволился Грошев Б.А., имеющий склонность к употреблению алкоголя.

Нужно было срочно искать замену Князеву. На эту должность стала претендовать Стефанова В.Б., ее поддерживала шумная Бедовая Г.Г., желающая повысить свой статус до старшего преподавателя. Ляпин был на грани согласия, но я высказал мнение, что лучше найти на должность доцента дипломированного сотрудника, а эту энергичную «парочку» оставить «при своих». Ляпин со мной согласился и попросил меня подыскать кандидатуру. На должность доцента по моей рекомендации был приглашен Евдонин Г.А., который так же принял эстафету «на ходу». При рекомендации я проинформировал Ляпина об особенностях характера Г.А., что на этого человека можно положиться и что он будет работать безукоризненно, только не надо его «дергать», у него здоровое честолюбие и он не идет на компромиссы. Ляпин провел с ним ознакомительную беседу, и вопрос был решен. Стефанова по расписанию должна была вести практические занятия в группах, где лекции читал Евдонин, и вскоре была вынуждена признать, что лектор обладает требуемой квалификацией. Обстановка на кафедре в значительной степени нормализовалась.

В марте 1991 года мне пришлось выехать на похороны моей мамы в Казань. Она пережила отца на полтора года. Хорошо, что рядом с ними всегда была моя сестра Лия. Похоронили ее рядом с отцом, с которым они прожили вместе 56 лет, и рядом с Олегом.

По возвращению я снова окунулся в работу. Кроме практических занятий в весенний семестр мне пришлось прочитать для специальности МО АСУ семестровый курс «Прикладной

функциональный анализ». Так что семестр оказался для меня довольно напряженным. Одновременно нужно было завершить начатое ранее, подготовить окончательный вариант докторской диссертации и представить ее сначала на НТС, а затем в Докторский диссертационный совет училища. Ляпин поддержал меня в этом вопросе. Получил я поддержку в своих намерениях и от старых знакомых - председателя НТС Ковтуненко С.В. и от председателя Совета Сапрыкина В.А., которые уже закончили военную службу в Училище, но пользовались большим авторитетом и продолжали работать.

Новый 1991/92 учебный год я начал уже во вновь открытой на кафедре должности профессора (на половине ставки). На другой половине был к тому времени уже доктор технических наук Полянский Владимир Александрович, коллега еще по работе в Пушкине. Он был совместитель. Его основная работа была в в/ч 10729. Хотя у меня уже был опыт чтения лекций в предыдущем семестре, и я прочитал положенную в таких случаях пробную лекцию, на заседании кафедры по предложению Бедовой Г.С. было решено заслушать специально мою лекцию для преподавателей кафедры на предмет соответствия профессорской должности. Нельзя сказать, что такое решение для меня оказалось ожидаемым, но лекцию перед сотрудниками кафедры я выбрал из цикла «Прикладной функциональный анализ». На лекцию пришли все, кроме Бедовой. Через полчаса после начала лекцию остановили и приняли решение о «соответствии». Так новый учебный год я начал уже профессором. Одновременно нужно было в возможно короткие сроки формировать и апробировать докторскую диссертацию. Осенний период оказался весьма напряженным. Докторская диссертация – это совершенно другой уровень по сравнению с кандидатской. Здесь уже играет роль не только прикладной характер научных результатов, но и фундаментальность, то-есть научная значимость. Кроме того, для технических наук необходимо иметь новые технические решения и высокий уровень внедрения в действующие и принятые на вооружение системы. Соискатель докторской степени оказывается под «пристрелом» со всех сторон. Есть в этом политические аспекты и субъективные моменты. Под предлогом улучшения диссертации даются различные советы, следуя которым можно работать бесконечно долго. Даже уважаемый мною и всегда поддерживающий меня доцент Кручинецкий М.Ф. рекомендовал мне существенно перекомпоновать материал. Искушенный в таких вопросах К.К. сразу же увидел в этой рекомендации намерение затянуть время и решительно рекомендовал не следовать этому совету. Наконец диссертация

закончена и представлена в Совет после прохождения НТС. Позже Ковтуненко С.В. поведал мне, что М.Ф. заходил к нему и конфиденциально высказал отрицательное мнение по моей диссертации. Но я уже принял решение, и отступать не собирался. Совет назначил мне в качестве оппонентов Осипова А.Н., члена Совета училища, Стогова Г.В. и Цветнова В.В., а в качестве головной организации в/ч 10729. Этот список, конечно же, со мной был согласован. Учитывалось, что Осипов А.Н. человек с большими амбициями, широко эрудированный, довольно ревнивый к чужим успехам, завистливый и умеющий с удовольствием раскритиковать любую работу. У него наверняка сохранялась старая обида на меня еще со времени работы в в/ч 10729, когда представленную на редколлегии Бузовым статью Осипова А.Н. как выдающуюся, я как член редколлегии эти претензии отверг, а Осипов тут же ретировался. Мне такой оппонент и был нужен, чтобы его претензии к результатам были заранее известны. Стогов Г.В. принадлежал к плеяде блестящих специалистов по радиолокации школы Дулевича В.Е., а Цветнов В.В. представлял авторитетную школу МАИ. Головной организацией была определена в/ч 10729 в силу того, что она была ведущей в ВМФ и там оставались основные оппонировавшие силы, на которые мог влиять Масленников. Нельзя было допустить их в качестве «черных оппонентов». Как оказалось, выбор себя оправдал. Критику Осипова А.Н. удалось легко «отбить» на защите, поскольку он апеллировал к известным работам и фактически не сумел увидеть принципиальное различие в строгой постановке задачи, а вот отзыв от в/ч 10720 удалось «выбить» после длительной затяжки. Мне пришлось дважды побывать в моей бывшей части в процессе подготовки отзыва. Как я и предполагал «Цезарь» скорее всего с подачи Масленникова дал задание начальнику отдела Савину В.М. подготовить отрицательный отзыв. Но отрицательный отзыв должен быть убедительным и содержать доказательства некорректности научных результатов. Главные результаты были получены в основном при работе в в/ч 10729 и их оценка и вклад исполнителей зафиксированы в решениях секции №2 НТС. Отрицать результаты – это ставить под сомнение квалификацию всего Второго Управления почти за двадцатилетний период. Поэтому аргументов у оппонентов не было. Я не исключаю, что на Савина В.М. оказывал влияние и его учитель Кручинецкий М.Ф., с которым он поддерживал постоянный контакт. Савин В.М. даже отстранил от работы над отзывом Иванова А.В. и, пытался было, поставить передо мной какие-то туманные сомнительные вопросы, однако быстро снял их после моих уточняющих вопросов. В конце концов, после продолжительных дискуссий в Управлении

отзыв был подготовлен и утвержден на секции. В основном это была заслуга моих старых коллег Иванова А.В и Ярыгина Е.Г., которые не «сломались» под давлением начальников. Единственный компромисс, на который по моему совету они согласились –это не формулировать заключительную фразу о соответствии. Но этого Положение ВАК и не требует. Любопытно, что в отзыве были выписаны все результаты из Решений НТС, начиная с 70-х годов, без их объединения по направлениям, в результате чего объем отзыва превысил все рекомендуемые нормативы.

В начале апреля 1992 года состоялась защита. По первым же вопросам после доклада я понял, что мой уровень знаний в выбранном направлении, по крайней мере, не хуже, чем у членов Совета, а возможно и выше, хотя это может показаться нескромным и самоуверенным. Но все вопросы относились не к глубине механизмов исследования, а к широте постановки, к системному подходу. Итог голосования был классическим. Или его называют «белой рубашкой с черным галстуком». В мае месяце Экспертный совет ВАК присудил мне искомую степень на основании решения Диссертационного совета ВВМУРЭ.

В течение 1991/92 по 1994/95 учебный год я работал на полставки профессора кафедры математики. Читал полный курс математики на всех факультетах, начиная с первого курса, вел практические занятия. За основу брал фундаментальный курс Кудрявцева Л.Д... Одновременно продолжал вести курс Прикладного функционального анализа. В январе 1993 года мне было присвоено ученое звание «профессор по кафедре математики». Меня ввели в докторский Диссертационный совет Училища и в/ч 10729.

Занятия на первых курсах проводились на другой площадке, в ОУБе. Для преподавателей кафедры была выделена отдельная аудитория, на дверях которой под табличкой «Кафедра математики» курсанты нацарапали уважительную надпись: «Черепя». В целом этот период на кафедре и в училище был спокойным. На кафедре появились новые преподаватели. Очень интересным и обаятельным человеком оказался доцент Дьяков Юрий Павлович. Он был физиком по образованию, до увольнения в запас служил заместителем начальника кафедры АФУ. На праздничных мероприятиях не только читал стихи, но и с большим чувством исполнял популярные советские и народные песни, особенно любимые украинские. Коллектив кафедры пополнился молодыми выпускницами университета. Обстановка полностью нормализовалась.

В конце 1994-го и начале 1995-го в Училище стал обсуждаться вопрос о создании новых специальных кафедр теоретического плана под руководством гражданских специалистов. Решением ГУ ВВУЗа были созданы три такие кафедры. Одну из этих кафедр поручили организовать мне. Было немного грустно расставаться с кафедрой математики, потому как я уже привык к этому коллективу и полностью освоился с читаемыми дисциплинами на кафедре. С заведующим кафедрой Ляпиным Константином Константиновичем сложились прекрасные деловые и дружеские отношения. Он был интеллигентным и глубоко порядочным человеком и ученым, пользовался большим авторитетом не только в Училище, но и далеко за его пределами, наряду с заведованием кафедрой осуществлял научное руководство Проблемной НИЛ Училища.

Одной из целей новой организации было повысить уровень фундаментальной подготовки выпускников и сохранить в училище опытных квалифицированных ученых–педагогов. Мы все считали, что в интересах дела такое решение следует всячески поддерживать. Поэтому после обсуждения ситуации с К.К. я получил от него согласие и «благословение» на переход в новое качество. А полную ставку профессора на кафедре математики занял Полянский Владимир Александрович, полностью перешедший из в/ч 10729.

Новая кафедра на первых порах называлась Кафедрой радиоэлектроники, а впоследствии переименована в Кафедру радиофизики и морской радиолокации. Такая кафедра должна была начать функционировать с сентября 1995 года. Нужно было разработать учебные планы, учебные программы дисциплин, провести их согласование с другими кафедрами, в короткие сроки подготовить другую учебную документацию. Всю эту работу могли выполнить только опытные, квалифицированные специалисты. Необходимо было также сформировать коллектив, который был бы слаженным и дружным. Работая в тесном контакте с начальником Кафедры радиолокационных средств капитаном 1 ранга доцентом Сахаровым Александром Николаевичем, мне удалось решить все эти задачи. На должность начальника методического кабинета был приглашен Кириллов Леонард Иванович. Это был опытный и квалифицированный педагог, около двух десятков лет прослуживший заместителем начальника кафедры. Для него не было секретов в части организации учебного процесса. Его знали и уважали в училище практически все за спокойный и доброжелательный характер, за организованность, четкость и аккуратность в работе. На должность профессора (половина ставки) я пригласил профессора Стогова Генриха Владимировича, одного из авторитетнейших специалистов в радиолокации. Другая половина

ставки профессора была предложена кандидату технических наук доценту Кручинецкому Михаилу Федоровичу. К этому времени М.Ф. занимал полставки доцента. Эту половину активно оспаривал его ученик Фадеев Федор Иванович, бывший начальник той же кафедры. Мне было известно об отрицательном отношении М.Ф. к моей диссертации, но я не склонен был акцентировать на этом внимание, и учитывал весь положительный опыт предыдущей совместной работы, а также тот факт, что к тому времени он зарекомендовал себя отличным педагогом и у него уже была своя научная школа. Важнее всего была деловая составляющая. На должность доцента был приглашен доцент Даняев Анатолий Семенович, тоже офицер запаса. Капитан 1 ранга запаса Лукин Валерий Сергеевич согласился занять должность старшего преподавателя. На преподавательскую должность был приглашен Афанасьев Сергей Сергеевич, ветеран Училища. Такой состав оказался очень мобильным и быстро включился в учебный процесс. Вскоре на кафедру передали электродинамическую лабораторию. В коллектив кафедры пришли Лотенков Николай Иванович и мичман Сергей Гуцин. Мне пришлось взять на себя и поставить две дисциплины: «Электродинамика и распространение радиоволн» и «Антенны и устройства СВЧ». Первая была годовая, а вторая семестровая. Материалы лекций пришлось разрабатывать вновь. Необходимо было обеспечить современный уровень. Мною был прочитан также цикл лекций и для адъюнктов по специальным разделам математики и статистической радиофизики.

Кафедра работала дружно и эффективно. В 1996 году мне вместе с другими профессорами ВВМУРЭ имени Попова А.С. присвоили звание «Заслуженный деятель науки РФ». А вскоре удалось организовать присвоение в виде исключения ученого звания «профессор» Кручинецкому М.Ф. Кафедра просуществовала до следующих оргштатных мероприятий в 2000 году. Это совпало с моим уходом из, тогда уже, ВМФРЭ в Северо-Западную академию государственной службы. Жаль было расставаться не только с коллективом кафедры, но и со всем коллективом училища, где мне работалось очень комфортно, но большая удаленность и другие объективные обстоятельства вынудили меня принять решение о переходе. Так осенью 2000 года я окончательно распрощался с Военно-Морским флотом, с которым я был непрерывно связан 37 лет.

Заведующий кафедрой морской радиолокации и радиофизики, 1996 г

Заседание кафедры в ограниченном составе, 1997 год

Новое направление работ

Еще в мае 1992 года мой коллега Полянский В.А. обратил внимание на информацию в газетах города о конкурсе на вакантные должности профессорского состава нового вуза – Санкт-Петербургского института государственного и муниципального управления. В основном это были должности заведующих кафедрами. Среди них были кафедра управления экологической безопасностью и кафедра статистики и прикладной математики. В.А. поделился со мной этой информацией и предложил подать документы на конкурс, соответственно он подает на первую кафедру, а я на вторую. Мне такое предложение показалось интересным, но я в то время предпочитал должность обыкновенного профессора и поэтому отправился на разведку. Новое учреждение располагалось в Таврическом дворце, где в доперестроечный период функционировала Высшая партийная школа. Как я понял, как раз эта школа и перепрофилировалась. Здесь она называлась Северо-Западный кадровый центр – Санкт-Петербургский институт государственного и муниципального управления. Прежде всего, я поинтересовался в конкурсном отделе, какие цели поставило руководство перед новой структурой, перед кафедрами и может ли быть востребован мой опыт в должности обыкновенного профессора. Ответ обаятельной сотрудницы по фамилии Ларина меня слегка удивил. Она сразу же сказала мне, что конкурс объявлен только на должности заведующих, общих целей она не знает, а цели для кафедр должны формулировать претенденты на должности. В то же время она настоятельно рекомендовала мне подать документы на конкурс. В пакет документов входила программа конкурсанта с формулировкой целей и задач, перечнем и расписанием учебных дисциплин. На мое замечание, что этого нельзя сделать без информации хотя бы в самом общем виде о целях и задачах организации в целом, сотрудница тут же пригласила одного из организаторов конкурса для беседы со мной. Это был сравнительно молодой мужчина по фамилии Грибанов В.В.. Из беседы с ним мне стало ясно, что речь идет о подготовке новых управленцев для государственных и муниципальных структур, т.е. дипломированных государственных служащих. Сама по себе идея была интересной, но ее реализация казалась очень проблематичной. И, тем не менее, я на всякий случай решил принять участие в конкурсе. Подготовил документы и сдал их в конкурсный комитет.

В новом учебном заведении еще не было Ученого совета, и конкурс проводил специально сформированный городской Конкурсный совет, куда входили представители различных

общественных, учебных, научных и административных структур города.

Полянский В.А. сдал документы неделей раньше. Мы работали на полставки каждый и решили на всякий случай подстраховаться. Примерно через месяц В.А. сообщил мне, что его кандидатура не прошла и «у них есть свои люди». Я тоже не питал иллюзий на свой счет, однако в начале июля мне позвонил директор центра Теплов Эрнст Петрович и объявил решение Конкурсного совета о моем избрании на должность заведующего кафедрой «Статистики и прикладной математики» и попросил подъехать к нему. Для меня это было неожиданностью. По прибытию к Теплому на беседу я сообщил, что имею обязательства по своему месту работы и не могу от них отступить. Когда же он узнал, что я уже офицер запаса, то мне было сказано, что никаких препятствий для выполнения обязательств он мне чинить не будет.

- «Работайте где угодно и в какой угодно форме, лишь бы здесь, у меня все нормально функционировало».

Надо было провести большую работу по определению перечня дисциплин и подготовке всего пакета учебной документации. И, конечно же, надо было начинать практически с нуля. Теплов ознакомил меня с делами всех претендентов на должность заведующего в расчете на то, чтобы кого-нибудь пригласить на преподавательские должности. Моих конкурентов оказалось десять человек. Среди них был доктор экономических наук Ходачек Владислав Михайлович, который прошел по конкурсу на экономическую кафедру. Мне все претенденты были не знакомы, и я решил не рисковать. Первым на должность профессора кафедры я пригласил тогда кандидата технических наук Кириллова Александра Леонардовича. В/ч 10729, в которой работал А.Л., переживала трудные времена, исследования не финансировались, зарплата задерживалась. Кириллов А.Л. дал согласие, а затем на полставки доцента согласилась по совместительству Башкеева Наталья Викторовна, а затем и Клоков Владимир Иванович.. Это была моя главная опора на хорошо проверенные кадры из в/ч 10729. Из новых сотрудников я пригласил на должность профессора доктора физико-математических наук Жигалко Евгения Фаддеевича, на должность доцента - кандидата физико-математических наук Круглова Алексея Игоревича. На должность старшего преподавателя по рекомендации Ходачека В.М. была приглашена выпускница факультета ПМ и ПУ ЛГУ Чахирева Анна Александровна. На должность преподавателя я пригласил Полянскую Светлану Владимировну, выпускницу матмеха ЛГУ. Этим составом мы начали первый учебный год. К тому времени не существовало образовательного стандарта по

специальности «Государственное и муниципальное управление». Когда я формировал учебные планы, то у заместителя директора по учебной и научной работе Филиппова Германа Григорьевича поинтересовался, где кафедра общей математики. Мне был дан ответ, что такой кафедры нет. На мое замечание, что не может быть прикладной математики сразу после элементарной, без общей высшей, Г.Г. предложил взять на кафедру всю математику и все математические дисциплины. Так пришлось начинать занятия с классических разделов математики. Отдельно была заявлена Алгебра и Линейное программирование, Математический анализ, Теория вероятностей и математическая статистика. Первый учебный год мы провели в Таврическом дворце, но скоро ситуация стала для СЗКЦ крайне неблагоприятной. Все дело в том, что тогдашний мэр господин Анатолий Собчак рассматривал эту новую структуру как запасной вариант для себя. Однако директор СЗКЦ Теплов Э.П. решительно был с этим не согласен и старался иметь дело с Роскадрами в Москве, игнорируя любые указания мэра. Собчак поставил задачу избавиться от Теплова любыми путями. Для этого он создал свою городскую Высшую административную школу и всячески способствовал организации в Питере Межпарламентской ассамблеи с размещением ее в Таврическом дворце. С помощью различных интриг и подтасовок вместе с одиозным проходимцем и дезинформатором Починком они подготовили и подписали у подвыпившего Ельцина документ на передачу дворца с общежитием и прилегающими постройками, а также всего имущества Межпарламентской ассамблеи. Информация о технологии подготовки этого фантастического документа стала известной из соответствующих стенограмм. «Альтернативную равноценную площадь» Собчак и не думал предоставлять. Он дал понять, что смягчит свою позицию, если произойдет смена руководства СЗКЦ. Теплов решил отступить и провести рокировку. Директором по договоренности был назначен Чубинский–Надеждин Вадим Васильевич, ранее занимавший должность первого заместителя. Однако Теплов не учел коварства человеческой сущности. Чубинский-Надеждин В.В. не посмел ослушаться и выполнил пожелание Собчака не брать на работу Теплова. В то же время Собчак уже не собирался реализовывать первоначальную идею, потому как ее реализация оказалась затруднительной в силу ранее принятых им решений и предпринятых действий. Поэтому положение нашего учебного заведения оказалось незавидным. Вскоре прошла реорганизация всех региональных учреждений подобного профиля и создана система академий под эгидой Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Некоторое время наша оказавшаяся бездомной организация, ставшая Северо-Западной Академией государственной службы, арендовала учебные и другие помещения. И вот, наконец, новый губернатор Яковлев В.А. издал распоряжение о передаче Академии небольшого особняка на 8 линии В.О.. С этого момента начинается поступательный рост Академии. Через некоторое время Академия получает новые площади. Сначала на Среднем, 57, где расположилось главное здание. Затем получено здание на Тучковом переулке, далее на 7 линии, 18, на улице Черняховского и на Зеленковом переулке. Академия стала расти и крепнуть. Появились хозрасчетные факультеты: Международных отношений, Социальных технологий, Экономики и Финансов, Юридический, Институт повышения квалификации и переподготовки, а также 9 филиалов. За время с 1992 года по 2009 год ректорами Академии были Теплов Э.П., Чубинский-Надеждин В.В., Шамахов В.А. и Горшков А.С., который возглавлял Академию в последнее время. Мне нелегко было работать во время ректорства Чубинского В.В.. Он был лингвистом и доктором исторических наук. Точные и естественные науки ему были чужды, его главное оружие было - умение лавировать. Очень любопытная деталь в его поведении. После ликвидации ВПШ, как говорят осведомленные люди, он первый сжег свой партбилет, а впоследствии везде отмечал, что заведовал в ВПШ Кафедрой рабочего движения, хотя на самом деле это была Кафедра рабочего и коммунистического движения. Но в целом надо отдать ему должное. За почти десятилетнее руководство Академией Чубинский В.В. сумел не только сохранить учебное заведение в самый трудный период, но и по существу поставить его «на ноги». Именно при нем были созданы хозрасчетные факультеты и открыты филиалы в других городах. При нем были установлены международные связи с учебными заведениями Европы, Азии и Америки. И не только с учебными заведениями. Делегации от Академии регулярно выезжали в другие страны для изучения опыта государственного управления. Дважды в составе такой делегации пришлось побывать в Германии и мне. Были установлены и другие культурные связи. В частности, по договору дважды в год профессорско-преподавательский состав отдыхал на спортивно-оздоровительной базе Танхуваара. в Финляндии до 2008 года.

Не легче было мне работать и при Шамахове В.А., хотя он был уже не гуманитарием по образованию, а выпускником Высшего мореходного училища им. адмирала Макарова С.О.. Шамахов В.А. пришел в Академию в 2003 году. До этого назначения он был начальником Северо-Западного таможенного управления. У него были обширные связи в «высоком руководстве», сохранившиеся с

комсомольских времен. Трудности при нем были другого плана. Он был ярко выраженный администратор, не имел опыта руководства научными или учебными коллективами и не особенно считался с профессорско-преподавательским составом. Руководство нашей Академией, судя по его действиям, для него было очередным этапом продвижения «наверх». Предприимчивый и энергичный, он привел с собой целую команду верных ему людей, ввел для них высокооплачиваемые должности и опирался главным образом на них. Ему было важно не содержание и качество подготовки специалистов, а внешние показатели. Главным было стремление произвести впечатление. Довольно скоро он перебрался в Москву на должность заместителя Начальника аппарата Правительства РФ. Все же это незаурядный человек, который не упустит своего и чужого. Он остается «на плаву» при всех перипетиях в верхних эшелонах власти, когда «горят» его начальники и замы.

С декабря 2004 года ректором Академии стал Горшков Александр Сергеевич. С ректором Горшковым А.С. работать стало комфортно. Он высоко культурный и интеллигентный руководитель. Его большой опыт работы в Комитете по образованию Правительства Санкт-Петербурга, в Совете ректоров ВУЗов города, многолетняя работа на одной из ведущих кафедр ЛИАПа соединяют в себе те необходимые качества, которые нужны для руководства сложного специфического учебного заведения, каким является СЗАГС. Он имеет научные степени доктора педагогических и кандидата технических наук. Эти степени ему присуждены до его назначения на высокую должность. Александр Сергеевич чувствует перспективу и понимает важность внедрения в практику управления новых технологий на количественной основе. Его естественно-научное и техническое (лиаповское) образование позволяет глубже понимать суть управления сложными системами и процессами. Благодаря его пониманию и поддержке удалось реализовать многие замыслы. С начала 2010 года проректором по учебной работе был назначен Федорков Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор, имеющий большой опыт работы в вузах профиля «Экономика и управление». При его поддержке и по его инициативе кафедре было поручено оценить возможности организации учебного процесса в Академии по подготовке бакалавров направления «Бизнес-информатика». Такая работа была выполнена, подготовлен пакет документов, который был рассмотрен и принят Рособнадзором, в результате Академия получила лицензию по указанному направлению, по которому наша кафедра определена выпускающей. В 2012 году кафедра провела первый набор на это направление и начала подготовку бакалавров. В целом работа под

руководством Горшкова А.С продолжалась до завершения его ректорских полномочий 3 мая 2011 года.

Все-таки жизнь динамична. Осуществляемый на самом высоком уровне поиск наилучших организационных форм подготовки квалифицированных специалистов-управленцев для народного хозяйства и государственной службы привел к очередному этапу реорганизации всей системы подготовки управленческих кадров. В декабре 2010 года создана Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, в которую все региональные академии вошли на правах филиалов. Наша академия получила статус Северо-Западного института управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ. Директором института назначен Шамахов В.А. Его руководство снова началось с различных организационных мероприятий. Заявленная им «модернизация», «мотивация» и «мобилизация» явились предлогом для всей перестройки и фактического разрушения слаженно работающего организма Академии. Начался гипертрофированный рост различных управленческих отделов и структур. Были заменены все прежние заместители директора, за исключением заместителя по персоналу, приглашенного и назначенного еще при первом приходе Шамахова В.А. в СЗАГС. Отстранён от руководства такой опытный и знающий руководитель как профессор Федорков А.И. Заместителями стали молодые люди, не имеющие ни знаний, ни опыта, некоторые из которых имеют сомнительную репутацию. Были заменены все деканы. Ряд из них являются известными специалистами и опытными организаторами, такие как профессор Ключев А.В., доцент Засядь-Волк В.В., доцент Тарасов Н.А.. Новые люди считают себя обязанными директору и, по существу, боятся высказать своё мнение, если оно не совпадает с мнением директора. Количество бюрократических структур превысило все мыслимые размеры, в результате чего оперативное решение даже мелких вопросов превратилось в проблему. Всем вновь принятым малым и большим начальникам положены высокие оклады, превышающие оклады профессорско-преподавательского состава. Директор, позиционируя себя демократом, фактически взял на вооружение в институте чисто административный стиль руководства. Его слова никак не согласуются с делами. У него нет коллег, есть подчинённые. По его ряду заявлению в местной прессе и СМИ можно сделать вывод, что он не считает нужным учитывать специфику творческого труда профессорско-преподавательского состава. Поэтому научно-педагогический коллектив института чувствует себя униженным.

В Академии (институте) сначала ее образования работали и продолжают работать квалифицированные научно-педагогические кадры. Например, кафедрой экономической теории долгое время заведовал крупный и авторитетный специалист по экономике профессор, доктор экономических наук Сибирев Анатолий Иванович. На экономических кафедрах работали такие известные специалисты, как доктор экономических наук, профессор Салин Владимир Григорьевич, кандидаты наук, доценты Гиманов Николай Петрович, Мухачев Владимир Михайлович. Продолжают работать кандидаты наук, доценты Сикацкий Виктор Анатольевич, Насонова Лариса Петровна, Ясюнецкая Анелия Викторовна. Кафедрой философии заведует известный специалист-аналитик, нестандартно мыслящий Заслуженный работник образования РФ, доктор философских наук, профессор Филиппов Герман Григорьевич. На этой кафедре работал блестящий лектор и интереснейший человек и ученый Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор Баскин Юрий Яковлевич. Долгое время Кафедрой связей с общественностью возглавлял профессор Варустин Лев Эдуардович, доктор наук, широко известный своими работами в журналистских кругах. Это высоко нравственный и глубоко порядочный человек. Вызывают симпатию и другие специалисты. Например, Антонова Людмила Ивановна, заведующая кафедрой, Заслуженный работник образования РФ, доктор юридических наук, профессор, а также многие другие.

За два с лишним десятилетия наша кафедра неоднократно меняла название, в последнее время она выросла и реорганизовалась при поддержке ректора в кафедру под названием «Кафедра математики и моделирования социально-экономических процессов». В разные годы на кафедре защитили диссертации и стали докторами наук Кириллов Александр Леонардович и Клоков Владимир Иванович. Кандидатами наук стали Кичко Сергей Игоревич, Полянская Светлана Владимировна и Чахирева Анна Александровна. Кафедра стала выпускающей по специализации «Управление социально-экономическими процессами» для специальности «Государственное и муниципальное управление», выпускающей по направлению бакалавриата «Бизнес-информатика», базовой для аспирантуры и Диссертационного совета по научным специальностям «Системный анализ и обработка информации в СЭС», «Управление в социальных и экономических системах» и «Математическое моделирование, программы и комплексы». Кафедра в 2008 году произвела первый выпуск специализации. Все без исключения выпускники получили отличные оценки на выпускных государственных экзаменах и защитили на отлично

выпускные дипломные работы. Кафедра укомплектована дипломированными специалистами. На 1 января 2009 года на кафедре работали семь докторов наук и профессоров, в т. ч. трое Заслуженных деятелей науки РФ. Это доктор физико-математических наук, доцент Аксенова Ольга Анатольевна.; доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ Дегтяренко Галина Анатольевна; доктор технических наук, профессор Кириллов Александр Леонардович.; доктор физико-математических наук, профессор Клоков Владимир Иванович; доктор военных наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ Наумов Владимир Николаевич; доктор технических наук, профессор Скобов Евгений Дмитриевич. и автор этих строк. На кафедре работают также 13 кандидатов наук и доцентов. Это: Башкеева Наталья Викторовна, Богданова Алевтина Федоровна, Борисова Елена Юрьевна, Евдокимов Павел Андреевич, Евдонин Геннадий Александрович, Кичко Сергей Игоревич, Котов Александр Ильич, Литвиненкова Зоя Николаевна, Павлова Татьяна Анатольевна, Полянская Светлана Владимировна, Родионова Елена Александровна, Черкасова Елена Викторовна, Чесноков Евгений Александрович. Кроме того, на кафедре функционирует постоянно действующий научный семинар «Количественные методы в управлении», регулярно проводятся внутренние и межрегиональные Олимпиады «Математика в управлении»

Но нельзя сказать, что все идет «как по маслу». Приходится преодолевать известное противоречие интересов, особенно в условиях коммерциализации образования. Значительному числу руководителей управленческих структур института (Академии) нужны высокие показатели и статистика, а кафедра должна ставить во главу угла знания, и, следовательно, предъявлять к студентам высокие требования. По объективным причинам школьная подготовка в целом в последние годы стала очень низкой. В сочетании с необходимостью большого числа студентов подрабатывать, времени на занятия и для хорошего усвоения материала у студентов не хватает. Это приводит к тому, что успеваемость по математическим дисциплинам оставляет желать много лучшего, что, конечно же, создает определенные проблемы и руководству. И в этом случае кафедра часто ощущает на себе давление с разных сторон, а принципиальность и выдержка сотрудников кафедры подвергается серьезным испытаниям. Хотя эти проблемы носят общий характер, все же в математических дисциплинах они ощущаются острее всего.

В более или менее стабильный для меня период работы в Академии в 2000 году, когда еще я был тесно связан с

радиофизической тематикой, сразу, после увольнения из ВМИРЭ меня пригласили поработать по совместительству на Кафедре эксплуатации РТС и антенно-фидерных устройств в ЛИАПе. Мне было трудно сразу отказываться от тематики, с которой так связала судьба, и я дал согласие. Тем более, что там продолжали работать мои старые знакомые и друзья. К тому времени туда перешел и Стогов Генрих Владимирович. Кафедрой заведовал профессор Красюк Владимир Николаевич. Ректора ЛИАПа Оводенко Анатолия Аркадьевича я тоже знал еще по советским временам. Он и выделил полставки профессора на кафедру «под меня». Сначала мне были поручены практические и лабораторные занятия по «Антеннам и устройствам СВЧ», а затем заведующий попросил подготовить годовой курс «Методы математической физики» для специальности «Промышленная электроника». Классический вариант для такой специальности, по моему мнению, не подходил. Необходимо было учесть специфику твердого тела. Для ее учета необходимо было перейти к описанию процессов на языке обобщенных функций, т.е. использовать подход академика Владимирова В.С.. Такой курс мною был подготовлен и читался студентам ЛИАПа до 2005 года, до моего окончательного ухода из этой тематики. Это было связано с тем, что именно в 2005 году нам в СЗАГС удалось открыть специализацию, а для ее реализации требовалось поставить совершенно новые дисциплины и разработать соответствующее учебно-методическое обеспечение. В рамках специализации разработанный учебный план включает 12 специальных дисциплин. Их выбор произведен на основе анализа учебных планов «продвинутых» отечественных учебных заведений аналогичного профиля и прогноза требований к управленцам–системщикам. «На себя» пришлось взять Теорию игр при принятии решений в условиях конфликта интересов в СЭП, а затем и Управление организационными системами.

Кафедра математики провела научно-методический семинар с филиалами,
2003 год

В перерыве работы научной конференции в Калуге в 2005 году

Культурная программа научной конференции в Калуге в 2006 году

Объявляются итоги голосования. По итогам голосования ректором СЗАГС избран Горшков Александр Сергеевич

На кафедре Экономической кибернетики Харьковского национального экономического университета. Международная конференция. Апрель 2009 года

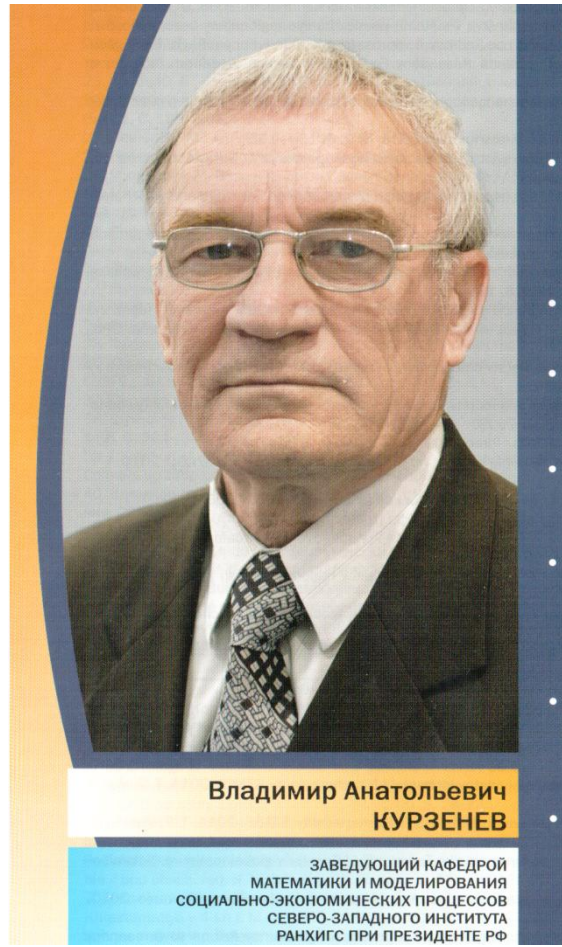
Открытие 5-й Межрегиональной Олимпиады «Математика в управлении». База отдыха Академии, 5 апреля 2010 года

С докладом на НТК-2010

С доски почета в СЗАГС. Человек года.2009 год

Чествование ветеранов в день Защитника Отечества, февраль 2013 г.

О некоторых однокашниках

Окончательное становление любого человека происходит в возрасте от 17 до 25 лет. В моей жизни этот период приходится на студенческие годы. Именно в студенческие годы формировались основные приоритеты, представления о главных ценностях. Нас объединяли общие представления о морали и долге, о порядочности, о месте человека в коллективе. Узы дружбы и товарищества возникали и воспитывались не только в наших совместных занятиях в институте, но и во внеучебных мероприятиях, укреплялись совместным проживанием в студенческом общежитии. Дружба и товарищество, возникшие в студенческие годы, являются наиболее прочными. Многие из нас и после окончания института шли по жизни рядом, поддерживали связи друг с другом. Поэтому не зря наш выпуск регулярно отмечает юбилейные встречи по случаю окончания «корабелки», начиная с десятилетия. У нас существует неофициальный Оргкомитет, идейным вдохновителем которого является Наташа Егорова (Гельфенштейн). Отмечали 15 лет окончания, 20 лет, 25 лет, 30 лет, 33 года, 35 лет, 43 года, 45 лет, 48 и, наконец, 50 лет. К пятидесятилетию была издана книга «Страницы воспоминаний». Кроме того, была организована встреча, посвященная 50-летию поступления в ЛКИ. Встречи проходят очень тепло, ведь мы возвращаемся в нашу молодость, в наше время. Даже на последней встрече присутствовало около 70 человек, причем приезжают наши выпускники из других городов.

Выпускники нашего факультета шестидесятых годов продолжали следовать лучшим традициям ВУЗа. Там, где они оказывались по распределению, окружающие ощущали их оптимизм, юмор и сарказм. Чего стоит, например, появившееся на факультете шутивное публичное письмо из «гидражки» на имя декана в стиле пародии на рассказ А.П. Чехова «Ванька Жуков». Что-то вроде: «Милый деканушка, возьми меня отседова. Инженеры надо мной надсмеаются, посылают по кругу и за водкой, а на дверях кругом по три буквы... АХО, ОГТ, ОГМ,... Сжался, возьми назад меня, сироту несчастную, милый деканушка, Христом - богом тебя молю... Хошь пиджак тебе подавать буду, али ботинки чистить...». И так далее... Были пародии и в стиле чеховского «Письма ученому соседу».

В моей жизни студенческих друзей и товарищей было и остается довольно много. Некоторые уже ушли из жизни. Но они оставили в жизни большой след и всегда будут в моей памяти. В первую очередь это Юра Пахомов. С небольшим перерывом мы шли с ним рядом по жизни от сентября 1957 г. до его кончины в 1993 году. В 1968 году он был призван из запаса в нашу в/ч 10729, прослужил

более 20 лет в отделе Ступиченко Н.Н. – Исакова В.А. и был уволен в запас в звании капитана 2 ранга. Его основная работа была связана с сопровождением проектирования и создания специальной техники. Он был хороший инженер–испытатель, скромный, работающий, без претензий на большую науку. Благодаря его деловым и человеческим качествам, оперативно решались многие организационные и технические вопросы. При непосредственном участии Пахомова Ю.М. были созданы и приняты на вооружение ВМФ несколько образцов техники. Как это часто бывает, награды за эту технику получали высокие начальники. На флоте, да и не только на нем, как и всегда тоже действовал принцип «наказание невиновных, награждение непричастных». Скоропостижная кончина в 1993 году была шоком для всего студенческого братства, выпускников–корабелов.

Следующим товарищем по студенчеству и первоначальной военной службе был Вася Морозков. Мы прошли с ним тоже весь студенческий путь вместе, со 2-го курса жили в одной комнате в общежитии и прошли вместе «оморячивание» во ВВМУПП. Затем Вася служил на Балтике, в Лиепае, а после военпредом в Пржевальске. В 1968-м он перевелся сначала в Большую Ижору, а затем в в/ч 30303, где и служил до увольнения в запас. Уволился в звании капитана 2 ранга. Затем работал там же уже научным сотрудником, защитил кандидатскую диссертацию и, по существу сумел подготовить докторскую, однако защитить ее не успел. Мы поддерживали с ним связь всегда, он был неизменным участником всех встреч выпускников–корабелов 1963 года выпуска. После смерти жены Вася тяжело заболел, и болезнь помешала ему завершить задуманное – защитить докторскую. Нам всегда казалось, что Вася с его отменным здоровьем переживет всех. Однако, по всей видимости, сказались его продолжительные командировки на подземные испытания на Новой Земле и работа со специальным боезапасом. Опухоль головного мозга, которую диагностировали только после вскрытия, за короткое время «скосила» его. Его не стало в 2007 году.

Из других однокашников очень интересной фигурой был Лакштанов Фридрих Гиршевич, или просто Фред. Это был отличный товарищ, оригинальный в своих действиях и поступках, обладающий феноменальной памятью и аналитическими способностями. За что бы он ни брался, он вникал в суть и полностью разбирался в проблеме. Еще в студенческие времена проявилась его необыкновенная способность сочетать удивительную непосредственность и находчивость. Он всегда был активным борцом за правду и справедливость. По характеру взрывной и

импульсивный, но удивительно доброжелательный. С ним всегда происходили всевозможные, забавные истории. Ему ничего не стоило ответить на просьбу симпатизирующей модницы Ларионовой одолжить гребешок расчесаться:

- «Не дам, откуда я знаю, может у тебя воши есть..».

Или обычный эпизод со сдачей экзамена. Идет экзамен по теоретической механике. Материал трудный, все студенты дрожат, боятся заходить в аудиторию. Появляется Фред, заходит в аудиторию, берет билет и, посмотрев в билет, шумно выражает восторг, что попался легкий билет, и он хочет сразу же отвечать. Изумленный доцент Мошков Г.Д. разрешает отвечать и убеждается, что Лакштанов подготовлен отлично. Вступал он и в дискуссии с преподавателями, особенно по общественным дисциплинам, но от этих дискуссий оценки не повышались. Уже в то время мы все ощущали его правовую культуру. Перед призывом на военную службу Фред уже на беседе у военкома «отличился». После завершения беседы он спросил:

- «А что Вы там пишете?»

Военком ответил, что записал нежелание собеседника призываться на действительную службу, и показал запись. Фред успокоился и вышел из кабинета, а затем быстро вернулся и заявил оторопевшему полковнику:

- «Вы знаете, я передумал!»

- «Да?»

- «Запишите, что я категорически против!».

И все-таки был призван вместе со всеми. Его активность и настойчивость помогли назначению на Камчатку, где он как специалист–минер проявил себя наилучшим образом. Его команда всегда брала призы на всех флотских соревнованиях по приготовлению специальных средств. В то же время Фред завел активную переписку со всеми структурами власти, указывая на неправомочность нашего призыва на действительную службу и требуя отмены незаконного приказа. Причем он строго соблюдал всю иерархию обращений. Когда на обращение Генеральному Прокурору ему пришла отписка за подписью Заместителя Генерального Прокурора вроде «...оснований для Вашего увольнения в запас не вижу», Фред тут же отправил Генеральному Прокурору «лично» жалобу на Заместителя, который, являясь официальным лицом, дал юридически некорректный ответ. Переписка закончилась обращением в международные организации, после чего в 1967 году Фреда все-таки демобилизовали. За время службы Фред отличался неоднократно. Так среди его «чудацеств» был и такой эпизод. Кассирша пожаловалась командиру части, где

служил наш имярек, что лейтенант Лакштанов не хочет получать денежное довольствие. Командир спрашивает:

- «Может быть, Вы ему опять не додали копейку или передали?».

Она отвечает:

- «Нет, в этот раз все как надо».

Командир вызывает Лакштанова и спрашивает, почему тот не хочет получать денежное довольствие. Тогда Фред заявляет:

- «Вы знаете, государство меня одевает, государство меня кормит, государство предоставило мне каюту. Я думаю, что мне можно довольствие и не получать».

Далее командир задает вопрос:

- «А если я Вам прикажу?».

Фред:

- «Вот! Тогда я получу, но расписываться не буду, поскольку в соответствии со статьей... ГК это мое личное дело».

Другой анекдотический случай произошел с нашим героем в том же Петропавловске - Камчатском. В вечернее время, в одном из флотских ресторанов Фред сидел за столиком в компании младших офицеров и закурил. Свет в зале был притушен, и было трудно рассмотреть компании за соседними столиками. И когда раздался голос:

- «Эй, ты, брось курить!»,

Фред ответил:

- «Я Вам не «эй ты», а товарищ лейтенант».

Тогда из-за соседнего стола поднялся адмирал, представился и потребовал прекратить курение. Фред выполнил требование, а на следующий день утром получил трое суток ареста за курение в неположенном месте. Специальным катером через бухту он был отправлен на «губу», но к вечеру вернулся по причине того, что гауптвахта ... сгорела.

После демобилизации Фред работал некоторое время в проектной организации, а затем, закончив юрфак ЛГУ, занялся юридической практикой, где проявил себя в полном блеске, фактически не проиграв ни одного дела. В сложные девяностые годы его услугами пользовались многие наши выпускники. Он всем старался помочь. Из жизни ушел тоже рано, в 2003 году. Мы все его очень любили и глубоко переживали утрату.

Из наших однокашников в в/ч 10729 проходили службу еще двое. Это Аким Павлович Ляликов и Геннадий Александрович Евдонин, которые проходили «оморячивание» во ВВМУ им. Фрунзе. Ким перевелся с Севера. Он был немного старше нас, с 1935 года. Во время учебы в ЛКИ он всегда был на виду. Отличался

исключительным умением устанавливать контакты со всеми людьми. У него были все знакомые. Кругозор его был широченный. Чувство юмора, находчивость в сложных ситуациях, «сочный» язык, умение все свести к доброй шутке делали его душой всех компаний. Он был энтузиастом и одним из организаторов юбилейных встреч выпускников, на которых он был ведущим. В студенческие времена неизменный участник «капустников», активный карикатурист сатирической стенгазеты факультета «Аврал». Его служба на Севере описана им в книге «Серебряный кораблик». Диапазон его интересов был велик. Он написал три книги разного жанра, неплохо владел технологией патентного дела, имел несколько изобретений. Изобретательской работой он занимался в период службы в в/ч 10729. В это время Аким установил дружеские отношения практически со всеми сотрудниками части. Всем импонировало его дружелюбное отношение к любому собеседнику, его незлобивое подтрунивание. Например, был такой случай. Мы вместе с ним переезжали в институтском служебном автобусе из одного здания в другое. Он заметил, что я обратил внимание на двух проходящих мимо красивых женщин. Тогда в присутствии всех он сказал:

- «Ишь ты, ведь трое детей и туда же...».

Я решил подыграть ему и ответил:

- «Потому и трое...».

Но не таков был Ким, чтобы остановиться. Он тут же задал вопрос:

- «А что, если бы позволял экономический фактор, то проверил бы, какая у тебя прогрессия, арифметическая, или геометрическая?».

Я продолжил игру и дал утвердительный ответ, на что Аким резюмировал:

- «Вот видишь, как важен этот фактор, если бы не он, то ты бы всю землю заполнил курзенятами, а нам бы разместиться было негде...».

В другой раз в присутствии большого числа офицеров доктор наук, капитан 1 ранга Соколов Кирилл Александрович попросил одолжить ему три рубля. Соколов К.А. любил приложиться к рюмке. Его жена строго следила, чтобы в дни полочки вся причитающаяся сумма была передана ей. Тогда находчивый профессор стал использовать неподконтрольные для жены заработки в виде платы за оппонирование, которое было не совсем регулярное. Поэтому приходилось «стрелять». На просьбу Ким громко, чтобы все слышали, сказал:

- «Доктору наук?! Профессору?! Три рубля?! Да завсегда!!!», и картинно вручил их смущенному капитану 1 ранга.

Уволился Аким со службы в звании капитана 2 ранга. После 1992 года я неожиданно для себя встретил его в СЗАГС, где он по совместительству начал работать на кафедре психологии. Через некоторое время он защитил кандидатскую диссертацию по философским наукам, а затем и докторскую. Получив докторскую степень, был избран заведующим кафедрой философии в Химико-фармацевтическом институте. На этой должности ему не удалось воплотить в жизнь свои планы. Тяжелая болезнь и быстрая кончина в 2002 году была причиной этому.

Геннадий Александрович Евдонин после службы на Камчатке некоторое время служил в Кронштадте, а затем был переведен в в/ч 10729. «Корабелку» он закончил с отличием. В студенческие годы я практически с ним не общался. Это вовсе не потому, что между нами было какое-то отчуждение. Просто потому, что мы были в разных потоках и группах и, к тому же, Гена был ленинградцем, да и по характеру довольно закрытый. Уже в в/ч мы узнали друг друга ближе. Он меня познакомил со своими родителями. Это были очень интересные люди. Отец, Александр Семенович, выпускник Института путей сообщения был известным мостостроителем. Мать, Нина Ивановна, трудолюбивая, внимательная, воспитавшая троих детей. В военном институте Геннадий проходил службу в разных отделах и закончил службу начальником лаборатории, капитаном 1 ранга, кандидатом технических наук, «старшим научным сотрудником». Так сложилось, что мы с ним призваны одним Приказом МО и уволены одним Приказом. Геннадий всегда отличался твердостью характера, трудолюбием, пунктуальностью и принципиальностью. В отличие от Ляликова компромиссы – это не его стихия. В некомфортных условиях он действует сугубо «по правилам». Так, сослуживцы рассказывают, что в период службы на Камчатке однажды командир заметил Евдонину, что тот не выполнил такое-то приказание. На что Геннадий ответил:

- «Такого приказания Вы мне не отдавали. Для отдачи приказания необходимо принять положение «смирно» и поднести руку к козырьку».

Командиру ответить было нечего. Забавные эпизоды с ним случались и в в/ч 10729. Вот один из последних. Его вызвали на беседу к адмиралу, на предмет включения в план увольнения в запас. Причину вызова все знают заранее. Знал, конечно же, и Геннадий. Он прибыл к адмиралу и «доложился». Адмирал без всяких вступлений спросил:

- «Геннадий Александрович, Вы ничего не хотите мне сказать?».

- «Я? Вам? Ничего. Я думал, что Вы мне что-то хотели сказать...».

Внешняя суровость не означает отсутствия чувства юмора. Так, например, в один из первоапрельских дней его сотрудники решили подшутить над своим суровым начальником и в фойе повесили такое объявление: «Кто хочет получить участок земли под садоводство, обращаться к Евдониному Г.А., телефон (такой-то)». Звонки не заставили себя ждать.... На первый звонок Г.А. удивился, почему обращаются к нему. Но когда звонивший сказал, что звонит по объявлению, Г.А. спокойно спустился на первый этаж, в фойе, прочитал объявление, поднялся к себе и на глазах восторженных сотрудников стал принимать звонки и записывать желающих, отказывая некоторым звонкам по причине малого срока службы в части.

После завершения службы Геннадий Александрович перешел на преподавательскую работу во ВВМУРЭ на кафедру математики. Его высокий профессионализм проявился и здесь. Подготовленные им команды курсантов неизменно занимали первые места на Олимпиадах. А его принципиальность и неподкупность была подтверждена неоднократно. Можно привести такой пример. Кафедрой начертательной геометрии заведовал старый профессор Сорокин, который на всех собраниях призывал отчислять нерадивых курсантов. Но вот в училище поступил его внук, не отличавшийся прилежанием. Старый профессор загодя обратился к Г.А.:

- «Геннадий Александрович, у меня на 1-м курсе внук, так Вы уж к нему, пожалуйста, как-нибудь помягше на экзамене».

Г.А. промолчал. Перед сессией Сорокин решил напомнить просьбу:

- «Геннадий Александрович, так Вы не забыли мою просьбу?».

- «Нет, не забыл, но я так же помню, что я Вам ничего не обещал».

Такого ответа старый профессор не ожидал...

В 1993 –м году я пригласил Евдоина Г.А. на работу в СЗАГС сначала совместителем на часть ставки доцента, а через некоторое время и на ставку постоянно. Одной из особенностей Г.А. как педагога является высокая требовательность. Это не всем нравится. Особенно в период рынка образовательных услуг, когда при поступлении абитуриентов основную роль играют не знания выпускников средней школы, а кредитоспособность их родителей. А на компромиссы и на снижение требований Геннадия Александровича склонить никому не удастся. В результате список его «хвостистов» в Академии достиг фантастических размеров. Все

деканы и первый проректор оказывают на заведующего кафедрой колоссальное давление с тем, чтобы «ввести его в меридиан». Поэтому приходится искать различные варианты распределения нагрузки с тем, чтобы у него был контингент с более или менее допустимой предварительной подготовкой. Но с другой стороны, на кафедре он один из самых надежных и организованных педагогов. Любые поручения он выполняет в лучшем виде. На него всегда можно положиться. Возложенные на него обязанности по организации и проведения Олимпиад он выполняет безупречно. Добросовестность и исполнительность его можно ставить в пример всем сотрудникам Академии. В инициативном порядке он читал несколько лет факультатив, в последние годы подготовил и прочитал два больших спецкурса на специализации. Для него работа есть высший приоритет. Так что работать с ним мне как заведующему кафедрой комфортно, но проблема с «хвостистами» возникает регулярно и ею приходится заниматься.

Так получилось, что мы с ним идем рядом вот уж более 40 лет. На нашей кафедре работают еще два моих однокашника-корабела. Это Женя Скобов и Галя Китаева (Балакина). Это тоже моя опора.

Постоянный дружеский контакт я поддерживаю со многими однокашниками. Мои старые друзья Слава Денисов, Валя Фещенко, Игорь Сорокин, Дима Иванов, Володя Горшенин, Гера Бундин, Саша Щелканов, Давид Раксин, Саша Спехов всегда тепло поздравляют с праздниками. Регулярно общаемся по телефону и с девушками: с Наташей Егоровой, Машей Бабушкиной, Галей Червяковой (Кутиной), Таней Кругловой, Любой Гущиной (Чугуновой), Аллой Никулиной (Каяян), Людой Ивановой, Милой Парамоновой, Ирой Егоровой, Светой Феофиловой (Нефедовой). А в период подготовки встреч выпускников этот диапазон существенно расширяется.

Сорокалетний юбилей выпуска приборфака ЛКИ. Большой сбор. 2003 год

Механики-торпедисты на юбилее, 2003 год

Торпедисты на встрече 2006

Нашему выпуску ЛКИ 45 лет

Пятьдесят лет выпуска

Заключительные замечания

Пришло время еще раз оглянуться назад и оценить пройденный путь. Каков он был? Всех ли целей удалось достичь? Какие события были самыми яркими, самыми важными и запоминающимися? Какие выводы можно сделать, анализируя пройденный путь?

Если анализировать свой жизненный путь «со стороны», то можно сказать, что это типичный путь русского человека, прошедшего со своей страной важнейший этап ее развития. Это путь человека, вышедшего из русской глубинки и пытающегося перенять от тружеников–земледельцев главные качества: трудолюбие и настойчивость в преодолении трудностей, способность держать «удары судьбы», не сдаваться. Передо мной всегда стоял пример отца и матери. Если от отца мне хотелось перенять быструю реакцию, настойчивость и умение мобилизовать себя в непредвиденных обстоятельствах, то от матери хотелось взять глубокую порядочность, честность, уважение к людям, способность управлять собой. Как это получилось в жизни, не мне судить. Но я старался А путь получился не простым. Деревенский мальчик, ощутивший в детстве атмосферу военного и послевоенного времени с чудовищным напряжением нравственных и физических сил всего народа, испытавший все тяготы разрухи и голодного времени, прошедший в силу обстоятельств через учебу в разных школах, сумел окончить среднюю школу с золотой медалью и поступить в институт. За время учебы в институте приложил все силы, чтобы

использовать представившиеся возможности и «впитать в себя» достижения культуры и науки, приблизиться по развитию и кругозору к кругу интеллигенции. Уверенность в правоте и чистоте общественных идеалов, не афишированное чувство патриотизма и готовность исполнять законы и распоряжения власти позволили достойно принять реальность о невозможности исполнения первоначально намеченных планов и пережить кардинальный поворот на своем жизненном пути. Стремление в новых условиях максимально реализовать свой потенциал с учетом, как это представлялось, государственных интересов привело к тому, что пришлось мобилизовать все свои силы и настойчивость, чтобы быть ближе к новой технике и заниматься научными разработками. Это в целом удалось, но довольно дорогой ценой - сменой тематического направления. Чтобы быть на уровне требований, необходимо было снова проявить характер и трудолюбие для выхода на уровень специалиста - исследователя в новой области. Навыки работы и учебы в институте способствовали этому. Удалось приобрести необходимую квалификацию путем существенного повышения математической и научно-технической культуры, а в процессе обоснования и создания новой техники получить ряд приличных научных результатов. Это все происходило в период, когда наша страна представляла собой великую державу, Советский Союз. К сожалению, произошел распад великого государства по причине утраты способности политического руководства отвечать на вызовы времени, разложения и предательства этого руководства, информационной агрессии «вечных друзей» - конкурентов, заинтересованных в развале СССР и России, а также из-за отсутствия иммунитета у интеллигенции на абстрактную демагогическую болтовню о «свободах и демократии». Все это коренным образом изменило политическую ситуацию в стране и отношение к гарантам государства – Армии и Флоту. Поэтому дальнейший путь логичен. Увольнение в запас, переход на преподавательскую работу и постановка новых самостоятельных курсов-дисциплин по направлению, которым занимался последние двадцать лет. Далее, в возрасте 53 лет в силу объективных обстоятельств, вынужден был направить свои усилия на решение вопросов эффективного государственного и муниципального управления, являющихся национальной проблемой в новой России. Это новый крутой поворот в направлении деятельности. Используя весь предыдущий опыт и знания (а лишних знаний не бывает), на этом пути также удалось достичь некоторых результатов, в частности, в вопросах подготовки квалифицированных кадров-управленцев с широким культурным и научным кругозором.

Следовательно, можно резюмировать, что пройденный путь оказался розами не усыпан, он тесно связан с развитием и жизнью страны, в которой «родился, там и пригодился».

Каких же целей достигнуть удалось и что оказалось не достижимым? Ответить на этот вопрос трудно, потому как цели всегда носят довольно общий характер. Главная цель - быть достойным и уважаемым человеком, честно выполнять свой долг перед семьей, обществом, отдавать свои силы и знания на их благо. Удалось ли мне достичь этой цели? Я думаю, что только частично. Возможно, в других, более стабильных и благоприятных для работы условиях научные результаты были бы более значительны и весомы. Всегда ли я поступал правильно? Смешно было бы дать утвердительный ответ. Многого можно было сделать лучше. Но я снова скажу, что я старался. Что касается уважения, то объективно судить мне трудно, но общественные, формальные знаки уважения имеют место быть.

Из наиболее ярких и запоминающихся событий моей жизни, конечно же, являются студенческие годы, учеба в ЛКИ. Это общежитие, дружба, студенческое братство. Нас объединило в одну семью не только учеба и общежитие, но и социальная атмосфера в обществе с благородными идеалами, почти ежегодные работы в колхозах, летние и зимние кульпоходы, студенческие вечера самодеятельности и вечера отдыха, спартакиады и олимпиады.

Запоминающимися были, разумеется, защиты диссертаций, участие в подготовке и докладах ГК ВМФ Горшкову С.Г., государственные испытания «Подберезовика», присвоение почетного звания «Заслуженный деятель науки РФ», первый выпуск специализации «Управление социально-экономическими процессами» в СЗАГС.

Из встреч с разными людьми и сослуживцами, безусловно, надо признать, что мне повезло. Прежде всего, мне повезло в школе учиться у таких учителей, как Коршунов Д.А. и Минеева К.Ф., в ЛКИ учиться у замечательных специалистов и педагогов (Марков В.Г., Поспелов Н.А., Шевело А.И. и др.). Повезло оказаться замеченным начальником Института радиоэлектроники ВМФ Чернаковым С.П. и служить под его началом, повезло встретить такого руководителя, учителя и человека как Перов В.П.. Много было на моем жизненном пути и других замечательных и интересных людей, всех перечислить трудно.

На то, как сложилась личная жизнь, жаловаться грех. Я всегда чувствовал понимание и поддержку со стороны жены. Мы родили и воспитали троих детей. Старшая дочь успешно окончила Ленинградский гидрометеорологический институт, специальность

«Численные методы прогноза погоды». Работает доцентом, имеет степень кандидата физико-математических наук. Сын окончил ВВМУРЭ им. А.С. Попова, получил квалификацию военного радиоинженера, служил на Севере, закончил адъюнктуру. Преподает во ВМИРЭ, кандидат технических наук, капитан 1 ранга. Младшая дочь окончила 1-й Ленинградский медицинский институт им. И.П. Павлова и работает врачом в научно-исследовательском Институте пульманологии, кандидат медицинских наук. У нас две внучки окончили высшие учебные заведения, одна внучка – студентка СПбГУ и один маленький внук.

Ну и что же дальше? Ведь жизнь продолжается. Предстоит сделать еще многое. Главным образом сделать все, чтобы в Северо-Западном институте управления РАНХиГС не осталось скептиков относительно необходимости внедрения количественных методов и компьютерных технологий в теорию и практику государственного и муниципального управления. Это трудная работа. И действовать надо по многим направлениям, преодолевать предрассудки и наследованные политической элитой еще из советского времени устойчивые стереотипы «превосходства» гуманитарных дисциплин. Преобладание представителей традиционных гуманитарных дисциплин в структурах учебных заведений управленческого профиля и в управлении этими организациями не позволяет своевременно внедрять новые передовые методы и технологии управления большими сложными системами в практику и учебный процесс. Не является исключением и наш СЗИ управления, где тон все еще задают историки и философы советского периода и их наследники. В основном это люди в приличном возрасте и твердо уверенные в своей правоте, не желающие и не способные на восприятие новых идей, требующих серьезной напряженной работы над собой. Студентов они учат тому, что знают и умеют сами. И молодых аспирантов на кафедрах обучают без применения современных методов количественного анализа. Хотя большинство этих людей являются честными и порядочными. Не зря говорят, что побеждают не новые идеи, а приходят новые люди – носители новых идей.

Стирание междисциплинарных границ в интересах разработки и принятия сбалансированных решений в задачах управления социально-экономическими процессами соответствует тенденциям современного развития управленческой науки и представляется сложнейшей и актуальнейшей проблемой.

Так что впереди много работы.

Общий вывод. Все старо как мир. Вывод можно сформулировать следующим образом. Как бы ни сложились обстоятельства. Если

будешь честным, не будешь лениться и прятаться за чужие спины, будешь уважать людей и любить свою страну, будешь работать на благо общества, не искать легких путей, будешь придерживаться принципа «больше быть, чем казаться», будешь щедрым, а не корыстным, то можешь чего-то достичь и с чистой совестью смотреть в глаза любому. И к тому же можешь рассчитывать на уважение в обществе. В известном высказывании дореволюционной России: «За богом молитва, а за царем служба никогда не пропадет» был смысл... .

Мне кажется это так...

(Санкт-Петербург, май 2003 –декабрь 2013 гг.)

